

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2025

№ 1

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Томский государственный университет

Главный редактор

Функ Дмитрий Анатольевич, Московский государственный лингвистический университет, Россия

Редакционная коллегия:

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия – заместитель главного редактора

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия – заместитель главного редактора

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия

Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

Редакторы отдела рецензий:

Басов Александр Сергеевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ковальский Святослав Олегович, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционный совет:

Балзер Марджори Мандельштам, Джорджтаунский университет, США

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция

Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

де Грааф Тьеерд, университет г. Гронинген, Нидерланды

Грант Брюс, университет Нью-Йорка, США

Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия

Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия

Завьялов Владимир Игоревич, Институт археологии РАН, Россия

Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Крадин Николай Николаевич, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Россия

Лбова Людмила Валентиновна, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия

Миськова Елена Вячеславовна, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Степанов Шарль, Практическая Школа Высших Исследований, Франция

Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия

Хлыновская-Рокхилл Елена Владимировна, Кембриджский университет, Великобритания

Секретарь: *Альбина Глуценко (Рассказчикова)*, Томский государственный университет, Россия

Переводчик: *Данилова Анастасия Павловна*, Томский государственный университет, Россия

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

E-mail: shrjournal@mail.tsu.ru. Сайт журнала: www.journals.tsu.ru/siberia

Издательство: Издательство Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

Editor-in-Chief

Funk, Dmitriy, Moscow State Linguistic University, Russia

Editorial Board:

Sokolovskiy, Sergey, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia – Associate Editor

Zaytseva, Olga, Tomsk State University, Russia – Associate Editor

Hazanov, Anatoliy, University of Wisconsin-Madison, USA

Nam, Iraida, Tomsk State University, Russia

Schweitzer, Peter, University of Vienna, Austria

Trubina, Elena, Ural Federal University, Russia

Book Review Editors:

Basov, Aleksandr, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Kovalskiy, Svyatoslav, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Advisory Board:

Balzer, Marjorie Mandelstam, Georgetown University, USA

Beach, Hubert, Uppsala University, Sweden

Birtalan, Agnes, Eotvos Lorand University, Hungary

de Graaf, Tjeerd, Groningen University, the Netherlands

Grant, Bruce, University of New York, USA

Deriglazova, Larisa, Tomsk State University, Russia

Dybo, Anna, The Institute of Linguistics, RAS, Russia

Dyatlov, Viktor, Irkutsk State University, Russia

Zavyalov, Vladimir, Institute of Archaeology RAS, Russia

Zinoviev, Vasiliy, Tomsk State University, Russia

Kradin, Nikolay, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, Russia

Lbova, Lyudmila, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia

Miskova, Elena, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Russia

Stépanoff Charles, Ecole Pratique des Hautes Etudes, France

Kharus, Olga, Tomsk State University, Russia

Khlinovskaya Rockhill, Elena, University of Cambridge, UK

Secretary *Albina Glushchenko (Rasskazchikova)*, Tomsk State University, Russia

Translator *Anastasia Danilova*, Tomsk State University, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Функ Д.А. О публикационных планах журнала и дефиците рецензий	6
--	---

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА В АНТРОПОЛОГИИ

Истомин К.В., Лярская Е.В., Васильева В.В. Между эмным и этным: методология исследования неопределенности в российской Арктике	12
---	----

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧУКОТКИ: ЧЕЛОВЕК И ДИНАМИКА МАТЕРИАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ УДАЛЕННОСТИ

(отв. ред. специальной темы номера – В.Н. Давыдов, А.А. Ярзуткина)

Давыдов В.Н., Ярзуткина А.А. Введение: административные функции, снабжение, инфраструктурные изменения и креативность в селах Чукотки	49
Ярзуткина А.А. Глава арктического села: социальный капитал и осуществление властных полномочий	62
Давыдов В.Н., Шульгина О.М. Искусство (не) продавать: темпоральность торговли в селах Чукотки	80
Малышев Г.Н. От яранги до коттеджа: динамика отношений между коренными жителями Чукотки и государством через призму истории архитектуры и строительства в национальных поселениях	99
Шульгина О.М. А.Л. Горбунков и судьбы чукотско-эскимосского косторезного искусства: опыт предшественников и современные тенденции	135

MISCELLANEA

Шульга П.И., Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н. Погребальные комплексы с кремированными останками человека на древней поверхности по материалам памятника Усть-Зелинда-2 (Северное Приангарье)	157
Голубинская А.В., Грозов С.С. Неэкспертная рациональность в эпоху постправды: критическое мышление как мышление разумного согласия	184

РЕЦЕНЗИИ

Соколовский С.В. О мультимодальности в антропологии	200
--	-----

CONTENTS

Funk D.A. On the journal's publication plans and the shortage of reviews	6
---	---

THEORY AND PRACTICE IN ANTHROPOLOGY

Istomin K.V., Liarskaya E.V., Vasilyeva V.V. Between the Emics and the Etics: Methodology for Studying Uncertainty in the Russian Arctic	12
---	----

SOCIAL AND ANTHROPOLOGICAL RESEARCH IN CHUKOTKA: HUMAN BEING AND THE DYNAMICS OF MATERIALITY IN CONDITIONS OF REMOTENESS (Guest Editors V.N. Davydov & A.A. Yarzutkina)

Davydov V.N., Yarzutkina A.A. Introduction: Administrative Functions, Supply, Infrastructure Changes and Creativity in the Settlements of Chukotka	49
Yarzutkina A.A. The Arctic Village Head: Social Capital and Exercise of Power	62
Davydov V.N., Shulgina O.M. The Art of (Not) Selling: Temporality of Trade in Chukotka's Villages	80
Malyshev G.N. From Yaranga to Cottage: The Dynamics of Relations Between Indigenous People of Chukotka and the State Through the Lens of Architectural and Construction History in National Settlements	99
Shulgina O.M. A.L. Gorbunkov and the Fortune of Chukchi and Asian Eskimo Ivory Carving Art: Experience of Predecessors and Actual Trends	135

MISCELLANEA

Shulga P.I., Grishin A.E., Marchenko Z.V., Garkusha Y.N. The Burials Complexes with Cremated Human Remains on the Level Ancient Soil Surface on the Ust'-Zelinda-2 Site's Materials (Northern Angara Area)	157
Golubinskaya A.V., Grozov S.S. Non-Expert Rationality in the Post-Truth Age: Critical Thinking as Thinking of Reasonable Agreement	184

REVIEWS

Sokolovskiy S.V. On Multimodality in Anthropology	200
--	-----

doi: 10.17223/2312461X/47/1

О публикационных планах журнала и дефиците рецензий

Уважаемые читатели!

2025 год – тринадцатый год существования журнала «Сибирские исторические исследования». После включения в 2016 г. в базу данных Scopus вот уже четвертый год подряд, с 2020 г., он оценивается на уровне Q1 по направлению «история» и Q2 – по обеим «археологиям» (archeology и archeology (arts and humanities)) и «антропологии». Несмотря на все изменения систем оценок научных журналов в России, «Сибирские исторические исследования» продолжают занимать лидирующие позиции в каждой из них, в частности в «Белом списке» журналов он отнесен к журналам первого уровня. В рейтинге Science Index по итогам 2023 г. «Сибирские исторические исследования» в группе «История. Исторические науки» находится на 16-м месте из 268, а в группе «Комплексное изучение отдельных стран и регионов» – на 3-м из 46. Несмотря на спорность целого ряда (пожалуй, большей части) показателей, учитываемых при рейтинговании академических журналов – практически все они касаются формы, но, к сожалению, не содержания, – высокое место «Сибирских исторических исследований» в этих рейтингах все же может считаться подтверждением уровня журнала, что достигается как благодаря работе международной редколлегии, так и, в первую очередь, благодаря качеству публикуемых текстов.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить коллег в Издательстве Томского государственного университета, которые готовят наш журнал: А.И. Лелююр, Ю.П. Готфрид, Н.А. Афанасьеву, А.А. Цыганкову, Л.Д. Кривцову, а также главного редактора издательства К.Г. Шилько. Их глубокие знания в профессиональной сфере, внимание к мельчайшим деталям, ответственность за качество готовящихся текстов, не говоря уже об их такте в общении с авторами, – чрезвычайно значимые составляющие успеха журнала.

* * *

Первый номер журнала в этом году открывает важная в теоретическом плане статья петербургских коллег – К.В. Истомина, Е.В. Лярской и В.А. Васильевой, в которой представлены итоги размышлений о методологии исследования феномена неопределенности, основанных на опыте полевой работы авторов. Публикация базируется на северных/арктических материалах, лишняя раз подтверждая известную мысль о Сибири как

об уникальной «лаборатории» научного поиска, в которой могут и должны рождаться новые теории (об этом писалось неоднократно и в XIX, и в XX вв., и в недавних антропологических работах).

В наступившем году мы планируем, как и ранее, печатать статьи, объединенные в основном в так называемые специальные темы номера под редакцией приглашенных ответственных редакторов. В первый номер журнала вошла чрезвычайно интересная подборка статей под редакцией В.Н. Давыдова и А.А. Ярзуткиной, посвященная обсуждению феномена человека и динамики материальности в условиях удаленности. В статьях, написанных по итогам социально-антропологических исследований на Чукотке, авторы рассматривают вопросы руководства, снабжения, инфраструктурных изменений и креативности в селах этого региона. На очереди еще несколько специальных тем, в частности о канонах наследия и практиках охраны прошлого в СССР, о духах-хозяевах в современных социальных практиках индигенных групп, об антропологии мигрантских сообществ. Надеюсь, все они будут с интересом встречены читателями.

Есть одна проблемная для журнала область, о которой хочется сказать особо. Это рецензии на новые зарубежные книги по антропологии. Несмотря на обилие и значимость многих из них для знакомства с новыми материалами и идеями, в целом для развития теоретической мысли, количество рецензий оказывается ничтожно и неоправданно малым. Впрочем, это касается не только «Сибирских исторических исследований». За весь 2024 г. в российских журналах, специализирующихся на антропологической/этнологической тематике, была опубликована лишь пара обзоров и чуть более двух десятков рецензий на современные зарубежные (изданные на западно-европейских языках) публикации по соответствующей тематике: в журнале «Антропологии» – три рецензии, «Этнографическое обозрение» и «Сибирские исторические исследования» – по три рецензии и по одному обзору, «Антропологический форум» – 13 рецензий. А целый ряд журналов с терминами «антропология» или «этнография» в названии вообще обошелся без соответствующих текстов. Представленная ситуация нуждается, по крайней мере, в объяснении (с тем, чтобы затем попытаться исправить ее). Одно из возможных объяснений может заключаться в том, что рецензии не учитываются как «публикации» при наборе необходимых обязательных текстов для выхода на защиту диссертации. Этот неучет выглядит более чем странным, поскольку именно в рецензиях автор имеет возможность проговаривать собственные мысли, которые найдут отражение в его диссертационном сочинении. И все же это вполне может вести к тому, что пишущие свои диссертации не хотят тратить время на публикации в этом жанре. Впрочем, поскольку авторами значительного числа учтенных мной рецензий являются именно аспиранты, это объяснение ситуации вряд ли можно признать однозначно верным. Еще одна возможная причина малого

числа рецензий, как может показаться, заключается в существенно сузившемся доступе российских антропологов к современной зарубежной литературе. Оговорка, как может показаться, не случайна, поскольку в реальности все крупные зарубежные издательства, специализирующиеся на антропологической литературе, *berghahn*, в частности, охотно и совершенно бесплатно предоставляют доступ к книгам, запрашиваемым «для рецензирования». Что еще? Скорее всего, как мне кажется, причина заключается в сохраняющейся «привычке» не читать на европейских языках, а она, в свою очередь, имеет корни в тотальном отсутствии курса «Академический текст» (или *writing-up seminar*) на профильных вузовских кафедрах этнологии/этнографии, равно как и преподавателей, готовых вести эти занятия.

В наступившем году редколлегия журнала будет уделять особое внимание поиску авторов, готовых рецензировать современные книги по антропологии. Надеюсь, это в итоге отразится на числе представленных читателям книг и хоть в какой-то мере позволит привлечь внимание коллег к этому жанру научных текстов.

С пожеланием плодотворного года, широких полей, новых открытий и ярких текстов,

Дмитрий Функ

On the journal's publication plans and the shortage of reviews

Dear readers!

2025 is the thirteenth year of the existence of the journal *Siberian Historical Research*. After being included in the Scopus database in 2016, for the fourth year in a row, since 2020, it has been assessed at Q1 in the direction of "history" and Q2 in both "archeology" (archeology and archeology (arts and humanities)) and "anthropology". Despite all the changes in the rating systems of scientific journals in Russia, *Siberian Historical Research* continues to occupy a leading position in each of them, in particular, in the White List of journals, it is classified as a first-level journal. In the Science Index rating at the end of 2023, "*Siberian Historical Research*" in the group "History. Historical Sciences" is in 16th place out of 268, and in the group "Comprehensive study of individual countries and regions" - in 3 out of 46. Despite the controversy of a number (perhaps most) of indicators taken into account when rating academic journals - almost all of them relate to form, but, unfortunately, not content - the high place of *Siberian Historical Studies* in these ratings can still be considered a confirmation of the level of the journal, which is achieved both thanks to the work of the international editorial board and, first of all, due to the quality of the published texts. Taking this opportunity, I want to thank all the colleagues at TSU publishing house who are preparing our magazine: A.I. Leloyur, Yu.P. Gottfried, N.A. Afanasyeva, A.A. Tsygankova, L.D. Krivtsova, as well as the chief editor of the publishing house K.G. Shilko. Their deep knowledge in the professional field, attention to the smallest details, responsibility for the quality of the texts being prepared, not to mention their tact in communicating with the authors, are extremely significant components of the success of the magazine.

The first issue of the journal this year opens a theoretically important article by St. Petersburg colleagues - K.V. Istomin, E.V. Lyarskaya and V.A. Vasilyeva, which presents the results of reflections on the methodology for studying the phenomenon of uncertainty, based on the experience of the authors' field work. The publication is based on northern/Arctic materials, once again confirming the well-known idea of Siberia as a unique "laboratory" of scientific research, in which new theories can and should be born (this was written more than once in the 19th and 20th centuries, and in recent anthropological works).

In the coming year, we plan, as before, to print articles, combined mainly in the so-called. special topics of the issue edited by invited responsible editors. The first issue of the magazine included an extremely interesting selection of articles edited by V.N. Davydov and A.A. Yarzutkina, dedicated to the discussion of the human phenomenon and the dynamics of materiality in remote conditions. In articles written on the basis of socio-anthropological research in Chukotka, the authors consider issues of leadership, supply, infrastructure changes and creativity in the villages of this region. Next in line are several more special topics, in particular, about the canons of heritage and practices of protecting the past in the USSR, about host spirits in modern social practices of indigenous groups, about the anthropology of migrant communities. I hope they will all be greeted with interest by readers.

There is one area of concern for the magazine that I want to emphasize. These are reviews of new foreign books on anthropology. Despite the abundance and significance of many of them for acquaintance with new materials and ideas, in general for the development of theoretical thought, the number of reviews is negligible and unreasonably small. However, this applies not only to Siberian Historical Research. For the entire 2024 year, only a couple of reviews and a little more than two dozen reviews of modern foreign (published in Western European languages) publications on relevant topics were published in Russian journals specializing in anthropological/ethnological topics: in the journal "Anthropology" - three reviews, "Ethnographic Review" and "Siberian Historical Studies" - three reviews each and one survey, "Anthropological Forum" - 13 reviews. And a number of magazines with the terms "anthropology" or "ethnography" in the title did without the corresponding texts at all. The presented situation needs at least an explanation (in order to then try to correct it). One possible explanation may be that reviews are not counted as "publications" when typing the necessary required texts to enter the defense of a dissertation. This disregard looks more than strange, since it is in the reviews that the author has the opportunity to express his own thoughts, which will be reflected in his dissertation. And yet this may well lead to the fact that those writing their dissertations do not want to waste time publishing in this genre. However, since the authors of a significant number of reviews I have taken into account are graduate students, this explanation of the situation can hardly be recognized as unambiguously true. Another possible reason for the small number of reviews, as it may seem, lies in the significantly narrowed access of Russian anthropologists to modern foreign literature. The reservation, as it may seem, is not accidental, since in reality all major foreign publishers specializing in anthropological literature, *berghahn*, in particular, willingly and completely free of charge provide access to books requested "for review". What else? Most likely, it seems to me that the reason lies in the continuing "habit" of not reading in European languages, and it, in turn, has roots in the total absence of the Academic Text

course (or writing-up seminar) at specialized university departments of ethnology/ethnography, as well as teachers who are ready to conduct these classes.

In the coming year, the editorial board of the journal will pay special attention to finding authors who are ready to review modern books on anthropology. I hope this will ultimately affect the number of books presented to readers and at least to some extent will attract the attention of colleagues to this genre of scientific texts.

With the wish of a fruitful year, wide fields, new discoveries and bright texts,

Dmitry Funk

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА В АНТРОПОЛОГИИ

Научная статья

УДК 316.7

doi: 10.17223/2312461X/47/2

Между эмным и этным: методология исследования неопределенности в российской Арктике

Кирилл Владимирович Истомин¹
Елена Владимировна Лярская²
Валерия Владиславовна Васильева³

^{1, 2, 3} *Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия*

¹ *kistomin@eu.spb.ru*

² *rica@eu.spb.ru*

³ *vvasilyeva@eu.spb.ru*

Аннотация. В ходе этнографической полевой работы нередко ситуации, когда эмные понятия, обнаруживаемые исследователем-антропологом в поле, не совпадают с положенными в основу его исследовательского проекта этными понятиями. Поскольку цель этнографического поля – дать описание эмной реальности информантов, подобные ситуации могут создавать значительные сложности, особенно если оказывается, что в эмной реальности не определяется или определяется совершенно иначе сам объект исследования. В настоящей работе мы делимся опытом разрешения такой проблемы, возникшей при полевом исследовании неопределенности в рамках проекта ««Земля храбрых»: Преодоление неопределенности при взаимодействии с физической и социальной средой в российской Арктике». Проанализировав теоретические подходы к дихотомии эмного и этного, мы разработали три инструмента для полевого исследования: 1) переформулировка нашего этного понятия «неопределенность» в эмных терминах; 2) поиск эмного значения понятия «неопределенность» и соотнесение его с этным; 3) со-конструирование понятия – провоцирование информанта на трактовку слова «неопределенность» и формулировку своего понимания данного слова. Применение этих инструментов позволило не только установить, что неопределенность в нашем понимании может не восприниматься информантами как проблема, но и выяснить, что для информантов, имеющих собственное понимание неопределенности, характерна трактовка этого понятия на двух разных уровнях: глобальном и личном. Актуальный круг значений для наших информантов связан именно с личным уровнем: неопределенность для них направлена не на ситуацию, а на ощущение себя в возникших обстоятельствах. Неопределенность может быть связана с моральной оценкой и эмоциональным отношением к переживанию этого чувства самим говорящим и другими людьми. Помимо этого, вопрос о неопределенности оказался инструментом, позволяющим вскрыть пласт представлений об агентности, к которым было довольно трудно подобраться иными путями. Можно предположить, что со-конструирование с информантом понятия (объекта исследования), которое, по нашему мнению, нередко случается в поле, позволяет проблематизировать саму дихотомию эмного и этного. Мето-

дологические инструменты, сформулированные в ходе работы с понятием «неопределенность», имеют более широкую теоретическую значимость и применимы для исследования других сложных понятий. Кроме того, неопределенность является стандартным понятием в социологии и экономике: в этих науках феномен неопределенности принимается во внимание при анализе и влияет на его результаты. Антропология дополняет этот анализ описанием того, как люди «на земле» осмысливают и чувствуют неопределенность, принимают ее во внимание и, таким образом, существенно уточняют, как и почему неопределенность влияет или не влияет на поведение.

Ключевые слова: методология, неопределенность, эмный, этный, эмицкий, российская Арктика, Север, планирование, агентность

Благодарности: статья написана в рамках проекта РНФ № 22-18-00238 «“Земля храбрых”: Преодоление неопределенности при взаимодействии с физической и социальной средой в российской Арктике».

Для цитирования: Истомин К.В., Лярская Е.В., Васильева В.В. Между эмным и этным: методология исследования неопределенности в российской Арктике // Сибирские исторические исследования. 2025. № 1. С. 12–48. doi: 10.17223/2312461X/47/2

Original article

doi: 10.17223/2312461X/47/2

Between the Emics and the Etics: Methodology for Studying Uncertainty in the Russian Arctic

Kirill V. Istomin¹, Elena V. Liarskaya², Valeria V. Vasilyeva³

^{1, 2, 3} *European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation*

¹ *kistomin@eu.spb.ru*

² *rica@eu.spb.ru*

³ *vvasilyeva@eu.spb.ru*

Abstract. In ethnographic fieldwork, one often encounters situations when emic concepts picked up by an anthropologists from his/her informants do not coincide with the etic concepts he/she used when formulated his/her research project. Since any ethnography should aim at describing emic reality, situations like these can create significant difficulties. This is particularly true if the very object of research either does not exist in the emic reality at all or takes a very different meaning there. In this paper, we share our experience of dealing with such a problem, which we encountered studying uncertainty in the framework of the project ““The Land of the Brave”: Coping with Uncertainty of the Social and Natural Environment in the Russian Arctic”. Having reviewed theoretical approaches to the etic/emic dichotomy, we came out with three “tools” that we could use in our field: 1) re-defining of our etic notion of uncertainty in emic terms; 2) searching for emic meaning of uncertainty and relating it to the etic one; 3) co-constructing the notion – provoking our informants to engage with the word “uncertainty” and to construct his/her own understanding of it. By the means of these tools, we could establish not only that the uncertainty in our sense could be perceived by our informants as unproblematic, but also that those informants, who did have their own (emic) understanding of the concept, understood it on two levels: global and personal.

Their active sense of the uncertainty was related to the personal level: their uncertainty referred not to the situation per se, but to their personal feelings in that situation. The emic uncertainty could include a moral assessment (and corresponding emotional reaction) to that feeling as experienced by the informant him/herself or by other people. The questions about uncertainty turned out to be a tool capable of uncovering a new layer of beliefs about human subjectivity and agency, which would be difficult to discover otherwise. It can be suggested that the co-constructing a notion (research object) with an informant – something that, in our opinion, happens rather often in a field – problematizes the emic/etic dichotomy itself. The fieldwork “tools” we have designed to work with the notion of uncertainty have a wider significance and can be allied to study other complex notions in the field. Besides that, the concept of uncertainty is currently in active use in sociology and economics: in these disciplines, the phenomenon of uncertainty is taken into account in analysis and influences its results. Anthropology can contribute to this analysis its description of how uncertainty is understood or not understood, felt, taken or not taken into consideration by people “on the ground”. This can potentially clarify how and why uncertainty influences (or does not influence) human behaviour.

Keywords: Methodology, uncertainty, emic, etic, emical, Russian Arctic, North, planning, agency

Acknowledgements: This research was supported by the grant # 22-18-00238 «“The Land of the Brave”: Coping with Uncertainty of the Social and Natural Environment in the Russian Arctic» of the Russian Science Foundation.

For citation: Istomin, K.V., Liarskaya, E.V. & Vasilyeva, V.V. (2025) Between the Emics and the Etics: Methodology for Studying Uncertainty in the Russian Arctic. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 12–48. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/47/2

Введение

Настоящая работа стала результатом анализа ряда методологических сложностей, встреченных нами в ходе полевых исследований по проекту «“Земля храбрых”: Преодоление неопределенности при взаимодействии с физической и социальной средой в российской Арктике». Эти сложности и наш опыт работы с ними может представлять интерес для наших коллег потому, что они касаются одного из центральных положений современной антропологии: утверждения, что основная задача полевого этнографического исследования – это «пробраться в голову» информанта и увидеть мир «его глазами» (Michrina, Richards 1996). Действительно, современная антропология очень по-платоновски трактует воспринимаемую полевым исследователем реальность – по крайней мере, в той ее части, в какой эта реальность является социальной, т.е. человеческое поведение, изделия ручного труда, социальные институты, антропогенные ландшафты и т.д. и т.п. – как несовершенное отражение мира идей (Harris 1999). Хотя эти идеи пребывают не на «хребте неба», а существуют «во дворе дома, на рынке, на городской площади» (Geertz 1973: 45), путь к познанию отражений, в полном согласии с учением

Платона, лежит исключительно через них. История антропологии показывает, что такой взгляд на социальную реальность и на ее познание получил всеобщее распространение относительно недавно (см. например, Harris 1979). Тем не менее для современного антрополога очевидно, что задача полевой этнографии – давать эмные описания в эмных терминах. Анализ этих описаний может происходить в более широких концептуальных рамках¹, но материал для него должен быть именно таким.

Основная идея, на которой строился наш проект, состояла в том, что экономико-географические, климатические и социальные особенности арктического региона (разреженная инфраструктура, склонная к «поломкам», суровый и изменчивый климат, малозаселенность) создают в жизни его обитателей гораздо больший уровень неопределенности, чем в жизни обитателей более южных и освоенных регионов. Жизнь в условиях неопределённости должна была, по нашему мнению, заставить северян вырабатывать способы ее преодоления и адаптации к ней, а изучение этих способов, а также особенностей восприятия неопределенности как таковой могло существенно обогатить антропологическую теорию, показав, как на «подходы людей к делу проживания своих жизней» (человеческую культуру, «человеческое состояние») влияют не только *существующие* условия и факторы (что, так или иначе, исследовалось и исследуется многими), но и *потенциальные* условия и факторы (о чем мы знаем в гораздо меньшей степени). Нам казалось, что исследовать роль возможного в человеческой жизни гораздо лучше через понятие неопределенности, чем через понятие риска, как это обычно делается в социальных и экономических науках, не только потому, что неопределённость, в отличие от риска, связана как с потенциальными проблемами, так и с потенциальными благами, но и потому, что неопределенность гораздо более субъективна, чем риск (тракуемый обычно как объективный и исчисляемый фактор) и вполне может представлять собой субъективное восприятие последнего. Это делало неопределенность интересным объектом исследования, который лишь антропология в состоянии «осилить» (подробнее см. Истомин, Вахтин 2022).

В конце 2022 г. мы начали полевые исследования, цель которых – взглянуть на неопределенность глазами информантов. Разумеется, мы полностью осознавали, что понятие «неопределенность», как всякое иное понятие, может различаться от группы к группе и от «культуры» к «культуре». Так, например, в английском языке слово «uncertainty», считающееся ближайшим переводом русского «неопределенность», может означать как неясность (восприятия) текущей ситуации и ее будущего развития, так и неясность, связанную с выбором курса собственных действий или манеры поведения (то, что по-русски обычно обозначается словом «неуверенность»). Это хорошо видно из англоязычных исследований неопределенности, начиная с классического «The Quest for

Certainty» Джона Дьюи (Dewey 1929), посвященного скорее неуверенности, чем неопределенности в нашем смысле слова, и заканчивая современными этнографиями, описывающими как неясность ситуации, так и неясность того, как поступать в ясной ситуации (см., например, *Social Theories of Risk...* 2008; *Modes of Uncertainty...* 2015).

Современные работы разнятся в отношении проблематизации категории неопределенности и рефлексии по поводу методологических подходов для ее исследования. Во многих случаях это продиктовано самим полем: к примеру, климатологи (Глобальное потепление... 2024), создатели беспилотных автомобилей (Кузнецов, Руденко 2021), и физики-ядерщики (Петров 2024) используют категории неопределенности и риска как операциональные. В научной деятельности глубоко укоренен современный дискурс, обретший свою нынешнюю конфигурацию в связи с историей математической статистики, проникший в сферу менеджмента, страхования и инвестиций (Bernstein 1996) и благодаря этому распространившийся практически на все области современной жизни (Porter 1986, 1996). Однако, когда исследование выходит за рамки профессиональных сообществ, говорить об укорененности этого дискурса оказывается значительно сложнее. Термин проникает в повседневную речь через СМИ и маркирует официально-деловой регистр в речи образованных горожан (Карасёва 2024) и действительно может оказаться актуальным для определенных групп в некоторых контекстах (Функ 2024)². Однако во многих случаях он отсутствует в активном словаре информантов, и трудно говорить о том, каким образом сформирован круг приписываемых ему значений. Методологические трудности исследования подобных понятий оказались в фокусе внимания монографии под редакцией Матеаса Пелкманса (Pelkmans 2013), посвященной этнографии сомнения. Пелкманс отмечал, что сам факт артикуляции сомнения упорядочивает и таким образом искажает его. По мнению авторов подборки, единственным возможным методом исследования может быть включенное наблюдение – попытка уловить это переживание в активной фазе. Помимо невозможности полного преодоления ограничений метода, признаваемой самим Пелкмансом («мы наблюдаем уже то, на что люди решились» (Там же: 32)), стоит также проблематизировать саму категоризацию наблюдаемого как сомнения – совпадают ли исследовательский взгляд и реальное эмоциональное переживание информанта? С нашей точки зрения, именно попытка реконструировать эмную позицию информанта представляет наибольшую проблему.

Цель настоящей работы – предложить, исходя из нашего опыта, несколько типов инструментария для полевого исследования понятия «неопределенность» и обсудить методологические последствия выбора каждого такого типа в свете дихотомии этного и эмного.

Пилотная часть исследования была проведена в 2022 г. в Воркуте (К.В. Истомин). Полученный там опыт сопоставления эмного и этного подходов к изучению неопределенности использовался во время полевых исследований в Индиге (2023, К.В. Истомин и Е.В. Лярская) и в Попигае (2024, В.В. Васильева). Хотя некоторые разделы этой статьи проиллюстрированы материалами, собранными только в одном населенном пункте, наш анализ базируется на всем корпусе полученных данных, а рассматриваемые здесь явления оказались общими для всех трех локаций.

Несколько слов о местах, где проводилась полевая работа

Воркута (Республика Коми) – крупная городская агломерация, стремительно теряющая население³. Несмотря на то что будущее агломерации, с точки зрения горожан, находится под вопросом, Воркута со своей железной дорогой и аэропортом, способным принимать большие самолеты, – крупный промышленный и логистический центр Арктики. Население города разнообразно в социальном и культурном отношении. Градообразующим предприятием Воркуты является комбинат «Воркутауголь». Незадолго до начала полевой работы в городе было объявлено о продаже этого предприятия новому владельцу – малоизвестной на тот момент компании «Русская энергия» с очень небольшим уставным капиталом. В период полевой работы эта сделка все еще активно обсуждалась в городе и служила источником беспокойства и неуверенности его жителей. Исследования проводились как непосредственно в городе Воркута, так и в двух наиболее крупных шахтерских поселках агломерации – Воргашоре и Северном.

В поселке Индига (НАО) проживает около 600 человек. Здесь нет не только центрального водоснабжения, но и пресной воды – люди привозят ее себе сами. В поселке печное отопление (топят углем, привозимым с Большой земли), до него нет постоянной наземной дороги. Есть предприятие – наследник советского совхоза с некрупным (около 4 000 голов) поголовьем оленей, небольшая школа, детский сад, поликлиника с фельдшерами, Дом культуры и несколько магазинов. Основной вид официального трудоустройства – работа в социальной сфере, но главное занятие населения (независимо от наличия официальной работы) – рыболовство. Важная особенность Индиги – смешанное население, состоящее из потомков ненцев и коми-оленьеводов, поморов, спецпереселенцев, детей военных, осевших в поселке, и тех, кто в разное время приехал сюда работать. Среди наших собеседников, наряду с людьми, выросшими в поселке и его окрестностях, были те, кто приехал из Калмыкии, Новосибирской, Архангельской областей, Грузии и т.д. Все наши собеседники проживали в поселке пять лет и более. Многие имеют родствен-

ников за пределами региона, все выезжают в отпуска, у многих есть жилье в Петербурге, в Нарьян-Маре, в Псковской области и др. Население поселка имеет ясные представления о жизни за пределами Индиги и опыт проживания вне поселка.

В отличие от мозаичного населения Воркуты и Индиги, население Восточного Таймыра (Красноярский край) почти полностью моноэтночно – в нем проживают в основном долганы. Практически все жители поселка Попигай родились и выросли там, уезжая только на период обучения в средней школе, службы в армии и для получения высшего образования. Как и Индига, поселок не имеет каких-либо производственных предприятий, трудоустройство возможно лишь в бюджетном секторе. В регионе сохранились буквально остатки оленеводства, основным занятием населения являются промыслы – рыболовство и охота на дикого оленя. К Попигаю не ведут постоянные дороги, затруднено и водное сообщение. Связь с районным центром в холодное время года осуществляется только вертолетом. Местные жители, как и в Индиге, крайне мобильны, регулярно бывают в крупных городах региона и за его пределами, где живут их родственники и друзья.

Таким образом, население в исследованных локациях заметно различается по составу, однако их объединяет то, что обитатели этих населенных пунктов не живут изолированно от внешнего мира, а, напротив, поддерживают с ним интенсивные связи.

В чем святость священных концепций? Из истории эмного и этного

Для начала кратко остановимся на истории дихотомии эмного и этного в антропологии, чтобы показать истоки и основания представления о том, что антрополог должен изучать эмную реальность, следуя эмным категориям. Как в свое время пошутил Геральд Маррей, одиннадцатая заповедь Библии гласит: «Thou shalt not mix thy emics and thy etics in thy analysis of human social life»⁴ (Murray 1990: 144). Однако есть смысл поинтересоваться, когда и при каких обстоятельствах она была ниспослана.

Широко известно, что понятия эмного и этного были впервые введены Кеннетом Пайком⁵ в труде «Language in Relation to the Unified Theory of the Structure of Human Behavior» (впервые издан в 1954 г.⁶). В нем Пайк демонстрирует условность и, во многих отношениях, бессмысленность различения языкового и неязыкового поведения человека и пытается наметить принципы описания и анализа, применимые к обоим этим формам поведения, опираясь на теоретические и концептуальные достижения лингвистики, в ту пору куда более значительные, чем у антропологии (Pike 1967). Различие между эмным (emic) и этным (etic) в этом труде является переносом на неязыковую сферу различия

между фонемой (phonemic unit) и звуком (phonetic unit): с точки зрения говорящего и слушающего речь – это последовательность звуков, но с точки зрения структуры языка она состоит из *фонем* (смыслоразличительных единиц), различающихся между собой по некоему принципу контрастирования, присущему именно этому языку. Только освоив, сознательно или бессознательно, этот принцип, иноязычный слушатель сможет услышать речь так, как слышит ее носитель. Пайк считал, что аналогичным образом люди воспринимают и мир – не как хаотичный поток впечатлений, но сквозь призму эмной системы, структурирующей этот поток. Только через освоение этой эмной системы исследователь может понять и проанализировать поведение членов сообщества.

Труд Пайка породил две основные школы в англоязычной антропологии, развитие которых и дискуссия между которыми и составила историю этой науки со второй половины 1960-х по конец 1980-х гг.: (а) так называемую новую этнографию (из нее позже выделилась этнонаука (ethnoscience) и когнитивная антропология с примыкавшей к ней кросс-культурной психологией Бэрри) и (б) культурный материализм, близкий различным течениям экологической антропологии. Несмотря на то что исследователи внутри этих школ часто резко расходились по тематике исследований, методам и теоретическим воззрениям, их объединяло общее представление о цели антропологических исследований. Так, представители новой этнографии полностью приняли посыл Кеннета Пайка о том, что ключ к пониманию культур и межкультурных различий лежит в освоении эмных систем. Роль этного восприятия и этных описаний в их представлении сводилась лишь к подготовке исследователя к пониманию эмных систем, точно так же как лингвист, встретив новый язык, должен вычленил и каталогизировать его звуки прежде, чем объединить эти звуки в фонемы. Напротив, представители культурного материализма были убеждены, что социальные институты и модели поведения определяются материальными/природными факторами (социальноэкономическими отношениями, адаптацией к природной среде) или собственными законами развития, существующими вне и помимо сознания индивидов, а «содержимое голов» носителей культур определяется – полностью или, по крайней мере, в большой степени – их социальным и материальным бытием. Разумеется, культурных материалистов взгляд на мир глазами носителей культуры также интересовал, однако не объяснял культурное поведение и культурные различия, а скорее сам подлежал объяснению исходя из особенностей социальной и культурной среды. Для них, таким образом, цели антропологического исследования не могли сводиться к эмному описанию; перед исследователем стояла задача дать как эмное, так и этное описание жизни исследуемой группы и показать, как первое определяет второе (для крайних материалистов, например марксистов) или как они взаимоопределяют друг друга (для более умеренных материалистов (Harris 1979)).

Интересно, что начиная с конца 1970-х гг. дискуссия между двумя школами велась не столько по общемировоззренческим вопросам, которые, как кажется, их разделяли, а именно по методологическим вопросам о соотношении эмного и этного (Harris 1999). Накал этой дискуссии, ныне основательно забытой, нарастал, пока не вылился в знаменитые публичные дебаты между Кеннетом Пайком и последним из «великих» представителей культурного материализма Марвином Харрисом, прошедшие 19 ноября 1988 г. в рамках 87-й ежегодной конференции Американской антропологической ассоциации. Эти дебаты казались в то время настолько важными, что их подробное описание и реплики с обеих сторон были изданы специальной книгой (Emics and Etics... 1990). Кажется, что их значение и правда велико: это был, по сути, последний бой, который старая антропология, претендовавшая на то, чтобы стать номотетической наукой, дала наступающему интерпретативизму. Самое главное, однако, что, хотя спор формально не кончился победой ни одной из сторон (как, собственно, и все антропологические дебаты), именно после него взгляд на эмное описание как на основную цель и продукт антропологического полевого исследования занял господствующее положение в дисциплине.

Анализ позиций и аргументов участников почти тридцатилетнего спора показывает, однако, значительное несовпадение содержаний понятий эмного и этного, о которых они вели дискуссию, и современного их понимания. Это несовпадение особенно заметно на примере категорий, в которых строятся эмные описания. Для Пайка и его сторонников понятие «эмное» всегда носило явные следы своего лингвистического происхождения: примером *par excellence* такого описания для них оставалось описание фонемной системы языка. Разумеется, при таком понимании и речи быть не могло о том, чтобы описания непременно давались в эмных понятиях, относились к чему-то осознаваемому носителем культуры как эмная категория либо вообще были ему понятны. Сам Пайк настаивал, что продуктом эмного исследования должно стать описание структуры, определяющей восприятие информантом окружающего мира и его деятельность (поведение) в нем, и посвятил целый раздел главы рассуждению о природе (онтологическом статусе) такой структуры (Pike 1967: 55–59), в котором он отвергает мысль, что такая структура является конструктором исследователя, – по словам Пайка, она не создается, а открывается исследователем (*discovered by the analyst, not created by him*) в собранных полевых материалах и именно этим отличается от этной структуры, которая создается исследователем и накладывается им на полевой материал (Там же: 55). Чуть позже он признается, что на его взгляды на статус эмной структуры и процедуры ее открытия оказал влияние его теизм (Пайк был глубоко верующим человеком и известным переводчиком Библии на языки коренных народов Америки), который

вселяет в него уверенность в существование в любом явлении скрытого порядка и структуры, независящих от наблюдателя, и возможность для тщательного наблюдателя эту структуру обнаружить (Pike 1967: 59). Пайк посвящает остаток главы различным способам обнаружить такую структуру, например, обращая внимание на сложности и ошибки информантов при освоении чуждых им «систем» поведения и речи. При этом возможность, что искомая структура может в какой-то форме осознаваться ее носителем и о ней можно просто спросить, даже не обсуждается.

Взгляд на эмное как на нечто, что необходимо «открыть» в поведении и словах носителя культуры, но что самим носителем не осознается и не понимается, получает дальнейшее подтверждение в прямой ссылке (в издании 1967 г.) на «тест Гуденафа» как на процедуру валидации этнографических эмных описаний (Pike 1967: 71). Уорд Гуденаф, один из основателей «новой этнографии» и наиболее ранних последователей Пайка среди культурных антропологов, считал, что культура – это «то, что нужно знать и во что нужно верить, чтобы вести себя приемлемым [для сообщества носителей культуры] образом» (Goodenough 1957: 167). Отсюда эмное описание культуры понималось им как описание системы стандартов и ожиданий относительно того, как следует вести себя в отношении друг друга (Goodenough 1970: 98). Поскольку, по мнению Гуденафа, преобладающая часть таких стандартов и ожиданий не формулируется сознательно, поведение, несоответствующее им, просто кажется носителям культуры странным или некрасивым (неприемлемым), хотя они вряд ли могли бы сказать почему – их описание не может быть достигнуто или проверено просто путем интервью. Критерием корректности эмного описания (тест Гуденафа) служит наша способность, руководствуясь таким описанием, вести себя так, чтобы наше поведение казалось информантам естественным и приемлемым и вызывало ожидаемую нами реакцию с их стороны: «Если, поступая в соответствии со стандартами, приписываемыми мною жителям острова Трук, я смогу вести себя так, что жители примут мое поведение как истинно трукское, то мое описание этих стандартов представляет собой удовлетворительное описание того, что мы называем “трукской культурой”» (Там же: 99). Ту же логику мы обнаруживаем и у Клода Леви-Стросса, который считал структуралистские описания культуры – в терминах бинарных оппозиций, например, – эмными, отнюдь не смущаясь, что такие описания могут быть непонятны информантам и даже отрицаться ими; именно такой взгляд на эмность и породил его знаменитое утверждение, что «природа вещей эмна, а не этна» (Levi-Strauss 1973: 21).

Иными словами, «классикам» культурной антропологии, выдвинувшим и отстаивавшим идею, что продуктом антропологического полевого исследования должно быть эмное описание, было полностью чуждо мнение, что оно должно быть дано исключительно в эмных понятиях.

Даже то, что такое описание должно быть понятно для представителей изучаемых сообществ (и вызывать их согласие), лишь допускалось, а не требовалось. Этот факт хорошо виден из определения эмного, сформулированного для антиматериалистической школы Марвином Харрисом, с которым Пайк, сам так и не давший четкого определения этому понятию, полностью согласился: «Эмные утверждения описывают логико-эмпирические системы, феноменологические структуры которых построены на контрастах и различиях (*discriminations*), которые носители этих систем считают правильными, действительными, осмысленными, существующими, либо в какой-то иной форме выражают свое согласие с ними» (Harris 2001: 571).

Гораздо более знакомым для нас является понимание антиматериалистами этного. У Пайка это понятие является простым обращением понятия эмного. Иначе говоря, оно относится к логико-эмпирическим системам, основанным на различиях, значимых для наблюдателя, а не для наблюдаемого. В своем труде Пайк многократно подчеркивает, что происхождение этной структуры наблюдателя не важно. Так, у наблюдателей, не получивших специального образования, структура, с которой они подходят к анализу звуков чужого языка, скорее всего, будет продиктована их родным языком. С другой стороны, специально подготовленные полевые лингвисты могут использовать для описания таких звуков полученные ими знания, например универсальный фонетический алфавит (Pike 1967: 46–47). Однако описание звуков чужого языка, делается ли оно с точки зрения фонемной системы родного языка или с точки зрения универсального алфавита, остается этным и рассматривается Пайком как первая ступень к формированию эмного описания – конечной цели антропологического поля. Ценность этного описания, таким образом, определяется тем, насколько легко перейти от него к эмному. Сходных взглядов на место этного описания в исследовании придерживались и другие исследователи антиматериалистического лагеря, например, У. Гуденаф (Goodenough 1970: 113–119) и Дж. Бэрри (Berry 1990). Логично, что при таком подходе вопрос о корректности этных описаний и процедурах их валидации просто не ставился.

Для сторонников материалистической школы различие между эмным и этным строились на совершенно другой основе. Харрис (Harris 1979) и его сторонники выводили его прежде всего из способа валидации: эмные описания являются верными или не верными на основе их соответствия или несоответствия взгляду носителя культуры (тест согласия Харриса), в то время как этные описания являются верными или неверными на основе процедур и требований, принятых в позитивистской науке (фальсифицируемости, эмпирической проверки, воспроизводимости). Таким образом, для материалистов назвать некое описание эмным значило утвер-

ждать, что это описание 1) может быть представлено информанту и понято им и 2) информант с ним согласится. Первое требование, как можно легко понять, исключает возможность считать эмными, например, структуралистские описания в духе Леви-Стросса. Что касается этного, то материалисты (и особенно сам Харрис) регулярно определяли его как «взгляд науки» или «взгляд научного сообщества» и настаивали на его привилегированном положении по отношению к эмному (Harris 1990).

Именно последнее обстоятельство и определило в конечном итоге их «проигрыш» в споре. Действительно, основными аргументами антиматериалистической стороны стало то, что материалисты вообще и Харрис в частности 1) присваивают себе привилегированный взгляд на культуру по сравнению с ее носителями на том основании, что обладают доступом не только к эмным, но и к этным (в их понимании, «научным», «объективным») ее описаниям, и 2) считают на этом основании себя вправе, используя эмное описание, «поверять корректность» мнения носителей о своей культуре, объявлять его правильным или ошибочным и посвящать целые исследования тому, как так получилось, что носители культуры имеют превратное представление о своей жизни. В эпоху стремительного нарастания антиколониального движения и активистской антропологии эти обвинения и правда звучали серьезно – более серьезно, чем аргументы Харриса и его сторонников, сводящиеся в общем и целом к тому, что стремление к исключительно эмным полевым описаниям делает невозможным сравнительные и диахронные исследования в антропологии и исключает возможность для этой дисциплины стать номотетической наукой. Интересно, что именно для того, чтобы показать неоправданность этих аргументов, Пайк (Pike 1990) и подчеркивал возможность эмных описаний в неэмных терминах, что, по его мнению, открывало пути для сравнения. Следует заметить, впрочем, что объектом критики в споре стала не оправданность этных полевых описаний для антропологии, а скорее значение, приписываемое таким описаниям в дальнейшем анализе (например, допущение, что информанты имеют превратное представление о своей культуре). Тем не менее ход спора и выдвинутые в его ходе аргументы вполне объясняют, почему харрисово определение этного как научного (или просто основанного на научных критериях истины) этот спор не пережило: для современной антропологии характерно понимание этного как «эмного для наблюдателя», т.е. нечто близкое к классическому определению Пайка. Именно такое понимание этного было повторено, например, Маршалом Саллинзом в последней из известных нам публикаций о дихотомии эмного и этного (Sahlins 2017) и дало ему право утверждать, что «в антропологии существует лишь эмное». С понятием эмного, однако, произошло нечто гораздо более странное: по причинам, определить которые мы затрудня-

емя, понимание эмного в современной антропологии практически совпадает с определением материалистов, а не Пайка. По крайней мере, большинство современных антропологов не стали бы считать эмными структуралистские описания и согласились бы с тестом согласия Харриса. Но если так, то аргументы материалистов о невозможности сравнительных полевых исследований остаются неотвеченными, как и необоснован отказ от этных описаний при наличном сейчас определении этного – в конце концов, методологическую ценность таких описаний, как первого шага к открытию эмных систем, подчеркивал Пайк и ряд его сторонников (например, Бэрри), и нам неизвестны примеры, когда она бы кем-то отрицалась.

Как нырнуть в голову информанта за тем, чего там нет

Как показывает приведенный выше экскурс в историю спора об этном и эмном, антропологическое исследование этных категорий с использованием эмного подхода вполне возможно в том числе и в рамках той концепции антропологии, которая одержала победу тридцать лет назад и которую современные антропологи считают основой своей дисциплины. Для этого следует просто признать возможность перевода этного в эмные категории (Пайк, посвятивший большую часть жизни переводу Библии на языки коренных народов, считал, кстати, такой перевод своим основным занятием в жизни) и отказаться от взгляда на этное как на в какой-то степени привилегированное перед эмным. Иными словами, антропологическое исследование неопределенности, если мы признаем ее этной категорией, возможно, если нам удастся переопределить или описать ее в терминах, эмных для информантов, и понять, как они связаны и какую роль играют в их взгляде на мир. Такой подход делает возможным и сравнительные исследования до тех пор, пока этную концепцию можно переопределить единым образом для всех сравниваемых групп, и понятия, в которых переопределяется этная концепция, являются для них эмными. Пайк абсолютно прав – главным препятствием для сравнения эмных описаний между группами является несовпадение понятий, которым определяется их объект, и эту проблему можно решить, если допустить, что объект описания может и не обозначаться отдельным термином в этной системе.

В ходе полевой работы в Воркуте в 2022 г. обнаружилось, что слово «неопределенность» не является частью активного словаря наших информантов и, судя по всему, не связано с каким-то продуктивным значением – на вопросы о неопределенности большинство собеседников либо просили уточнить, что имеется в виду, либо просто отказывались отвечать, ссылаясь на то, что ничего не знают о неопределенности. После

этого мы внесли поправки в методологию: переформулировали этное понятие в эмных терминах. В качестве основы для «перевода» мы выбрали операционализацию понятия неопределенности в рамках антропологии будущего, предложенную Ребеккой Бриан и Даниэлем Найтом (Bryant, Knight 2019). В их операционализации (не)определенность текущей или будущей ситуации определяется прежде всего возможностью и горизонтом планирования. Эта операционализация привлекательна тем, что она, с одной стороны, сохраняет за неопределенностью статус континуума (ситуация может быть более или менее неопределенной), чего большинство других известных нам операционализаций не делают, а с другой – понятие планирования является эмным (и понятным для наших собеседников в поле).

Итак, мы переопределили неопределенность как возможность и глубину планирования и на основе этого методологического выбора составили примерный список вопросов и план наших интервью. Начинался он с вопроса о том, на какое время информант планирует свою жизнь, почему именно на этот срок, что, по его мнению, мешает или помогает ему планировать, и отличается ли он по манере и глубине планирования от других. Мы спрашивали также, легче или труднее строить планы в его регионе по сравнению с более южными (где большинство собеседников регулярно бывает), в чем состоят специфические факторы, помогающие или мешающие планированию и определяющие эту разницу (если они существуют), как можно им противостоять.

Потом мы задавали вопросы, связанные с будущим поселения, климатом, транспортной инфраструктурой, логистическими задачами, бытовыми удобствами, доступом к медицинской помощи и т.д., т.е. с тем, что во многом и определяет специфику жизни на Севере. Сами *ситуации*, с которыми неопределённость могла бы быть связана, были выделены нами, и мы намеревались проверить, связывают ли *наши собеседники* эти *ситуации* с неопределенностью (или называют их каким-то другим эмным термином) и испытывают ли по отношению к ним какие-либо чувства.

В ходе работы в Индиге в 2023 г. мы внесли дополнительные поправки в описанную методологию: после обсуждения планирования следовал прямой вопрос о значении интересующего нас термина «неопределенность» для информанта, и, хотя многие наши собеседники в Индиге, так же как в Воркуте, испытывали трудности при ответе на этот вопрос, мы просили их все-таки дать какой-то ответ. Наконец, во время полевой работы на Таймыре беседы в основном фокусировались на рисках, связанных с бездорожными перемещениями, но в конце обязательно задавались те же вопросы: что для Вас неопределенность? Когда Вы в последний раз ее испытывали?

**«Ну, я бы не сказала, что у нас тут
есть какая-то неопределенность...»**

Как показали наши исследования, ни жители Воркуты, ни обитатели Индиги⁷ не считают, что уровень неопределенности у них выше, чем в южной части страны, а возможность планировать свою жизнь меньше. Примечательно, что не только в многотысячной Воркуте, куда ведет железная дорога и летают большие самолеты, гораздо менее зависимые от погоды, но и в маленькой Индиге, где условия существования объективно сложнее, жители отвечали нам, что планировать жизнь тут им гораздо проще.

Беседа с каждым новым информантом строилась по одной и той же форме. Мы приводили одну за другой ситуации, которые могли бы поставить под вопрос успешное планирование и стать источником неопределенности, и спрашивали о гипотетических сложностях. В ответ наши информанты говорили, что здесь нет особых сложностей, поскольку они умеют с ними справляться. На наши рассуждения о том, что рейс может не прилететь в нужное время, отвечали, что добраться до пункта назначения можно, поскольку когда-нибудь рейс все равно будет, и что, зная о возможных задержках, никто не покупает билеты на пересадку «вприкрык» («это же глупо»). Если речь заходила о том, что делать, если вдруг не привезут уголь (в беслесной тундре топливо для обогрева появляется только с северным завозом в навигацию, который в год нашего приезда едва не был сорван), нам отвечали, что они уголь всегда покупают не на год вперед, а с запасом, поэтому его хватит на какое-то время («а когда-нибудь все равно привезут»). Вопросы, связанные с логистикой и доставкой тяжелых грузов, также вполне решаемы, только не надо пытаться все сделать за один раз: например, планируя ремонт или строительство дома, разумно один год отвести под закупку и доставку материалов, а ремонтировать или строить – уже на следующий год.

Подобные диалоги показывают, что для ситуаций, которые, по нашему мнению, могли бы создавать неопределенность, жители поселка выработали некоторые приемы, позволяющие по большей части избегать серьезных неприятностей и волнений. Среди них важное место занимает тактика, которую условно можно обозначить как «припуски на швы». Она учит никогда ничего не иметь в обрез, ничего не планировать встык, заставляет всегда иметь запас – времени, еды, угля, лекарств и т.д. Эту тактику, дающую уверенность и спокойствие, мы наблюдали почти у всех наших информантов. По-видимому, она в том или ином виде распространена на всем Севере⁸. Другая тактика заключается в гибком планировании – готовности быстро и без особых переживаний перестроить текущие планы, сообразуя их с изменившимися обстоятельствами. Мы не раз слышали от людей: «Я стараюсь планы не строить», «Я билеты

заранее не покупаю», «Ты там сел – запланировал: вот завтра – это, послезавтра – то... На Севере так не получится». Парадоксальным образом, люди не только отрицали, что жизнь на Севере более непредсказуемая, – они утверждали прямо противоположное: что именно тут, на Севере, предсказуемость гораздо выше.

Как уже упоминалось, в Индиге часто возникают сложности с доставкой продуктов. Большей частью их завозят летом, в короткую навигацию, а затем лишь поддерживают ассортимент, привозя небольшие партии продуктов к праздникам вертолетами или по земле бездорожным транспортом. Поэтому мы спрашивали, не возникает ли у жителей Индиги ощущения неуверенности и связанных с ним переживаний в отношении «продовольственной безопасности». Однако информанты и в этом случае убеждали нас, что с этим у них нет проблем: напротив, жизнь в поселке дает уверенность, что ты точно не останешься голодным, даже если у тебя не будет денег и работы, поскольку продовольственная безопасность, препятствующая неопределенности и дающая уверенность в завтрашнем дне, обеспечивается *доступом к местным ресурсам, умением их добывать* и социальными связями. Люди утверждают, что их положение в поселке гораздо более определено, чем в городе, где, если ты почему-то останешься без денег, можно умереть от голода⁹. На Севере, с точки зрения наших информантов, это невозможно в принципе: река полна рыбы, в тундре водится дичь и растут ягоды, и всё это можно есть и продавать; рядом живут родственники, у которых есть олени, а значит, мясо тем или иным образом можно будет достать, купить или выменять. Об этом нам твердили на разные лады: *«Здесь очень сложно с голоду умереть!»*, *«Тут только ленивый не ловит рыбу! Хотя нет, ленивый – ловит только для себя...»* или *«Тут подножный корм есть, если денег не будет, мы в любом случае выживем!»*.

Местные жители осознают, что социальные связи являются одной из основ, создающих определенность жизни на Севере и уверенность в завтрашнем дне и в том, что все трудности решаемы. Это понимание прекрасно сформулировала наша собеседница – немолодая одинокая женщина, с которой мы обсуждали, станет ли для нее проблемой, что скоро замерзнет ручей, из которого она сейчас берет воду. Она утверждала, что труднее ей не будет: *«Я тут живу, я знаю, за какую ниточку потянуть, кого попросить, чтобы мне привезли»*.

По мнению информантов, есть еще два важных фактора, в связи с которыми определенность жизни в их поселке оказывается значительно выше, чем в городах, где они бывают. Это происходит, во-первых, за счет неизбежности и предсказуемости ежедневной рутины деревенской жизни, отнимающей больше сил, чем у обитателей благоустроенных домов, но одновременно жестко задающей каркас повседневности: жителям Индиги необходимо не только ходить на работу, заботиться о детях

или готовить еду, но и регулярно топить печь, доставлять воду, удалять помои и т.д.¹⁰ Второй важный фактор, создающий предсказуемость, – сезонность поселковых занятий: все знают не только когда наступит Новый год, День поселка или начало учебного года, но и когда начнется гусиная охота, «распута»¹¹, пойдет корюшка или навага, наступит сезон озерной рыбы, будет забой оленей, а когда придет пора собирать ягоды. Такая сезонность задает ритм жизни поселка и делает ее предсказуемой и гораздо более определённой, чем могли бы ожидать исследователи.

Объяснения многих наших собеседников, почему им удобнее планировать свою жизнь в поселке, сводились к тому, что здесь они гораздо больше контролируют свою жизнь, чем где-то на юге. *«Здесь предсказуемое – потому что многое зависит от тебя, как ты поработал – так у тебя все и есть»*, – говорила нам уроженка Индиги. *«Тут жить проще, чем в большом городе, потому что зависишь от себя»*, – вторила ей в другом разговоре учительница, приехавшая в поселок несколько лет назад из Элисты. Ту же мысль, но чуть иначе сформулировал и молодой мужчина, долгое время работавший за пределами поселка и недавно вернувшийся жить в Индигу: *«Нарьян-Мар большой город – там нет свободы»*.

Наши собеседники приспособились организовывать жизнь так, чтобы объективные северные сложности как можно меньше мешали осуществлению их планов, для чего выработали различные механизмы и тактики, ставшие неотъемлемой частью их повседневности. Иными словами, наши собеседники как бы «приручили» существующие объективные трудности и «одомашнили» тот вариант неопределенности, который мы приехали искать.

Можно было бы предположить, что умение жить в непростых условиях Севера и навыки, позволяющие справляться с порождаемыми этими условиями трудностями, – гибкость в планах, терпение, привычка делать «припуски на швы», проявляющиеся в первую очередь в предусмотрительности и запасливости, – все это могло бы как-то по-особому осмысляться, обсуждаться или даже героизироваться жителями Севера. Однако похоже, что все эти умения и навыки скорее рутинизированы, без особой причины не обсуждаются, и только наши настойчивые расспросы изредка провоцировали людей на пояснения, что *«это – Север, тут так планировать нельзя»*.

Таким образом, выяснилось, что та часть наших исследовательских представлений о неопределенности, которую мы переформулировали в эмных терминах и попытались предъявить информантам, не используя самого слова «неопределенность», не была ими соответствующим образом опознана. Жители Индиги не считают, что те ситуации, о которых мы спрашивали, каким-то образом связаны с неопределенностью и не испытывают по поводу этих ситуаций специальных чувств. Наше исследовательское предположение и реальность информантов в этом месте абсолютно не совпали.

Что же такое неопределенность?

Исследование на этом не остановилось, поскольку в конце разговора мы обязательно задавали жителям Индиги еще два вопроса: «А что такое неопределенность для Вас?» и «Когда Вы последний раз испытывали неопределенность?».

Эти два вопроса переключали исследование с оценки информантами тех ситуаций, которые мы определили как неопределенность, на то, как *наши собеседники* сами понимают этот термин, какие ситуации с ним могут связывать и какие чувства у них могут появиться. Поскольку эти вопросы задавались информантам после¹² долгих расспросов о планировании и ситуациях, которые, как нам кажется, могли мешать его успешному осуществлению, то вполне можно было бы ожидать, что эти разговоры повлияют на собеседников и, отвечая, они вольно или невольно подстроятся под наше понимание неопределенности. Однако этого не произошло – мы не получили ни одного ответа, в которых бы наши собеседники утверждали, что неопределенность для них может порождаться тем типом ситуаций, которые мы с ними перед этим обсуждали.

Личная и глобальная неопределенность

С самого начала следует отметить важную особенность ответов наших информантов¹³. Размышляя о неопределенности, они часто противопоставляли макроуровень и личную жизнь, например:

Сейчас как-то здесь в моей сугубо личной жизни все как будто бы так стабильно и движется в понятном мне направлении, ну, если не брать глобальное мироощущение, вот, это, конечно... там у нас что-то вот такое странное происходит, где никогда нет стабильности. Вот, а то, что касается именно вот нашего внутреннего здесь, оно все понятно, все стабильно, движется по понятной мне траектории (Индига, ж., 35 л., педагог).

Примечательно, что наш вопрос «что такое неопределенность для Вас?» они понимали как вопрос о неопределенности на индивидуальном уровне и свои рассуждения строили именно вокруг него. Мы ни разу не получили от собеседников развернутых размышлений о связи «неопределенности для меня» и глобального мира, хотя вообще речь об устройстве этого мира, существующих в нём сложностях и конфликтах периодически заходила, но только не в контексте неопределенности.

В зависимости от того, как информанты отвечали на прямые вопросы о значении слова «неопределенность», их условно можно разделить на три группы.

К первой относятся те из них, кто затруднялся с ответом и утверждал, что лично не знает, что такое неопределенность. Некоторые добавляли, что никогда ее не испытывали: «У меня такого никогда не бывало».

«Нет, я такого никогда у себя не замечал, дак не знаю». Некоторые даже смущённо смеялись от того, что не могут ответить на этот вопрос:

Е.Л.: Когда Вы последний раз испытывали чувство неопределённости?

Инф.: Я? (пауза, потом смущенно смеется). Ну, блин! Ну, вот, честно говоря...

В тупик меня поставили! (Индига, м., 45 л., ЖКХ).

При этом ответить, что такое неопределённость, на макроуровне люди могли гораздо чаще, чем что такое неопределённость лично для них:

Ну, вот я понимаю, в стране неопределённость... Там СВО и все такое прочее...

А вот что такое лично для меня? Не знаю! (Индига, ж., 55 л., педагог).

Эти ответы невозможно объяснить ни тем, что наши собеседники недостаточно владеют русским языком, ни скрытым отказом рассуждать на эту тему. Все жители Индиги говорят по-русски совершенно свободно, а у большинства русский – родной и основной язык общения. Кроме того, подобные ответы мы получали от людей, которые прониклись к нам искренней симпатией и с которыми мы подружились. Были те, кто пытался рассуждать, перебирая примеры, но в итоге не справлялся и отказывался дать определение: *«нет, какая же это неопределённость? Это ситуация решаемая была. Не знаю тогда...»*. Одна из информанток на следующий день после интервью сообщила, что всю ночь размышляла, что же такое неопределённость для нее лично, но так и не смогла понять, *«хотя это и смешно»*.

Со-конструирование значения

Материалы интервью, собранные на Таймыре, расширяют круг реакций на вопрос «что такое неопределённость?» и обозначены нами как со-конструирование значения в процессе беседы. Дебаты об интересубъективности знания, получаемого в интервью¹⁴, разумеется, были известны нам и принимались во внимание при рассмотрении всех материалов, однако именно для случаев такого типа справедливость тезиса о производстве значения в диалоге особенно очевидна. Эти случаи объединяет то, что первой реакцией на вопрос о неопределённости у наших собеседников была растерянность: длительные паузы хезитации, переспрашивание, вербализация недоумения. Однако вместо заявления об отсутствии такого термина, как в первом случае, в ходе диалога информанты предлагали определения и приводили примеры ситуаций, которые они считали неопределёнными, а также говорили о чувствах, возникавших у них в подобных ситуациях. Приведем два примера таких диалогов.

1. Семейная пара тундровиков, кочующая с апреля по октябрь, а на зиму переезжающая в поселок и переходящая на «вахтовое» кочевание. (Инф. 1 – м., 1974 г.р.; Инф. 2 – ж., 1973 г.р.)

В.В.: Вот, вот вообще для вас слово «неопределенность» что-нибудь значит? Вот как бы вы его определили? Что такое неопределенность? Пользуетесь ли вообще таким словом?

Инф. 1: Неопределенность?

Инф. 2: Кайдагый кэ? [долг. Как сказать?¹⁵].

Инф. 1: **Неопределенность – это ничего не знаешь, что ли?**

В.В.: Ну вот да.

Инф. 1: Ну вот примерно так, скажем. Неопределенность... Туок диэккэ һэбий кэ [долг. Что можно сказать], как же сказать? **Есть в голове, но не выходит** (смеется). По-русскому не выходит.

В.В.: Ну может пример какой-нибудь?

Инф. 2: Что не будет... нет, **будет, не будет... Или что?**

Инф. 1: Неопределенность...

Инф. 2: А вдруг что-то будет, а не знаешь, да?

В.В.: Угу, угу.

Инф. 1: Ну... (пауза).

Инф. 2: Ну а вдруг будет. Все равно **ты готовишься, все равно знаешь, что это, ну, предстоит у тебя. Впереди. Вдруг это, вот это, все равно... что-то надо. Иметь с собой, например.**

В.В.: Ну вот когда вы последний раз это чувство испытывали, неопределенность? (Пауза.) В связи с чем?

Инф. 1: Дьэ боппуруостар эбит [долг. Ну и вопросы!].

В.В.: Да, сложный, знаю (смеются). Самой не нравится этот вопрос.

Инф. 2: Бэйэгит отто наскылаакка барагыт буо [долг. **Ты же едешь в Саскылах**]... Неопределенность.

Инф. 1: А, неопределенность, это когда это... Не знаешь, **найдут или не найдут.** Вот это.

В.В.: То есть когда просто ждешь, что найдут?

Инф. 1: Ну. А на душе-то нашли, наверное, думаешь. А там-то не нашли (смеется). Вот это, значит, неопределенность. Вот так, вот примерно.

В.В.: А что про дорогу, про дорогу в Саскылах Вы сказали сейчас?

Инф. 2: Нет... что, как... ну как? Дороги нету там.

Инф. 1: Тоже неопределенность.

Инф. 2: **А вдруг куда-то не так повернул куда-то.** Не определился.

В.В.: То есть такая неуверенность, да?

Инф. 2: Ну (пауза). Еще один [когда едешь].

В.В.: Ну да. То есть риск такой, да?

Инф. 2: Ну всегда один. Ну, тьфу-тьфу-тьфу.

В.В.: Да.

Инф. 2: Все хорошо.

Инф. 1: В тундре тоже...

Инф. 2: Он скажет: я сейчас поеду. И вот приеду. И так получается, да? Ага. Надо? Надо. Доехать. И надо приехать. Пока дорога есть, пока это.

Инф. 1: Пока молодые, надо ходить. **А то состаримся – не будем ходить**, говорят.

Инф. 2: А что – ноги болят? (смеются). Не можешь ходить.

В.В.: А в тундре, что вы начали говорить? Что тоже там неопределенность?

Инф. 1: Ну, неопределенность. **Волки придут. Съедят и не съедят [олений].** Это тоже же неопределенность.

<...>

В.В.: Ну то есть даже не уверены, что там через год все еще будете... кочевать, да?

Инф.1: Тоже большие... Тоже... не... ясность.

В.В.: Неопределенность.

Инф.1: Неопределенность (смеется). Да, это точно неопределенность. Вот это точно.

В начале диалога очевидно затруднение с ответом на вопрос о значении термина «неопределенность». Можно с уверенностью сказать, что в активном словаре информантов это понятие отсутствует, однако при этом какие-то смыслы с ним связываются (см. «есть в голове», «по-русскому не выходит»). Далее из-за навязчивых вопросов интервьюера всё же очерчивается круг значений. Во-первых, с неопределенностью связываются ситуации, в которых нужно принимать меры предосторожности («вдруг будет») и – вероятно, в связи с содержанием предыдущей длительной беседы о стратегиях перемещения на снегоходе по бездорожью – диалог поворачивается в сторону безопасности в поездках. Выясняется, что при возникновении экстренной ситуации чувство неопределенности связывается с бездействием («не знаешь, найдут или не найдут»). Примечательно, что в предшествующем обсуждении рассказ о случаях снегоходных поломок и аварий всегда завершался активными действиями участников: они неизменно принимали решение о том, чтобы идти до населенного пункта или тундрового стойбища пешком, даже если они расположены в нескольких днях пути по заснеженной тундре. Единственной возможностью было переждать пургу, не надеясь на помощь извне¹⁶. Информант комментирует, что неопределенность в поездке в одиночку по бездорожью (типичная практика, особенно среди тундровиков) связана с сопровождающими её сомнениями и страхами («свернул не туда»). Во-вторых, собеседница для иллюстрации термина приводит в пример потерю способности ходить, т.е. самостоятельно обеспечивать себя в повседневной жизни в тундре, связанной с тяжёлым физическим трудом. В-третьих, примером является нападение волков на стадо оленей – ситуация, особенно опасная при нынешнем, «вахтовом», методе выпаса. И, наконец, она говорит о неясном будущем – речь идет об угрозе перемен в их образе жизни в связи с малочисленностью стада и отсутствием поддержки и соглашается на интерпретацию ситуации как неопределенности, предлагаемую интервьюером («Да, это точно неопределенность»).

2. Также семейная пара тундровиков, но почти на поколение старше, сейчас кочует летом через год, всё холодное время года проводит в посёлке; супруга на длительное время приезжала в посёлок и работала воспитательницей в детском саду (Инф. 1 – м., ок. 1960 г.р.; Инф. 2 – ж., ок. 1960 г.р.)

В.В.: Вот вы когда-нибудь используете вообще слово «неопределенность» для себя?

Инф. 1: Неопределенность?

В.В.: Да.

Инф. 1: Я даже не знаю.

Инф. 2: Неопределенность чего?

В.В.: Ну вот слово «неопределенность» вообще как-то используете? Я не знаю, может вы... ощущение неопределенности какое-то испытывали? Когда-нибудь (пауза, Инф.1 смеется).

В.В.: Наверное, нет, да?

Инф. 1: Нет.

В.В.: (Усмехается). Что вот такое неопределенность?

Инф. 1: Неопределенность – это сейчас жизнь такая, что...

Инф. 2: Вообще неопределенная.

Инф. 1: До конца уверенным не будешь. Вот только так.

Инф. 2: Неопределенность.

В.В.: А в каком смысле вот сейчас неопределенность жизни? В смысле что это война или что это?

Инф. 2: Нет.

Инф. 1: Нет.

Инф. 2: Сейчас всё, **что угодно можно ожидать.**

Инф. 1: Вот... неопределенность это...

В.В.: А в смысле ну вот всё, что угодно ожидать – в смысле, я не знаю там, что... то **дикий [олень] идет, то дикий не идет?** (Инф. 2: Да.) Или вы в каком смысле?.. В каком отношении неопределенность, скажем так?

Инф. 2: В каком отношении, ну это...

Инф. 1: Неопределенность – жизнь как повернется, неизвестно всё.

Инф. 2: Жизнь... Нет, ну может же такое, что, например, [нрзб]

Инф. 1: Сейчас **насчет этих... горюче-смазочных трудно.**

Инф. 2: На каком бензине поедешь и вдруг это... Они же точно не знают, что...

Инф. 1: **Не знаешь, откуда брать еще там.**

В.В.: В смысле вы не уверены в качестве бензина, да, и в том, что он там нормальный?

Инф. 1: Ну нет, качество-то есть, наверное.

В.В.: А, или не уверены, что вообще достанете бензин?

Инф. 1: **Да, откуда приобрести надо. Вот я не уверен.**

В.В.: То есть каждый раз это вот по-разному, да?

Инф. 1: Каждый раз нужно куда-то ездить [нрзб] просить надо.

Инф. 2: Нет, ну это неопределенность... не назовешь. Это **совсем другое** же.

Инф. 1: Неопределенность сейчас...

Инф. 2: **Ну это не неопределенность**

Инф. 1: Без горючего это... никуда не поедешь тоже.

Инф. 2: Сейчас неопределенность в другом.

В.В.: А вы попробуйте привести пример какой (пауза).

Инф. 1: Неопределенность (усмехается).

Инф. 2: Ну, неопределенность – мы же не знаем, на **сколько, например, поедем, например, и на сколько можем застрять**, например. Тоже неопределенность это. Или кто-то... **поможет нам кто-нибудь в чем-то или нет.** Ну, даже вот... Например, эти, соседей даже если взять. Могут они помощь какую-то оказать. Неопределенность, мы не уверены же в этом. Например, ехали, ехали. Они приехали, а нас бросили, может. Такое же может такое быть.

Инф. 1: Туок [долг. Что такое] неопределенно (усмехается).

Инф. 2: Ну, не знаю, неопределенность...

В.В.: А сейчас вот больше стало в жизни, чем раньше или столько же?

Инф. 2: Такой неопределённости?

В.В.: Да. Это в целом просто жизнь такая неопределённая или сейчас как-то стало хуже?

Инф. 2: **Раньше мы вообще не думали, что неопределённости** никакой не будет. А сейчас...

Инф. 1: **Раньше было ясно и понятно.**

Инф. 2: Мы сейчас постарели, поэтому может сейчас так. Поэтому [нрзб].

Инф. 1: А сейчас непонятно, что за жизнь.

Инф. 2: [? И не думала, что] есть такое слово – неопределённость.

Инф. 1: Когда и работы ничего нет. Если **работа была бы – то определённость** **какая-то была бы.**

Инф. 2: Вот как **совхозы** наши вот **уничтожили**, вот неопределённость появилась в это время уже. Ну, я... быстренько всё это... этот, больше не стала ездить, в двух тысяче третьем году, всё, сказала я. Я на работу устраиваюсь. Детей надо мне обучить. Вообще никакой неопределённости не было. Денег не было вообще.

В.В.: Ну понятно, да.

Инф. 2: И двадцать лет здесь отработала. Двадцать лет я аргизила, получается.

В.В.: Ну да. И вы, соответственно, **устроились** специально, получается, чтобы **какая-то определённость** появилась?

Инф. 2: Да-да-да, **специально, чтобы определённость появилась. Что я обучу** **детей.**

В этом случае в начале диалога неопределенность как понятие выступает имманентным свойством существования («сейчас жизнь такая») – его непредсказуемостью («жизнь как повернется»). При этом попытки интервьюера предложить варианты глобальных ситуаций безуспешны: пример внешнеполитической ситуации отвергается, а пример снижения численности дикого оленя, основного ресурса для заработка, просто остается без внимания. Вместо этого информант предлагает свой пример: поиск топлива для снегохода, причем не его качество, как изначально подумал исследователь, а именно нестабильность схем его приобретения. Впрочем, супруга не соглашается с таким примером. Следующий пример, как и в цитате 1, вдохновлен длительным обсуждением тундровых поездок в первой части интервью: ситуация неопределенности – это поломка и ожидание помощи («поможет нам кто-нибудь или нет»). Дальше обсуждение возвращается к неопределенности как описанию ситуации, причем нынешнее положение дел противопоставляется времени, когда существовал оленеводческий совхоз и «было ясно и понятно». Разрушение этой системы социальных гарантий, по словам собеседницы, заставило ее переселиться на длительное время в поселок – стабильная зарплата была необходима, чтобы поставить детей на ноги. Интересно также отметить, что дальнейшее обсуждение, оставшееся за пределами приведенной цитаты, касалось инициативы семейной пары по организации крестьянско-фермерского хозяйства (КФХ) как формы возвращения социальных гарантий и, следовательно, снижения неопределенности.

Итак, мы видим, что в рассмотренных случаях неопределенность как понятие, ситуация и чувство однозначно присутствует у информантов и они, хоть и с большими затруднениями, но описывают эту область понятий. Совершенно очевидно также, что сами бы они это слово не стали использовать. Возникают вопросы: как описать эту ситуацию в категориях эмного и этного? Является ли понятие неопределенности этным из-за того, что его никогда бы не употребили сами информанты? И наоборот: можно ли это понятие считать до конца эмным, если мы фактически вынудили их очертить круг его значений? Со-конструирование кажется более подходящим термином именно потому, что позволяет выйти за пределы этой дихотомии.

Интересно обратить внимание на то, какие ситуации и чувства включаются в категорию неопределенности. Беседы с информантами показывают, что это и тревоги по поводу нестабильности источников ресурсов, и беспокойство при необходимости ожидать помощь, и отсутствие работы и ясных перспектив, и угроза кочевому образу жизни. На проверку оказывается, что приведенные примеры объединяет следующее: как неопределенность классифицируются те ситуации, в которых человек лишен возможности управлять положением дел, а возвращение определенности связывается с возможностями активных действий по созданию КФХ или многодневному пешему путешествию к безопасности. Особенно примечательно, что, несмотря на то что в этих и других не вошедших в рассмотрение интервью мы, прежде чем перейти к обсуждению понятия неопределенности, долго и подробно говорили о стратегиях поведения в экстренных ситуациях при поездке на снегоходах: впервые эмоциональная оценка выбора между пассивным ожиданием и активными действиями по спасению себя возникла только благодаря вопросам о неопределенности. До этого только косвенные признаки в рассказах о решениях, принятых в том или ином случае, указывали на нежелательность ожидания, но благодаря вопросу о неопределенности очевидной стала именно эмоциональная окраска, сопровождающая этот выбор.

Моральная оценка неопределенности: «Я не такой человек!»

Последняя и самая неожиданная для нас категория – люди, которые знали, что такое неопределенность, но категорически и очень эмоционально отрицали, что когда-либо лично ее испытывали. Квинтэссенцией этих ответов может стать возглас одной из наших собеседниц: «Я не такой человек!»

Именно эта эмоциональность отрицания привлекла наше внимание: поначалу у нас даже возникло ощущение, что информанты говорят о чем-то совершенно отличном от того, о чем мы их спрашивали:

Инф.: Я не знаю. У меня нет такого. Никогда не было! Я не знаю, что такое неопределенность (смеётся).

К.И.: И Вы никогда не чувствовали?

Инф.: Нет. Никогда! Нет! Был когда-то момент, когда я вот бросила институт, может быть был, но! Я почему-то всегда была уверена, что у меня все получится! То есть, я мечтала о чем-то, у меня всегда в голове были мечты, я всегда строила себе будущее. И... в большинстве своем оно обретало потом конкретные черты в реальности (смеётся). Не знаю, неопределенности ни разу не чувствовала. Ни разу! В жизни... Ну, это, наверное, зависит от человека, от его возможностей, от стремлений, я не знаю. Вот. И я знаю, что у меня есть будущее и я живу, потому что я знаю, что я когда-то сделаю свой [проект] (Индига, ж., 50 л. педагог).

Для нашей собеседницы, как следует из этого отрывка, неопределенность не может иметь место там, где есть мечты и планы на будущее. Кроме того, она связывает чувство неопределенности с внутренними свойствами человека. Позже оказалось, что это не единичное мнение и что оно достаточно распространено. В следующей цитате учительница утверждает, что у нее в семье не бывает неопределенности, потому что они всегда действуют, а не размышляют и боятся:

Неопределенность – когда что? (задумалась). Может быть, когда не знаешь как бы о финансовом благополучии, потом получится или нет реализовать какие-то цели? Свои, вот опять же, связанные с обустройством где-то детей там в городе, где-то еще. Вот. А в целом? Мы... Мы как-то не думаем. Мы вообще в семье постоянно делаем, у нас нет такого, чтобы мы сидели и думали, как нам жить дальше. Ну... Мы просто делаем (хохочет). Просто я не понимаю, когда говорят «депрессия», «я ничего не хочу», чего-то там еще... Кто-то там начинает страдать, кто-то не хочет жить из-за чего-то там и т.д. Они просто не работают! (смеётся) <...> У меня нет времени задумываться, бояться! (Индига, ж., 44 г., педагог).

Понятно, что в круг представлений, связанных с неопределенностью, каким-то образом включены мечты, цели, собственное «я» и личные действия, а противопоставлено этому отсутствие стремлений, невозможность и нежелание действовать. Понять, как устроена эта конфигурация отношений, помог разговор с женщиной, приехавшей работать в поселок пять лет назад. Эта собеседница призналась, что однажды в своей жизни она столкнулась с неопределенностью: это было сильнейшее переживание, которое случилось как раз перед тем, как они с мужем переехали в Индигу.

Е.Л.: Что такое неопределенность?

Инф.: (сразу). Когда человек не знает, чем он будет заниматься, как он будет жить, как он будет поступать. Я думаю, что это так. Это самое страшное, когда у человека есть какая-то неопределенность! (Индига, ж. 50 л. медик).

Мы ожидали, что далее последует рассказ о том, как беспокойно ей было ехать из привычного места, где они прожили много лет, на Крайний Север, где вообще не было знакомых. Оказалось, что дело совершенно не в этом, а в том, что её младший сын поступил учиться в вуз и

прошел только на платное отделение. В результате сложилась ситуация, когда они с мужем не могли оплатить обучение двоих детей, но при этом она не могла и сказать детям, что они не будут учиться: *«Я не спала несколько ночей, не знала, как выкрутиться и поступить. Вот это была неопределенность единственная. А так были сложности, но решались»*.

Таким образом, для нашей собеседницы и ее мужа неопределенностью оказалась ситуация, когда нельзя оставить все как есть, нужно найти выход, вы его мучительно ищите, но не можете найти и это порождает непереносимое для вас состояние, которое очень тяжело переживается. После того как они нашли выход и решили поехать работать на Север, ни о какой неопределенности речь уже не шла, дальше были только «решаемые сложности».

Эта история стала своеобразным ключом к высказываниям остальных информантов, которые оказались более понятными после того, как мы посмотрели на них с этой точки зрения. Оказалось, что подобные же идеи содержатся в рассуждениях самых разных жителей поселка и фельдшера из Сибири, и учительницы из Индиги, и маячника, переехавшего в поселок из Грузии.

Следующее характерное высказывание принадлежит начальнику службы ЖКХ, родившемуся в архангельской деревне, чья жизнь связана с регулярными и интенсивными перемещениями по бездорожной тундре:

Е.Л.: А у Вас когда-то было, ну, чувство неопределенности?

Инф.: Ну... Да, нет, вроде! (смеется) такая, чтобы конкретно? Ну, по мелочам только. То есть не знаешь, сегодня пойти в этих кроссовках или тех, ну, – неопределенность (смеется). А вот в чтобы конкретно, в жизненных каких-то ситуациях, сложных – нет, не было! <...> Всегда есть выход, всегда есть, ну, как сказать... возможность решения проблемы... можно обратиться, на худой конец, к людям! Которые тебя знают, которые тебе помогут всегда. Выход есть всегда! (Индига, м., 45 л., ЖКХ).

В своих рассуждениях он связывает неопределенность с отсутствием у человека цели и каких-то ясных намерений в жизни, считая, что в таких случаях человек теряется и деградирует. Примером людей, живущих в состоянии неопределенности, по его мнению, являются деревенские алкоголики, потерявшие какие бы то ни было ориентиры в жизни. Очевидно, что и в данном случае неопределенность оказывается связана с личными свойствами человека, его намерениями и целями, его *личным желанием* найти выход и стремлением действовать. И именно эта связь заставляет его утверждать, что у *него* не может быть неопределенности.

О том же говорит молодой фельдшер, приехавший работать в поселок несколько лет назад из Архангельской области: *«Неопределенность? Не сталкивался. Я всегда знаю выход!»*

Один из самых эмоциональных и насыщенных ответов на вопрос о неопределенности дал работающий маячником уроженец Грузии:

У меня никогда ее не было!!! Вот честно говорю! У меня никогда не было паники, что будет завтра. Не-опре-деленность (медленно выговаривает это слово). Я не знаю... Если у тебя часто бывает неопределенность, значит, ты неправильно живешь. Ты что-то делаешь не так! А может – в голове много тараканов? (улыбается). Надо быть всегда уверенным! Даже в самые плохие моменты не надо руки опускать (Индиго, м., 50 л., маячник).

Очевидно, что паника, опущенные руки, нерешительность – это не о ситуации, в которой человек оказался, а о самом человеке, его представлениях о себе и его агентности, о том, как он с ситуацией справляется. Более того, высказывания информантов свидетельствуют, что для них неопределенность оказывается не только эмоционально, но и морально нагружена: *«Ты неправильно живешь! Ты что-то делаешь не так!»*

После того как мы собрали и проанализировали множество подобных рассуждений о неопределенности, стало понятно, что категорическое утверждение нашей первой собеседницы, занявшей позицию, что она лично никогда не испытывала неопределенности, поскольку «я не такой человек!», не является отклонением от общего понимания, а напротив, связано с распространенными устойчивыми представлениями о личности, агентности и морали. Примечательно, что эти представления объединяли и мужчин, и женщин, людей разного уровня образования и профессий, тех, кто родился и вырос в Индиго и его окрестностях, и тех, кто сравнительно недавно приехал в поселок.

Интересно, что наши настойчивые расспросы о неопределенности показали, что у информантов есть представления о разных типах планирования. Точнее всего, как кажется, это различие, к которому отсылали многие информанты, сформулировал смотритель маяка, который прямо противопоставил два вида планирования. В ходе разговора он несколько раз повторял, что на Севере нельзя строить планы, а когда речь зашла о неопределенности, вдруг сказал, что у него нет неопределенности и что *«человек должен сам планировать всё и не надеяться на дядю Васю какого-то, кто придет и поможет. Ты сам должен на себя надеяться»*. Поскольку противоречие между его не раз сказанном первым утверждением («планы строить не надо») и вторым («планы строит надо») бросалось в глаза, мы попросили его пояснить, что он имеет в виду.

Инф.: Вот «неопределенность»! И «строить планы»! – это совсем что-то другое. Неопределенность – это когда у тебя опущены руки и ты потерялся. Ты не знаешь, че... Ну, не знаю! А планы – это когда ты там сел – запланировал: вот завтра – это, послезавтра – то... На Севере так не получится. Ты можешь кучу планов настроить и ни хрена не сделать. Не надо больших планов стоять! Надо какие-то... это даже не планы! Это не планы... Это какие-то... пожелания... «Планы» – это грубо... это очень громко сказано!!!

Е.Л.: То есть «планы» – это неправильное слово?

Инф.: Это раньше была там – «пятилетка» и все: план надо выполнить, хоть что сделай. А здесь – это не планы, я не считаю, что это планы какие-то. Это, наверное, пожелания! Поступить так. Делать так.

Таким образом, с точки зрения наших информантов, существуют планы – жесткие и конкретные, как «советская пятилетка» (можно условно их назвать «планы-расписание»); строить их на Севере, по мнению большинства наших информантов, неблагодарное дело. Другой тип планов – планы-намерения, планы-мечты, планы-цели – иметь их необходимо¹⁷, иначе ты «потеряешься», и вот тут-то и наступит неопределенность.

Оказалось, что для многих информантов, не видящих проблем в незаезженных грузах или неприлетевшем самолете, неопределенность как эмная категория все же существует. Однако она связана в первую очередь *не с ситуациями*, порождающими тревожность, неясность и непонятые риски, а с тем, как *сам человек* переживает существующее положение дел. В этой конструкции неопределенность влечёт за собой бессилие, панику, растерянность, потерю веры в себя, своей мечты, неясность целей и намерений, неспособность найти выход из ситуации. Эта неопределенность представляет собой *крайне негативное состояние*, с которым нужно так или иначе справляться, в первую очередь действовать самому, а также опираясь на помощь близких и знакомых. Не справиться, отказаться от борьбы, планировать, перестать ставить цели и мечтать, как следует из ответов, – стыдно. Для многих невозможно даже подумать, что кто-то считает, что *ты* можешь часто чувствовать неопределенность. В этом случае разговор о неопределенности связан с довольно сильными эмоциями.

Выводы

Ситуации, когда эмные понятия и конструкции, обнаруживаемые исследователем-антропологом в поле, не совпадают с положенными в основу его исследовательского проекта этными понятиями и конструкциями, нередки. Обычно такое несовпадение вызывает лишь незначительные сложности. Но иногда заявленный объект исследования вообще не определяется в эмной реальности информанта или определяется совершенно иначе, и тогда возникающие сложности могут поставить все исследование под угрозу. Чтобы избежать подобных ситуаций, некоторые исследователи – теоретики полевой работы (например, Aull Davies 1998; Okely 2012) предлагают отказаться от формулирования целей и задач проекта и изучать то, что «найдется в поле». Однако такой подход не всегда возможен, поэтому актуальным остается поиск инструментов для решения описанной проблемы.

Наш проект – пример такой ситуации: понятие «неопределённость» вообще отсутствовало в активном словаре информантов или имело другой объем, что поставило под угрозу исследование в том виде, в каком оно было запланировано. Проанализировав историю представлений о соотношении этного и эмного в полевом исследовании, мы пришли к выводу, что указанные сложности можно разрешить с применением трех исследовательских инструментов: 1) переформулировка нашего этного понятия в эмных терминах; 2) поиск эмного значения понятия «неопределённость» и соотнесение его с этным; 3) со-конструирование понятия у информанта – провоцирование его трактовать слово «неопределённость» и формулировать своё понимание этого слова.

Применение этих инструментов дало следующие результаты. Для исследованных сообществ характерно понимание неопределенности на двух разных уровнях: глобальном и личном. События в мире, хоть и признаваемые нашими информантами в качестве примеров неопределенности, никогда в круг актуальных для них неопределенностей не включались. В этом случае можно говорить о разделении на «неопределенность для меня» и «неопределенность для всех». Это перекликается с замечанием Матеаса Пелкманса, предпочитающего категории неопределенности термин *сомнение* как более связанный с индивидуальным переживанием, содержащий значительно больше агентности (Pelkmans 2013: 17). Он, таким образом, подмечает особенность категории «неопределённость», которая потенциально вмещает в себя онтологически довольно разнообразные вещи – от ритуального маркирования политической ситуации как неблагоприятной до глубокой личной эмоции. Актуальный круг значений для наших информантов (точнее, тех из них, кто имеет свое представление об этом понятии) связан именно с личным уровнем: неопределенность для них направлена не на ситуацию, а на ощущение себя в возникших обстоятельствах. Неопределенность может быть связана с моральной оценкой и эмоциональным отношением к переживанию этого чувства самим говорящим и другими людьми («Я не такой человек»).

Подобное понимание термина ещё более затрудняет сравнение наших материалов с исследованиями тех сообществ, для которых он оказывается беспроблемным, и его «эмность» не ставится под сомнение. Невозможно сказать, что информанты не знакомы с современным дискурсом риска, ведь, как мы неоднократно подчеркивали, эти сообщества, несмотря на свою удаленность, находятся в тесной связи с остальной территорией страны как практически, так и в отношении информационного поля. Однако у наших информантов категория неопределенности однозначно отсутствует в активном словаре, является «спящей». Такое отличие вызывает не только методологические затруднения, но и открывает новые возможности, позволяя задуматься, какое приращение знаний

дает исследование столь эпистемически сложной для изучаемого сообщества категории.

Вопрос о неопределенности оказался инструментом, позволяющим вскрыть пласт представлений, к которым было довольно трудно подобраться иными путями. В рассмотренных примерах эти вопросы становились ключом к представлениям о значении планирования, стратегиям обеспечения продовольственной безопасности и выстраивания социальных связей. В случае Таймыра именно вопрос неопределенности открыл доступ к эмоциональному отношению людей к рискам, с которыми они имеют дело, передвигаясь по бездорожью, о чём они никогда не говорили, пока речь шла непосредственно об опыте таких перемещений. Иными словами, вопрос о неопределенности оказался способом добраться до тонкой материи конфигураций агентности в этой культуре.

О какой бы неопределенности ни шла речь – той, которая определяется исследователями, или той, что есть в головах информантов, она может проявляться в разговоре в трех формах, которые имеет смысл аналитически различать: 1) наличие самого понятия «неопределенность», 2) ситуации неопределенности и 3) чувства, которые с неопределенностью могут связываться.

В Индиге мы сначала задавали людям вопросы, которые связаны с неопределенностью, но не предъявляли им самого термина «неопределенность». То есть мы работали с этным понятием и этным набором ситуаций, а интересовало нас, соответствуют ли этому понятию и ситуациям какие-то эмные понятия и чувства (т.е. имеющиеся у информантов). Этот подход позволил увидеть, что не существует связей между тем, как мы выделили неопределенность, и каким-либо единым эмным понятием и эмным набором чувств у информантов. Если бы мы на этом остановились, то мы бы решили, что у информантов, возможно, вообще отсутствует какая бы то ни было эмная концепция неопределенности.

На следующем шаге мы, используя классический метод выяснения эмных понятий, представлений и концепций, пытались обнаружить *эмное* значение слова «неопределенность» и выяснить, с какими *чувствами* и *ситуациями* оно у информантов связывается. В результате мы получили три варианта ответов.

В первом случае информанты утверждают, что в их собственном (эмном) репертуаре нет слова «неопределенность», они не знают ни его значения, ни ситуаций, к которым оно бы могло быть применено, ни чувств, связанных с этим понятием. Фактически у этих людей действительно нет эмной концепции неопределенности.

Во втором случае у наших собеседников оказалось что-то вроде эмного «спящего понятия», которое, хотя активно самостоятельно и не используется, но в диалоге с исследователем со-конструируется, причем важно, что информант не следует слепо за подсказками исследователя, а

имеет свою логику: с этим понятием связан эмный набор чувств и ситуаций, причем он мало соответствует этному, которое мы предлагали изначально.

В последнем случае у людей есть чёткое представление о неопределенности, они свободно оперируют им как эмным понятием и с ним связаны достаточно сильные негативные чувства. Однако используется это понятие неожиданно для нас, поскольку относится скорее к личности человека, переживающего ситуацию, чем к самой ситуации, и к тому же нагружено моральными смыслами.

Таким образом, сначала мы пытаемся установить соотношение между этными и эмными компонентами неопределенности, а затем понять, как устроены и с чем связаны эмные представления. На следующем этапе нам следует сравнить эмную и этную конфигурации неопределенности. Может возникнуть соблазн предположить, что найденные эмные конфигурации – это какая-то совершенно иная неопределенность, фактически омоним нашей этной, поскольку круг явлений, к которому оно приложимо, совершенно иной, хотя для разных людей оказались значимы разные аспекты социальной жизни: для кого-то неопределенность возникла из-за невозможности оплатить обучение детей в вузе, а кому-то было важно не ждать помощи при поломке в тундре. Неопределённость в представлениях наших информантов оказалась не там, где мы ее искали, и в эмоциональной сфере: мы предполагали, что она будет связана с негативными чувствами (например, тревога и беспокойство), но набор этих чувств стал для нас неожиданным – например, стыд, смущение или возмущение тем, что кто-то мог подумать, что «у него есть неопределенность».

Однако при более детальном анализе мы вынуждены были признать, что все эти концепции имеют нечто общее, они: а) касаются будущего; б) строятся вокруг возможности планировать (только речь идет не о планах-расписаниях, а о планах-намерениях); в) сопровождаются чувствами; г) связаны с агентностью и возможностью действовать. Эти пункты, безусловно, сходны с нашим изначальным этным определением неопределенности. Эти выводы ценны потому, что позволяют установить не только эмный взгляд на мир информантов, но и его связь с этным взглядом и, таким образом, сделать наши выводы релевантными для смежных наук.

Использованные методы заставляют задуматься о еще одном аспекте дихотомии этного и эмного, имеющем более широкое значение. Наш проект показал, что эмные понятия информантов вполне могут меняться в ходе исследования под воздействием исследователя. Этот факт является одним из аспектов влияния наблюдателя на наблюдаемое, которое, разумеется, не является чем-то новым: критика позитивизма часто включает ссылки на это влияние (см. например, Latour, Woolgar 1986). Однако

нам неизвестны работы, где бы обсуждалось влияние эффекта наблюдателя на дихотомию эмного и этного. Между тем это влияние может быть значимым, и если его учесть, то указанная дихотомия может стать если не бессмысленной, то, по крайней мере, проблематичной. Методологические инструменты, связанные с понятием «неопределённость», имеют более широкую теоретическую значимость и применимы для исследования других сложных понятий.

Неопределенность является стандартным понятием в социологии и экономике: в этих науках феномен неопределенности принимается во внимание при анализе и влияет на его результаты. Антропология может дополнить этот анализ описанием того, как люди «на земле» осмысливают и чувствуют неопределенность, принимают ее во внимание и, таким образом, существенно уточнить, как и почему неопределенность влияет или не влияет на поведение. Такая детализация способствовала бы прогрессу нашего совместного с социологами и экономистами понимания «человеческого состояния». Однако для этого нужно найти способы интеграции этного понятия неопределенности, которым оперируют коллеги из указанных наук, с эмными описаниями, которые могут предоставить антропологи. Нам кажется, что подход, который мы применили, в какой-то степени решает эту задачу.

Примечания

¹ Хотя в недавней истории антропологии были влиятельные публикации, отрицающие и эту возможность (см., например, выдержавшую три издания Aull Davies (1998); см. также Michrina, Richards 1996).

² Эти вопросы оказались в центре внимания на секции «Антропология неопределенности: понятия, аффекты, нарративы» (модераторы Екатерина Мельникова, Зинаида Васильева), посвященной дискурсам и практикам релокантов, на конференции «Антропология неопределенности: жизнь в переломные эпохи», 24–26 октября 2024 г. (Ереван, Армения).

³ Между 1989 и 2020 г. количество жителей агломерации сократилась почти в три раза, с 214,5 до 73 тысяч человек (Istomin 2021: 8).

⁴ «Да не смешашь ты эмное и этное в своем анализе социальной жизни человека».

⁵ Пайк был специалистом по языкам коренных народов Америки – отрасль лингвистики, до сих пор считающаяся в США частью антропологии. Поэтому его преподавательская и исследовательская деятельность была связана с отделениями антропологии нескольких американских университетов, где он взаимодействовал в основном с культурными антропологами – факт, оказавший, несомненно, большое влияние на становление его научных воззрений и направление его теоретических изысканий.

⁶ В настоящей работе мы используем вторую редакцию труда Пайка, опубликованную в 1967 г. Она содержит некоторые изменения и дополнения по сравнению с первой редакцией 1954 г.

⁷ В этом разделе обсуждаются материалы, собранные в Индиге и Воркуте, так как именно там мы проверяли, связаны ли для информантов с неопределенностью выделенные нами ситуации.

⁸ В одном из ямальных поселков, например, хозяйки время от времени покупали белый хлеб впрок и замораживали его, зная, что пекарь в какой-то момент, скорее всего, запьет и в магазине ничего не будет, и тогда они его разморозят и у семьи будет свежий хлеб.

⁹ Ср. анализ подобных размышлений в других местах на Севере (Лярская, Гаврилова 2020; Васильева, Гаврилова 2022).

¹⁰ Одна из наших информанток иронично назвала эти неизбежные повседневные заботы «сельским многобьем – дрова, вода, помои».

¹¹ Местное название распутицы.

¹² То, что мы задавали вопрос о неопределенности после беседы, представляется методологически важным, поскольку это позволило: а) избежать трудностей, с которыми пришлось столкнуться в Воркуте, когда с информантами, озадаченными в самом начале вопросом «что такое для Вас неопределённость?», дальше было тяжелее вести беседу, и б) не смешивать использование эмного и этного значения термина «неопределённость».

¹³ Несмотря на то что в каждом из разделов рассматриваются материалы только из одного населенного пункта, описываемые тенденции характерны также и для остальных исследованных регионов.

¹⁴ Подробно о различных научных направлениях, рассматривающих разговор и, в частности, интервью как ситуацию, в которой происходит не просто трансфер знания, а его совместное конструирование в процессе взаимодействия участников, см. (Касаткина 2019).

¹⁵ Благодарю Д.-В.И. Пименову за проверку корректности транскрипции и перевода.

¹⁶ Ср. с противоположными установками, транслируемыми в современном дискурсе спасения: «Если Вы всё-таки потерялись, то <...> Оставайтесь на месте. Это первый закон, которому мы учим всех детей, пришедших знакомиться с правилами безопасности “ЛизаАлерт”. Оставаясь в сухом месте в ожидании помощи, вы не уходите дальше в лес, не рискуете травмироваться в темноте, не теряете силы, не мокнете под дождём, не удаляетесь от спасателей, не проваливаетесь в болото, поэтому это наиболее безопасный вариант» (источник: <https://lizaalert.org/pravila-povedeniya-v-lesu/>).

¹⁷ Авторы благодарят А.И. Карасеву за помощь в подборе терминов, обозначающих эти разные виды планирования.

Список источников

- Васильева В.В., Гаврилова К.А. Обменные практики и социальные сети как механизмы преодоления дефицитов в локальных сообществах Таймыра и Камчатки // Антропологический форум. 2022. № 54. С. 99–131. doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-54-99-131
- Глобальное потепление: Картография российских климатических наук / под ред. А. Екайкина, О. Бычковой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2024.
- Истомин К.В., Вахтин Н.Б. Фактор неопределенности в современных сообществах Крайнего Севера РФ: методологические подходы к изучению // Проблемы Арктики и Антарктики. 2022. № 68(4). С. 420–436.
- Карасёва А.И. Неопределенность вне «голов информантов»: значение языкового регистра // Антропология неопределенности: жизнь в переломные эпохи : материалы IV ежегодной конф., 24–26 октября 2024 г. Ереван, 2024.
- Касаткина А.К. Дачные разговоры как объект этнографического исследования: разработка метода (на материале интервью об освоении садовых участков в 1980–1990-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2019.
- Кузнецов А.Г., Руденко Н.И. Как объяснить технологические аварии? «Человеческий фактор», социальный конструктивизм и онтологический поворот в изучении неопределенностей беспилотных автомобилей // Социология власти. 2021. № 33 (4). С. 97–146.
- Лярская Е.В., Гаврилова К.А. Размер и его значение: о социальных сетях и социальном комфорте на Ямале и Камчатке // «Дети девяностых» в современной российской Арктике / отв. ред. Н.Б. Вахтин, Ш. Дудек. СПб.: Изд-во ЕУ СПб, 2020. С. 324–398.

- Петров К.А. Концепт риска в техноэтике: кейс атомной энергетики // ВДНХ-XVII : общерос. науч. конф., 22–23 марта 2024 г. СПб., 2024.
- Функ Д.А. Антропология в условиях неопределенности. Размышления о динамике и статике научного творчества // Сибирские исторические исследования. 2024. № 1. С. 106–111. doi: 10.17223/2312461X/43/7
- Aull Davies C. Reflexive Ethnography: A Guide to Researching Selves and Others. New York: Routledge, 1998.
- Bernstein P.L. Against the gods: The remarkable story of risk. New York: Wiley, 1996.
- Berry J.W. Imposed Etics, Emics, and Dervied Etics: their Conceptual and Operational Status in Cross-Cultural Psychology // Emics and Etics: The Insider/Outsider Debate / ed. by T.N. Headland, K.L. Pike, and M. Harris. London: SAGE Publications Ltd., 1990. P. 84–99.
- Bryant R., Knight D.M. The Anthropology of the Future. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Dewey J. The Quest for Certainty: A Study of the Relation of Knowledge and Action. New York: Milton, Balch and Co., 1929.
- Emics and Etics: The Insider/Outsider Debate / ed. by T.N. Headland, K.L. Pike, M. Harris. London: SAGE Publications Ltd., 1990.
- Geertz C. The Interpretation Of Cultures: Selected Essays. New York: Basic Books, 1973.
- Goodenough W.H. Cultural anthropology and linguistics // Report of the Seventh Annual Round Table Meeting on Linguistics and Language Study / ed. by P.L. Garvin. Washington: Georgetown University Press, 1957. P. 167–177.
- Goodenough W.H. Description and Comparison in Cultural Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Harris M. Cultural Materialism: The Struggle for a Science of Culture. New York: Random House, 1979.
- Harris M. Emics and Etics Revisited // Emics and Etics: The Insider/Outsider Debate / ed. by T.N. Headland, K.L. Pike, and M. Harris. London: SAGE Publications Ltd., 1990. P. 48–61.
- Harris M. Theories of Culture in Postmodern Times. London: Altamira Press, 1999.
- Harris M. The rise of anthropological theory. London: AltaMira Press, 2001.
- Istomin K.V. “Who would want to lay down into the permafrost?”: an attempt to explain differences in migration rates, strategies and attitudes in two Russian northern cities // Acta Bo-realia. 2021. № 38 (2). P. 104–130. doi: 10.1080/08003831.2021.1980686
- Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1986.
- Levi-Strauss C. Structuralism and Ecology // Social Science Information. 1973. № 12 (1). P. 7–23.
- Michrina B.P., Richards C. Person to Person: Fieldwork, Dialogue, and the Hermeneutic Method. New York: State University of New York Press, 1996.
- Modes of Uncertainty: Anthropological Cases / ed. by L. Samimian-Darash, P. Rabinow. Chicago: University of Chicago Press, 2015.
- Murray G.F. Anthrpology, Evangelization, and Abortion: Applications of Emics and Etics // Emics and Etics: The Insider/Outsider Debate / ed. by T.N. Headland, K.L. Pike, M. Harris. London: SAGE Publications Ltd., 1990. P. 143–163.
- Okely J. Anthropological Practice: Fieldwork and the Ethnographic Method. London: Routledge, 2012.
- Pelkmans M. Outline for an Ethnography of Doubt // Ethnographies of Doubt: Faith and Uncertainty in Contemporary Societies / ed. by M. Pelkmans. London: I.B. Tauris, 2013. P. 1–42.
- Pike K.L. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior. Hague: Mouton & co., 1967.
- Pike K.L. On the Emic and Etics of Pike and Harris // Emics and Etics: The Insider/Outsider

- Debate / ed. by T.N. Headland, K.L. Pike, and M. Harris. London: SAGE Publications Ltd., 1990. P. 28–47.
- Porter T.M. The rise of statistical thinking, 1820–1900. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Porter T.M. Trust in numbers: The pursuit of objectivity in science and public life. Princeton: Princeton University Press, 1996.
- Sahlins M. In anthropology, it's emic all the way down // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2017. № 7(2). P. 157–163. doi: 10.14318/hau7.2.020
- Social Theories of Risk and Uncertainty / ed. by J.O. Zinn. Oxford: Blackwell Pub, 2008.

References

- Vasil'eva V.V., Gavrilova K.A. (2022) Obmennye praktiki i sotsial'nye seti kak mekhanizmy preodoleniia defitsitov v lokal'nykh soobshchestvakh Taimyra i Kamchatki [Exchange Practices and Social Networks as Means of Coping with Shortages in Local Communities of Taimyr and Kamchatka], *Antropologicheskii forum*. 54. pp. 99–131. doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-54-99-131
- Global'noe poteplenie: Kartografiia Rossiiskikh klimaticheskikh nauk [Global Warming: Mapping Russian Climate Sciences] / ed. by A. Ekaikin, O. Bychkova. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2024.
- Istomin K.V., Vakhtin N.B. (2022) Faktor neopredelennosti v sovremennykh soobshchestvakh Krainego Severa RF: metodologicheskie podkhody k izucheniiu [Uncertainty factor in contemporary communities of the Russian Arctic: methodological approaches to research], *Problemy Arktiki i Antarktiki = Arctic and Antarctic Research*, 68(4), pp. 420–436.
- Karaseva A.I. (2024) *Neopredelennost' vne «golov informantov»: znachenie iazykovogo registra*. Doklad na konferentsii «Antropologiya neopredelennosti: zhizn' v perelomnye epokhi», 24–26 oktiabria 2024 goda (Yerevan, Armenia) [Uncertainty beyond the “heads of informants”: the importance of the linguistic register. Paper presented at the conference “The Anthropology of Uncertainty: Living in Pivotal Times”, October 24–26, 2024 (Yerevan, Armenia)].
- Kasatkina A.K. (2019) *Dachnye razgovory kak ob"ekt etnograficheskogo issledovaniia: razrabotka metoda (na materiale interv'iu ob osvoenii sadovykh uchastkov v 1980-e—1990-e gg.)*. Diss. ... kand. ist. nauk [Dacha Conversations as an Object of Ethnographic Research: Method Development (Based on Interviews on the Development of Garden Plots in the 1980s–1990s). Dissertation of the Cand. of Historical Sciences]. St. Petersburg.
- Kuznetsov A.G., Rudenko N.I. (2021) Kak ob"iasnit' tekhnologicheskie avarii? “Chelovecheskii faktor”, sotsial'nyi konstruktivizm i ontologicheskii povорот v izuchenii neopredelennosti bespilotnykh avtomobilei [How to Explain Technological Accidents? The “Human Factor”, Social Constructivism, And The Ontological Turn In Exploring The Uncertainties Of Autonomous Vehicles], *Sotsiologiya vlasti*, 33(4), pp. 97–146.
- Liarskaia E.V., Gavrilova K.A. (2020) Razmer i ego znachenie: o sotsial'nykh setiakh i sotsial'nom komfote na Yamale i Kamchatke [Size and its meaning: about social networks and social comfort in Yamal and Kamchatka]. In: *«Deti devianostykh» v sovremennoi rossiiskoi Arktike. Kollektivnaia monografiia* [“Children of the Nineties” in the Russian Arctic. Collective Monograph]. Ed. by N.B. Vakhtin, S. Dudeck. St. Petersburg: Izdatel'stvo EU SPb, pp. 324–398.
- Petrov K.A. (2024) *Kontsept riska v tekhnologii: keis atomnoi energetiki. Doklad na konferentsii «VDNKh-XVII», 22–23 marta 2024 goda (EUSPb, Sankt-Peterburg)* [The concept of risk in technoethics: the case of nuclear energy. Report at the conference “VDNKh-XVII”, March 22–23, 2024 (EUSPb, St. Petersburg)].
- Funk D.A. (2024) Anthropology in Uncertain Conditions. Thoughts on the Dynamics and Statics of Scientific Creativity. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 106–111 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/43/7

- Aull Davies C. (1998) *Reflexive Ethnography: A Guide to Researching Selves and Others*. New York: Routledge.
- Bernstein P.L. (1996) *Against the gods: The remarkable story of risk*. New York: Wiley.
- Berry J.W. (1990) Imposed Etics, Emics, and Dervied Etics: their Conceptual and Operational Status in Cross-Cultural Psychology. In: *Emics and Etics: The Insider/Outsider Debate* / edited by T.N. Headland, K.L. Pike, and M. Harris. London: SAGE Publications Ltd., pp. 84–99.
- Bryant R., Knight D.M. (2019) *The Anthropology of the Future*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dewey J. (1929) *The Quest for Certainty: A Study of the Relation of Knowledge and Action*. New York: Milton, Balch and Co.
- Emics and Etics: The Insider/Outsider Debate* / edited by T.N. Headland, K.L. Pike, and M. Harris. London: SAGE Publications Ltd., 1990.
- Geertz C. (1973) *The Interpretation Of Cultures: Selected Essays*. New York: Basic Books.
- Goodenough W.H. (1957) Cultural anthropology and linguistics, In: *Report of the Seventh Annual Round Table Meeting on Linguistics and Language Study* / edited by P.L. Garvin. Washington: Georgetown University Press, pp. 167–177.
- Goodenough W.H. (1970) *Description and Comparison in Cultural Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Harris M. (1979) *Cultural Materialism: The Struggle for a Science of Culture*. New York: Random House.
- Harris M. (1990) Emics and Etics Revisited. In: *Emics and Etics: The Insider/Outsider Debate* / edited by T.N. Headland, K.L. Pike, and M. Harris. London: SAGE Publications Ltd, pp. 48–61.
- Harris M. (1999) *Theories of Culture in Postmodern Times*. London: Altamira Press.
- Harris M. (2001) *The rise of anthropological theory*. London: AltaMira Press.
- Istomin K.V. (2021) “Who would want to lay down into the permafrost?”: an attempt to explain differences in migration rates, strategies and attitudes in two Russian northern cities, *Acta Borealia*, 38(2), pp. 104–130. DOI: 10.1080/08003831.2021.1980686
- Latour B., Woolgar S. (1986) *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Levi-Strauss C. (1973) Structuralism and Ecology, *Social Science Information*, 12(1), pp. 7–23.
- Michrina B.P., Richards C. (1996) *Person to Person: Fieldwork, Dialogue, and the Hermeneutic Method*. New York: State University of New York Press.
- Modes of Uncertainty: Anthropological Cases* / edited by L. Samimian-Darash and P. Rabinow. Chicago: University of Chicago Press, 2015.
- Murray G.F. (1990) Anthrpology, Evangelization, and Abortion: Applications of Emics and Etics. In: *Emics and Etics: The Insider/Outsider Debate* / edited by T.N. Headland, K.L. Pike, and M. Harris. London: SAGE Publications Ltd., pp. 143–163.
- Okely J. (2012) *Anthropological Practice: Fieldwork and the Ethnographic Method*. London: Routledge.
- Pelkmans M. (2013) Outline for an Ethnography of Doubt. In: *Ethnographies of Doubt: Faith and Uncertainty in Contemporary Societies* / edited by M. Pelkmans. London: I.B. Tauris, pp. 1–42.
- Pike K.L. (1967) *Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior*. Hague: Mouton & co.
- Pike K.L. (1990) On the Emic and Etics of Pike and Harris. In: *Emics and Etics: The Insider/Outsider Debate* / edited by T.N. Headland, K.L. Pike, and M. Harris. London: SAGE Publications Ltd., pp. 28–47.
- Porter T.M. (1986) *The rise of statistical thinking, 1820–1900*. Princeton: Princeton University Press.

- Porter T.M. (1996) *Trust in numbers: The pursuit of objectivity in science and public life*. Princeton: Princeton University Press.
- Sahlins M. (2017) In anthropology, it's emic all the way down, *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 7(2), pp. 157–163. <https://doi.org/10.14318/hau7.2.020>
- Social Theories of Risk and Uncertainty* / edited by J.O. Zinn. Oxford: Blackwell Pub, 2008.

Сведения об авторах:

ИСТОМИН Кирилл Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социальных исследований Севера, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kistomin@eu.spb.ru

ЛЯРСКАЯ Елена Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социальных исследований Севера, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: rica@eu.spb.ru

ВАСИЛЬЕВА Валерия Владиславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социальных исследований Севера, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vvasilyeva@eu.spb.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kirill V. Istomin, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: kistomin@eu.spb.ru

Elena V. Liarskaya, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: rica@eu.spb.ru

Valeria V. Vasilyeva, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: vvasilyeva@eu.spb.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 29 ноября 2024;
принята к публикации 30 января 2025.*

*The article was submitted 29.11.2024;
accepted for publication 30.01.2025.*

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧУКОТКИ: ЧЕЛОВЕК И ДИНАМИКА МАТЕРИАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ УДАЛЕННОСТИ

(отв. ред. специальной темы номера –
В.Н. Давыдов, А.А. Ярзуткина)

Научная статья
УДК 39
doi: 10.17223/2312461X/47/3

Введение: административные функции, снабжение, инфраструктурные изменения и креативность в селах Чукотки

Владимир Николаевич Давыдов^{1, 2}
Анастасия Алексеевна Ярзуткина³

¹ Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

^{2, 3} Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета
им. М.К. Аммосова, Анадырь, Россия

^{1, 2} davydov.kunstkamera@gmail.com

³ jarzut@yandex.ru

Аннотация. Авторы вводной статьи очерчивают круг вопросов, которые позволяют проследить качественную составляющую динамики материальности на Чукотском полуострове. Особенность населенных пунктов Чукотки – множественные дефициты снабжения и особая темпоральность привоза и циркуляции вещей, материалов, пищевых продуктов. В данном контексте фокус смещается непосредственно с инфраструктурных объектов и их динамики на роль человека в реализации государственных и собственных задач. Рассматривается, каким образом человек своими активными действиями креативно преобразует мир вещей, создает не только новые объекты архитектуры, но и новые предметы искусства, осуществляет снабжение и перераспределение, управляет различными процессами. Важнейшим динамическим аспектом является особая темпоральность (сочетание различных процессов во времени), рассматриваемая на макро- и микроуровне. С одной стороны, на нее оказывают влияние различные модели взаимодействия человека и материальных объектов, создаваемые и сопровождаемые административными решениями и с участием институтов государства. С другой стороны – это микропроцессы, происходящие непосредственно в селах и реализуемые при непосредственном участии самих акторов – местных жителей. Также авторы характеризуют набор связанных с деятельностью человека факторов, влияющих на динамику материальных объектов в удаленных селах Чукотки.

Ключевые слова: Чукотка, Арктика, коренные народы, лидерство, снабжение, инфраструктура, креативность, материальность, удаленность

Для цитирования: Давыдов В.Н., Ярзуткина А.А. Введение: административные функции, снабжение, инфраструктурные изменения и креативность в селах Чукотки // Сибирские исторические исследования. 2025. № 1. С. 49–61. doi: 10.17223/2312461X/47/3

Original article

doi: 10.17223/2312461X/47/3

Introduction: Administrative Functions, Supply, Infrastructure Changes and Creativity in the Settlements of Chukotka

Vladimir N. Davydov^{1, 2}, Anastasiia A. Yarzutkina³

¹ *Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography,
St. Petersburg, Russian Federation*

^{2, 3} *Chukotka Branch of the Northern Federal University, Anadyr, Russian Federation*
^{1, 2} davydov.kunstkamera@gmail.com

³ jarzut@yandex.ru

Abstract. In this introductory article, the authors outline a range of issues that allow us to trace the qualitative component of the dynamics of materiality on the Chukotka Peninsula. The peculiarity of Chukotka settlements is multiple supply deficits and a special temporality of the delivery and circulation of things, materials, and food products. In this context, the authors shift the focus directly from infrastructure objects and their dynamics to the role of human in the implementation of state and personal tasks. The authors consider how human, through his active actions, creatively transforms the world of things, creates not only new buildings, but also new art objects, carries out supply and redistribution, and manages various processes. The most important dynamic aspect is a special temporality (a combination of various processes in time), considered at the macro- and micro levels. On the one hand, it is influenced by various models of interaction between human and material objects, created and accompanied by administrative decisions and with the participation of state institutions. On the other hand, these are microprocesses occurring directly in the villages and created with the direct participation of the local people. In this article, the authors characterize a set of human-related factors that influence the dynamics of material objects in remote villages of Chukotka.

Keywords: Chukotka, Arctic, indigenous peoples, leadership, supply, infrastructure, creativity, materiality, remoteness

For citation: Davydov, V.N. & Yarzutkina, A.A. (2025) Introduction: Administrative Functions, Supply, Infrastructure Changes and Creativity in the Settlements of Chukotka. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 49–61 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/47/3

Чукотка – интенсивно изучаемый антропологами регион, представленный рядом различных по тематике и подходам исследований (Давыдов, Ярзуткина 2021). Многие ученые так или иначе затрагивали процесс модернизации на Чукотке, подчеркивая роль государства и создаваемой с его помощью инфраструктуры (Thompson 2005, 2009; Holzlehner 2015; Shcherbakov et al. 2022). В последние годы значительно вырос интерес к проблеме антропологических исследований взаимодействия человека и

инфраструктурных объектов (Schweitzer, Povoroznyuk, Schiesser 2017). Вместе с тем мы обнаружили совсем немного работ, где человек, влитый (постоянно или временно) в пространство Чукотки, рассматривается как активный индивидум, принимающий решения, созидатель, деятель безотносительно его национальности, культуры или привязке к какой-то группе. Склонность североведов к изучению «традиционного» и невнимательность к темам, выходящим за рамки представлений о населяющих Арктический регион людях, составляла определенную тенденцию и слабость нашей дисциплины (Функ 2014).

Данная подборка является логическим продолжением серии статей «Социально-антропологические исследования Чукотки», опубликованной в журнале «Сибирские исторические исследования» (2021. № 4) и рассматривающей ключевые процессы, которые в течение последних десятилетий меняли повседневность локальных сообществ Чукотки. В статьях были обозначены важнейшие проблемы, которые характеризуют испытывающие множественные дефициты удаленные от центров распределения ресурсов населенные пункты, расположенные на крайнем северо-востоке Евразии. Мы отталкивались от необходимости интеграции собранных российскими и зарубежными исследователями социально-антропологических и этнографических данных о Чукотке. Социально-экономические изменения последних лет, актуализация таких проблем, как энергетическая и продовольственная безопасность удаленных регионов, указывают на необходимость выработки новых подходов, позволяющих создать адекватную картину процессов социально-экономических изменений, происходящих в российской Арктике.

Вместе с тем возникает вопрос: какую роль в этих процессах играет деятельность человека? Для такого особого региона, как Чукотка, с ее разобщенными полуизолированными поселениями, трудностями снабжения и особыми условиями выживания, фигура человека, его включенность во все процессы и взаимосвязи, его конъюгация с пространством и объектами, его индивидуальность оказываются важными. Как отметили авторы монографии «Энергия Арктики: этнографическое измерение», необходимо рассматривать ресурсы и энергетические процессы «на уровне, соизмеримом с отдельным человеком. Именно в людях, населяющих Арктику, заключено огромное богатство России и мира» (Давыдов, Давыдова, Гончаров 2022: 7). Важнейшей методологической установкой статей данной тематической подборки является фокус на исследовании агентности человека. Авторы текстов предлагают посмотреть на человека Чукотки не с позиции его центральной или рядовой (с другими объектами) роли, не как носителя какой-то идентичности, а как действующую фигуру, участвующую в изменении материальности.

Многие современные социальные исследования настолько сильно критикуют «антропоцентризм», что зачастую окружающая среда, техника, инфраструктура и ресурсы выступают в качестве основных и автономно действующих движущих сил модернизационных процессов. Основная идея текстов данной подборки – по-новому взглянуть на роль человека, его опыт, креативность, управленческие решения и формируемые им социальные связи в освоении северных пространств. Фокус смещен на изучение проблемы взаимодействия человека и материальных объектов, человека и инфраструктуры в условиях удаленных населенных пунктов Арктики. Человек рассматривается как один из ключевых акторов освоения пространства, инфраструктурных изменений, создания и отладки моделей снабжения и управления. Подчеркнем, что мы не являемся приверженцами антропоцентрического подхода и признаем множество влияющих на динамику материальности факторов «нечеловеческой природы», но считаем, что не следует редуцировать роль агентности человека в освоении северных пространств.

Все авторы подборки имеют опыт полевых и архивных исследований на Чукотке, статьи подготовлены с применением качественной методологии. В своих текстах авторы отдельно не рассматривали динамические изменения в оленеводстве и морском зверобойном промысле, в текстах отражены процессы, которые происходят в населенных пунктах – местах интенсивного использования. Авторы старались отойти от дуалистического взгляда, демонстрирующего четкое разделение между приезжим и коренным населением, смещая исследовательский фокус на агентность, навыки и умения человека, действующего в контексте чукотского села. Несмотря на то, что главными героями в одной из статей являются коренные жители Чукотки, общий контекст работы включает людей, так или иначе вовлеченных в архитектурные обновления: политические акторы реновации, архитекторы, руководители мастерских, строители, приезжие инженеры. Все они вне зависимости от национальности и места проживания оказались на территории Чукотки и стали субъектами новой социальности, созданной модернизационными проектами (статьи Г.Н. Малышева и О.М. Шульгиной в настоящем номере).

Фокусом данной подборки выступают различные аспекты динамики материальности в селах Чукотки. В нее вошли тексты, отражающие происходящие на Чукотке процессы трансформации материальности и инфраструктуры, технологий строительства, создания предметов декоративно-прикладного искусства, а также роли лидерства и социальных связей в процессе приобретения и распределения ресурсов. Прежде всего, в статьях речь идёт о применяемых главами сельских поселений Чукотки ресурсах действия, которые могут быть мобилизованы, когда необходимо исполнить функции представителя государства (статья А.А. Ярзуткиной в наст. номере), об изменениях инфраструктуры национальных

поселений (статья Г.Н. Малышева в настоящем номере), о формировании особых моделей снабжения и распределения местных и привозных ресурсов (статья В.Н. Давыдова и О.М. Шульгиной в настоящем номере), а также о процессе выработки новых материальных форм в народном искусстве (статья О.М. Шульгиной в настоящем номере).

Управленческие функции в ситуации нестабильности и риска

Специфика лидерства на Чукотке, как в прошлом, так и в настоящем, состоит в ее пластичности: статус человека являлся и является его личным достижением, результатом его действий и решений и редко зависит от национальности, возраста или гендера (Давыдова 2015: 281). Главы тридцати пяти сельских поселений Чукотки – очень разные по своим стабильным характеристикам люди. При этом у каждого из них свои методы и практики удержания властного ресурса, и именно индивидуальность каждого главы села, его действия и решения во многом создают «атмосферу» жизни отдельного чукотского поселения.

В отличие от других жителей, главы чукотских сел находятся в состоянии двойной неопределенности. Они сами являются жителями сел и наравне с другими своими односельчанами ощущают на себе нестабильное снабжение продуктами и товарами, сложности транспортной схемы и связи, инфраструктурные ограничения (см. статью В.Н. Давыдова, О.М. Шульгиной в настоящем номере). Вместе с тем как представители государства на местах, главы сел почти ежедневно сталкиваются с неожиданными задачами «сверху» (от вышестоящих муниципальных и региональных органов власти), изменением законодательства и нормативной базы, проблемами местных жителей. То есть существование в условиях неопределенности и постоянный поиск баланса – суть работы на этой должности. Согласно утверждению Д.А. Функа, неопределенность с позиции антропологии должна рассматриваться как норма человеческой жизни (Функ 2024). Соответственно, взгляд на местного лидера не может не быть точечным. Активность главы села существует в конкретном контексте конкретного поселения, и его действия, на наш взгляд, необходимо рассматривать через концепт непредсказуемости, как формы его бытия.

Например, глава является распорядителем большинства объектов в селе. Практически все жилые и нежилые помещения, а также крупная техника – муниципальная собственность. Ответственность за эту собственность граничит с правом распоряжаться ею, что ставит главу поселения в положение эквилибриста, особенно на фоне периодически случающихся неожиданностей в виде пожаров, наводнений, аварий систем отопления и электроснабжения (Никитин 2019; Возбуждено уголовное дело 2021; Мусияка, Новокшенов 2021; Пик паводка 2022 и др.).

Некоторые действующие главы сел пережили волны реноваций сельской инфраструктуры. Они являлись фигурами, вовлеченными в процесс изменения облика поселения, и именно они выступали медиаторами между жителями, новыми домами и государством (см. статью Г.Н. Малышева в настоящем номере).

Существуя в условиях постоянной нестабильности и риска, главы сел и местные лидеры сами являются фигурами, нейтрализующими неопределенность. Глава – субъект, «точка» стабильности как для внутренних акторов (жителей, руководителей учреждений), так и для внешних (глава района, региональные органы власти). В любой непонятной либо нестандартной ситуации жители идут к главе села: неясен ли нормативный акт, отсутствует интернет, не работает магазин, потерялась ли собака, в село пришли медведи, сломался трактор. Обращение к главе села делает ситуацию более понятной и стабильной. Позволяет людям действовать дальше и понимать, что делать. Для вышестоящих органов или людей, временно приезжающих в село, глава является проводником – человеком, который делает мир села более понятным и безопасным.

Дефицит материальности и ресурс действия

Нехватка ресурсов наблюдается на Чукотке во всем и существовала всегда. Изобилие продуктов и товаров может периодически возникать в определенных населенных пунктах, но это временное явление, связанное с наличием навигационных поставок. Зачастую на полках магазинов можно наблюдать большое количество однотипных товаров – пищевые продукты завозят на Север с большим запасом, стараясь, тем не менее, сэкономить на доставке и качестве, что в конечном итоге сказывается на ассортименте. Нередкая картина в сельском магазине – большое количество одинаковых консервных банок или, например, медленно разбираемых бутылок с уксусом.

С одной стороны, Чукотка – это территория дефицита вещей, ресурсов, источников энергии и обладающих необходимым опытом кадров. С другой – в определенные временные отрезки в результате активной деятельности человека в определенных местах удаленного от центра Арктического региона создаются, поддерживаются и обновляются инфраструктурные объекты, осуществляется снабжение. Каким образом возможны активные действия человека в контексте удаленности? Какие ресурсы при этом задействуются? Как происходит обновление архитектурных форм и используемых местными жителями техник, технологий и материалов? Что является двигателем трансформационных процессов в условиях множественных дефицитов? Что первично – стратегические решения и деятельность человека или «аффордансы» (Gibson 1979; Ingold 2002), т.е. возможности для активной деятельности, которые предоставляет инфраструктура? Как осуществляется администрирование,

управление, строительство, снабжение в условиях дефицита, какие механизмы при этом используются? На каких принципах основана динамика материальных объектов? Ряд этих вопросов так или иначе артикулировались исследователями Чукотки, но редко рассматривались как объект отдельного анализа в контексте изучения активной роли обитающего в данном регионе человека в процессах изменения материальности.

Важным вопросом является осмысление роли человека и материальных объектов в формировании потенциала действия в условиях удаленности. Что формирует вещь или ресурс в условиях удаленности, какую роль в данном процессе играют социальные отношения, люди, лидеры? Как пишется история на Чукотке? Какова роль человека в истории этого региона? На Чукотке и в целом в Арктике человек обладает особой ценностью, ведь именно он своими активными действиями создает историю страны. Основной аргумент данной подборки – важнейшей движущей силой материальных изменений является сам человек, лидер, способный к реализации конкретных инициатив и поддержанию социальных отношений. В условиях дефицита подобная деятельность превращается в своего рода искусство. В реализации стратегических задач в селах Чукотки большую роль играет «социальный капитал», социальные связи, позволяющие лидеру находить оптимальную форму объединения усилий для решения конкретных практических задач.

В условиях дефицита материальности важнейшую роль в приобретении и перераспределении ресурсов играет человек, его связи и его навыки. Да и сам он является важнейшим ресурсом. Именно умение действовать в условиях множественных дефицитов позволяет выполнять задачи в подобных условиях, человек становится важнейшим актором, способным перераспределять имеющиеся ресурсы. Важным здесь является также «искусство быстрого действия» – умение оперативно действовать и принимать стратегические решения, а также умело чередовать напряжение и расслабление (Головнёв 2015), будь то работа со стадом оленей в тундре или организация переброски необходимого груза.

Различные ресурсы вместе с аккумулируемыми конкретным человеком социальными капиталами в совокупности составляют ресурс действия. Действие в условиях удаленности – это результат их сочетания. Аккумуляция и распределение ресурсов во многом связаны с действиями конкретного лидера. Осуществление властных полномочий в удаленных населенных пунктах Чукотки требует не только актуализации локальных ресурсов, но и привлечения их со стороны.

Этнография инфраструктуры и динамика материальности

Этнография инфраструктуры часто позиционирует человеческую активность как следствие инфраструктурных возможностей. Несомненно, появление новых материальных объектов может повышать потенциал

действия. В то же время крайне важны изобретаемые и реализуемые человеком стратегии их распределения и хранения. Освоенная человеком стратегия временной концентрации нужного количества ресурсов в определенных местах позволяет поддерживать равновесие, необходимое для реализации повседневных практик.

Появление на Севере инфраструктурных объектов неразрывно связано с деятельностью человека, его интенциями, стратегическими решениями, активными действиями. В то же время этнографические примеры с Чукотки демонстрируют, что человек всегда умел адаптировать части ландшафта и использовать их в качестве инфраструктурных объектов, применял имеющиеся поблизости природные материалы. В этом смысле граница между природным и антропогенным ландшафтом является размытой.

Инфраструктура не остается неизменной, ее «социальная жизнь» (Appadurai 1986) во многом связана с активными действиями человека. Человек своими действиями постоянно адаптирует ее для своих нужд. Без человека инфраструктура разрушается. Но и разрушения часто происходят не без участия человека. Например, заброшенный поселок Иультин превратился в источник строительных материалов для жителей Амгуэмы и других сел. Действия человека во многом определяют доступностью строительных материалов. Данная проблема по-разному решалась в разные исторические периоды. На Чукотке мы можем видеть археологические пласты построек, которые тем не менее полностью не вытеснили мобильные постройки – яранги. В советский период в ландшафте чукотских сел стали появляться теплицы. Многие постройки были результатом инициированных государством проектов строительства. Именно так в обиход вошли панельные 2–4-этажные дома в с. Амгуэма. На Чукотке архитектура была частью политики, а сами постройки отражали диалог с традициями в раннесоветский период и предполагали унификацию в более поздний, когда стали распространяться однотипные постройки из новых привозных материалов, выполненные по единому проекту (статья Г.Н. Малышева в настоящем номере).

Материальность принципиально нестатична, на ее динамику оказывает влияние множество факторов окружающей среды, географического положения, она также связана с наличием/отсутствием техники и инфраструктуры. В данном контексте важнейшей характеристикой антропогенного ландшафта Чукотки выступает динамика материальности, в рамках которой новые постройки и инфраструктура включались в повседневность местных жителей, предоставляя возможности новых видов деятельности. Архитектура позволяла поддерживать определенную динамику отношений, концентрируя людей и вещи в определенных местах.

Во многом новые села были способны поддерживать относительную автономность в определённые промежутки времени, но в то же время они сильно зависели от внешнего снабжения (Давыдов, Давыдова 2021).

Парадоксы темпоральности

Темпоральность имеет материальное измерение (Ingold 1993). Окружающие человека объекты меняются с разной скоростью, обновление и циркуляция материальных объектов происходят с разной частотой и с разной степенью интенсивности. Инфраструктурные проекты, реализуемые на Чукотке, довольно сильно меняли облик национальных сел, иногда за сравнительно короткий срок полностью модернизируя постройки. Материальные объекты зачастую довольно быстро заполняли пространство национальных сел, позволяя возвести серии новых объектов строительства. Управленческое решение, таким образом, вело к существенным изменениям материальности населённых пунктов Чукотки, выводя на авансцену новые виды привезённых материалов – дерево, металлические каркасы коттеджной застройки и т.д.

Различные действия и проекты на Чукотке могут реализовываться в рамках различных темпоральностей (Ссорин-Чайков 2011; Ssorin-Chaikov 2017), которые представляют собой различные режимы отношений с материальными объектами. Пространство, а именно фактор удалённости, выступает как то, что прибытие людей и вещей в конкретные точки может происходить со значительным запаздыванием. Отсюда и появляются подобные парадоксальные понятия как, например, «свежая» просрочка в местных магазинах.

Практики обмена до сегодняшнего дня позволяют жителям получить доступ к различным ресурсам. Не все продается, не все обменивается на деньги. Иногда товар не продается, несмотря на то что в местном магазине он может быть в наличии. Чтобы проанализировать подобную ситуацию, В.Н. Давыдов и О.М. Шульгина сместили исследовательский фокус с факта продаж на их отсутствие или искусственное сокращение (статья В.Н. Давыдова и О.М. Шульгиной в настоящем номере). Следует обратить внимание, что в условиях Чукотки – это не просто инверсия взгляда на отношения покупателя и продавца. Временное отсутствие продаж – это стратегия продления ценного и непродолжительного «изобилия». Она позволяет несколько усилить образ достатка, наличия дефицитных товаров, создает особую темпоральность циркуляции материальных объектов в чукотских селах. Это особая стратегия игры, особый театр отношений, придающий колорит практикам распределения товаров, где товар превращается в еще больший объект желания, а его потребление предстает как особая ценность и получает эмоциональную окраску, создавая отличие от мест с хорошо налаженным снабжением и

является противоположностью «пресыщения» товарами. Иными словами, дефицитные продукты не просто наделяются особым статусом, но приобретают особый вкус, который не будет чувствоваться на «материке».

Новые формы и унификация трендов в народном искусстве

Важнейшей ареной трансформации материальности является народное искусство, а также наблюдаемые в нем тенденции. Совершенное владение технологиями позволяет варьировать, создавать новые формы во всех смыслах – новые изделия, новые дома, новые вещи. Важную роль в организации различных видов деятельности играет роль предшественников. На примере становления чукотско-эскимосского искусства О.М. Шульгина рассматривает, каким образом использование и внедрение новых методов работы с материалом позволило выработать новые материальные формы, превратившиеся в визитную карточку Чукотки – художественные изделия из клыка моржа. В данном контексте важнейшую роль играет художественный руководитель мастерской, его навыки, его умение обучить местных жителей новым технологиям и канонам искусства (статья О.М. Шульгиной в настоящем номере). Важнейшей задачей приезжих художественных руководителей было не нарушить самобытность, создать условия для реализации талантов местных мастеров, для чего был необходим творческий и опирающийся на опыт поиск новых форм и «тонкая настройка» (Bereznitsky 2022) коллектива на выполнение определенных трудовых операций. В данном контексте была важна роль лидера – художественного руководителя Уэленской косторезной мастерской, который, как дирижер в оркестре, смог создать многоголосье сюжетов, воплощенных в выполненных в схожем стиле изделиях из моржового клыка.

* * *

Статьи данной подборки по-разному раскрывают динамику материальности в селах Чукотки. Все они в той или иной мере показывают, что изменения материальности и их темпоральность во многом связаны с деятельностью человека, активно применяющего как стратегические решения, так и навыки в работе непосредственно с материальными объектами. Умение аккумулировать и распределять ресурсы – важнейший навык существования в арктических широтах. Правильное распределение ресурсов позволяет избежать дефицитов в определенных местах и обеспечить возможность активных действий человека. Именно человек активно задействует свой социальный капитал и навыки в решении прак-

тических задач, что включает в себе важнейший ресурс в условиях удаленности и неопределенности, позволяет создавать условия для относительно автономных действий, необходимых для поддержания энергетической и продовольственной безопасности. Многие высказанные авторами подборки идеи могут быть применены к исследованию других регионов и других контекстов.

Список источников

- Возбуждено уголовное дело о халатности по факту пожара, произошедшего в селе Инчоун Чукотского района, в результате которого погибли шесть человек // Анадырь Онлайн. 10.11.2021. URL: <https://anadyr.org/pub/vozbuzzhdeno-ugolovnoe-delo-o-halatnosti-po-faktu-pozhara-proizoshedshego-v-sele-inchoun-chukotskogo-rayona-v-rezultate-kotorogo-pogibli-shest-chelovek> (дата обращения: 03.01.2025).
- Головнёв А.В. Чукотский дневник: размышления о движении // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 6–16.
- Давыдов В.Н., Давыдова Е.А. Проекты развития инфраструктуры на Чукотке: использование ресурсов жителями национальных сел // Этнография. 2021. № 1 (11). С. 25–49.
- Давыдов В.Н., Давыдова Е.А., Гончаров Н.С. Энергия Арктики: этнографическое измерение. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2022.
- Давыдов В.Н., Ярзуткина А.А. Введение: многолика Чукотка // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 12–20.
- Давыдова Е.А. Властные отношения в семейно-родственных коллективах оленных чукчей: по материалам XIX – первой половины XX в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.
- Мусияк С., Новожионов А. Как спасали Нунлигран // Крайний Север. Общественно-политическая газета. 26.02.2021. URL: <https://www.ks87.ru/163/12423> (дата обращения: 03.01.2025).
- Никитин С. Внимание на Ваеги // Крайний Север. Общественно-политическая газета. 25.10.2019. URL: <https://www.ks87.ru/vlast/173/10587> (дата обращения: 05.01.2025).
- Пик паводка на реках Анадырского и Билибинского районов пройден // МК RU. 30.05.2022. URL: <https://www.mk-chukotka.ru/social/2022/05/30/pik-pavodka-na-rekakh-anadyrskogo-i-bilibinskogo-rayonov-proyden.html> (дата обращения: 05.01.2025).
- Ссорин-Чайков Н.В. Множественная темпоральность: Перевод, обмен и антропология времени // В.С. Вахштайн, М.Г. Пугачева (ред.). Пути России: Будущее как культура. Прогнозы, репрезентации, сценарии. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 7–30.
- Функ Д.А. Антропология в условиях неопределенности. Размышления о динамике и статике научного творчества // Сибирские исторические исследования. 2024. № 1. С. 106–111.
- Функ Д.А. Введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 8–14.
- Appadurai A. (ed.) The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Bereznitsky S.V. Fine-tuning own World // Journal of Siberian Federal University, Humanities, Social Sciences. 2022. Vol. 15, № 2. P. 220–233.
- Gibson J.J. The Ecological Approach to Visual Perception. Boston: Houghton Mifflin, 1979.
- Holzlehner T. The Curse of Social Engineering: Settlement Structures, Urbanization and Native Economies in Chukotka // Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges / ed. by R.W. Orttung, M. Laruelle. Washington: The George Washington University, 2015. P. 497–500.
- Ingold T. The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. London, 2002.
- Ingold T. The Temporality of the Landscape // World Archaeology. 1993. Vol. 25, № 2. P. 152–174.

- Schweitzer P., Povoroznyuk O., Schiesser S. Beyond Wilderness: Towards an Anthropology of Infrastructure and the Built Environment in the Russian North // *The Polar Journal*. 2017. Vol. 7, № 1. P. 58–85.
- Shcherbakov D.S., Tikhonov A.A., Prokhorov V.T., & Volkova G.Y. (2022). On the Importance of Investment and Infrastructure Projects for the Socio-Economic Development of the Chukotka Autonomous Okrug // *ISJ Theoretical & Applied Science*. 2022. Vol. 114, № 10. P. 467–492.
- Ssorin-Chaikov N.V. Two Lenins, and the Gifts of Modernity: A Brief Anthropology of Time: HAU Malinowski Monograph Series. University of Chicago Press, 2017.
- Thompson N.S. Settlers on the Edge: Identity and Modernization on Russia's Arctic Frontier. Vancouver: UBC Press, 2009.
- Thompson N.S. The Nativeness of Settlers: Constructions of Belonging in Soviet and Contemporary Chukotka: Doctoral thesis. Cambridge: University of Cambridge, 2005.

References

- Appadurai A. (ed.) (1986) *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bereznitsky S.V. (2022) Fine-tuning own World. *Journal of Siberian Federal University, Humanities, Social Sciences*. Vol. 15. No. 2, pp. 220–233.
- Davydov V.N., Davydova E.A. (2021) Proekty razvitiia infrastruktury na Chukotke: ispol'zovanie resursov zhiteliami natsional'nykh sel [Infrastructure development projects in Chukotka: use of resources by residents of national villages]. *Etnografiia* [Ethnography]. Vol. 11, no. 1, pp. 25–49.
- Davydov V.N., Davydova E.A., Goncharov N.S. (2022) *Energiia Arktiki: etnograficheskoe izmerenie* [Energy of the Arctic: An Ethnographic Dimension]. St. Petersburg: MAE RAN.
- Davydov V.N., Yarzutkina A.A. (2021) Vvedenie: mnogolikaia Chukotka [Introduction: Many-faced Chukotka]. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4, pp. 12–20.
- Davydova E.A. (2015) Vlastnye otnosheniia v semeino-rodstvennykh kollektivakh olennykh chukchei: po materialam XIX – pervoi poloviny XX v.: diss. ... kand. ist. nauk [Power Relations in Family-Related Communities of the Reindeer Chukchi: Based on Materials from the 19th – first Half of the 20th Century: Thesis for the Candidate of Historical Sciences:]. St. Petersburg.
- Funk D.A. (2014) Vvedenie k spetsial'noi teme nomera [Introduction to the Special Issue]. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*, 2, pp. 8–14.
- Funk D.A. (2024) Antropologiiia v usloviakh neopredelennosti. Razmyshleniia o dinamike i statike nauchnogo tvorchestva [Anthropology in the Conditions of Uncertainty: Reflections on the Dynamics and Statics of Scientific Creativity]. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*, 1, pp. 106–111.
- Gibson J.J. (1979) *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston: Houghton Mifflin.
- Golovnev A.V. (2015) Chukotskii dnevnik: razmyshleniia o dvizhenii [Chukchi Diary: Reflections on Movement]. *Ural'skij istoriceskij vestnik*, Vol. 47. No. 2, pp. 6–16.
- Holzlehner T. (2015) The Curse of Social Engineering: Settlement Structures, Urbanization and Native Economies in Chukotka. *Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges*. Edited by R. W. Ortung and M. Laruelle. Washington: The George Washington University, pp. 497–500.
- Ingold T. (1993) The Temporality of the Landscape. *World Archaeology*. Vol. 25, No. 2, pp. 152–174.
- Ingold T. (2002) *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London: Routledge.
- Musiika S., Novokshonov A. (2021) Kak spasali Nunligran [How Nunligran was saved], *Krainii Sever. Obshchestvenno-politicheskaia gazeta*. 26.02.2021. Available at: <https://www.ks87.ru/163/12423> (Accessed 03 January 2025).
- Nikitin S. (2019) Vnimanie na Vaegi [Focus on Vaegi], *Krainii Sever. Obshchestvenno-politicheskaia gazeta*. 25.10.2019. Available at: <https://www.ks87.ru/vlast/173/10587> (Accessed 05 January 2025).

- Pik pavodka na rekakh Anadyr'skogo i Bilibinskogo rayonov proiden [The peak of the flood on the rivers of Anadyr and Bilibinsky districts has passed], *MK RU*. 30.05.2022 Available at: <https://www.mk-chukotka.ru/social/2022/05/30/pik-pavodka-na-rekakh-anadyr'skogo-i-bilibinskogo-rayonov-proyden.html> (Accessed 05 January 2025).
- Schweitzer P., Povoroznyuk O., Schiesser S. (2017) Beyond Wilderness: Towards an Anthropology of Infrastructure and the Built Environment in the Russian North. *The Polar Journal*. Vol. 7. No. 1, pp. 58–85.
- Shcherbakov D.S., Tikhonov A.A., Prokhorov V.T., & Volkova G.Y. (2022) On the Importance of Investment and Infrastructure Projects for the Socio-Economic Development of the Chukotka Autonomous Okrug. *ISJ Theoretical & Applied Science*. Vol. 114, no. 10, pp. 467–492.
- Ssorin-Chaikov N.V. (2011) *Mnozhestvennaia temporal'nost': Perevod, obmen i antropologiya vremeni* [Multiple Temporalities: Translation, Exchange and the Anthropology of Time]. In: *Puti Rossii: Budushchee kak kul'tura. Prognozy, reprezentatsii, stsennarii* [Paths of Russia: Future as Culture. Forecasts, Representations, Scenarios]. V.S. Vakhshstein, M.G. Pugacheva (eds.). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, pp. 7–30.
- Ssorin-Chaikov N.V. (2017) *Two Lenins, and the Gifts of Modernity: A Brief Anthropology of Time*. HAU Malinowski Monograph Series. University of Chicago Press.
- Thompson N.S. (2005) *The Nateness of Settlers: Constructions of Belonging in Soviet and Contemporary Chukotka*. Doctoral thesis. Cambridge: University of Cambridge.
- Thompson N.S. (2009) *Settlers on the Edge: Identity and Modernization on Russia's Arctic Frontier*. Vancouver: UBC Press.
- Vozbuzhdeno ugovnoe delo o khalatnosti po faktu pozhara, proizoshedshego v sele Inchoun Chukotskogo raiona, v rezul'tate kotorogo pogibli shest' chelovek [A criminal case of negligence has been opened in connection with a fire that occurred in the village of Inchoun in the Chukotka region, resulting in the deaths of six people], *Anadyr Onlne*. 10.11.2021. Available at: <https://anadyr.org/pub/vozbuzhdeno-ugolovnoe-delo-o-halatnosti-po-faktu-pozhara-proizoshedshego-v-sele-inchoun-chukotskogo-rayona-v-rezultate-kotorogo-pogibli-shest-chelovek> (Accessed 03 January 2025).

Сведения об авторах:

ДАВЫДОВ Владимир Николаевич – кандидат социологических наук, заместитель директора по научной работе, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия); научный сотрудник, Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Анадырь, Россия). E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

ЯРЗУТКИНА Анастасия Алексеевна – кандидат исторических наук, начальник научно-образовательного центра, Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Анадырь, Россия). E-mail: jarzut@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Vladimir N. Davydov, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Saint Petersburg, Russian Federation), Chukotka branch of North-Eastern Federal University (Anadyr, Russian Federation). E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

Anastasiia A. Yarzutkina, Chukotka branch of North-Eastern Federal University (Anadyr, Russian Federation). E-mail: jarzut@yandex.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 15 февраля 2025;
принята к публикации 1 марта 2025.*

*The article was submitted 15.02.2025;
accepted for publication 01.03.2025.*

Научная статья
УДК 321.6/8: 352+316.46
doi: 10.17223/2312461X/47/4

Глава арктического села: социальный капитал и осуществление властных полномочий

Анастасия Алексеевна Ярзуткина

*Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета
им. М.К. Аммосова, Анадырь, Россия, jarzut@yandex.ru*

Аннотация. С опорой на теорию капиталов П. Бурдьё проанализированы детерминанты власти и статуса одного из глав сельских поселений Чукотки. Осуществление властных полномочий на отдаленных территориях Арктики требует привлечения различных ресурсов, в том числе имеющих ценность именно для данной местности. На основе материалов, полученных с помощью качественных методов – наблюдений, бесед и глубинных интервью – описаны отдельные аспекты жизни и работы главы одного чукотского поселения, а также «капиталы», которые имеет и использует местный представитель муниципальной власти для укрепления своих властных полномочий и решения проблем, характерных для отдаленных территорий Арктики. Также перечислены инструменты, с помощью которых данный глава села формирует свой социальный капитал.

Результаты исследования показали, что различные формы капитала, которыми обладает глава села, представляют собой ресурсы действия, которые могут быть мобилизованы, когда необходимо исполнить функции представителя государства. При этом само наличие этих функций у главы поселения тоже является капиталом, но используется им для удержания позиций или же в личных целях.

Ключевые слова: низовая бюрократия, муниципальная власть, социальный капитал, Бурдьё, национальное село, Чукотка

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00556), проект «Лидерство в удаленных арктических поселениях: антропологическое и социолингвистическое исследование властных отношений», <https://rscf.ru/project/24-28-00556/>

Для цитирования: Ярзуткина А.А. Глава арктического села: социальный капитал и осуществление властных полномочий // Сибирские исторические исследования. 2025. № 1. С. 62–79. doi: 10.17223/2312461X/47/4

Original article

doi: 10.17223/2312461X/47/4

The Arctic Village Head: Social Capital and Exercise of Power

Anastasiia A. Yarzutkina

*Chukotka Branch of the Northern Federal University,
Anadyr, Russian Federation, jarzut@yandex.ru*

Abstract. This article analyzes the determinants of power and status of one of the heads of rural communities of Chukotka based on P. Bourdieu's theory of capital. For exercising power in remote Arctic areas, it is of vital importance to attract recourses, including those valuable for specific region. Based on the records obtained through such qualitative methods as observations, conversations, and in-depth interviews, the article describes certain aspects of life and work of the head of one Chukotka settlement, as well as the "capitals" possessed and used by this local representative of the municipal authority to solidify his power and tackle typical problems of remote Arctic territories. The article also lists the tools used by this particular village head to utilize his social capital.

The survey indicated that the various forms of capital possessed by the village head are by nature of action resources to be mobilized when the functions of the state representative must be performed. At the same time, the very fact that the village head holds these functions can also be considered a form of capital, which is, however, used to hold his positions or for personal advantage.

Keywords: local bureaucracy, municipal authority, social capital, Bourdieu, national village, Chukotka

Acknowledgements: This study is a part of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 24-28-00556), project Leadership in Remote Arctic Settlements: The Anthropological and Sociolinguistic study of Relations of Power. <https://rscf.ru/project/24-28-00556/>

For citation: Yarzutkina, A.A. (2025) The Arctic Village Head: Social Capital and Exercise of Power. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 62–79 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/47/4

Вступление

Функционирование государственных институций в арктических селах, как и во многих других фронтальных поселениях России, имеет свои особенности. На отдаленном Севере «избегание государства интересным образом сочетается с тяготением к нему, а опасность знаков принадлежности к государству – с их престижем» (Ссорин-Чайков 2012: 158). В различных ситуациях жители одновременно осознают свою удаленность и оторванность от центра и при этом ощущают опеку государства и зависимость от него. Подобное неоднозначное восприятие госу-

дарственной власти в арктических селах распространяется и на ее представителей – низовых бюрократов¹, непосредственно контактирующих с жителями поселений.

Центральной фигурой данной статьи является глава одного сельского поселения Чукотки и реализуемые им властные полномочия. Чукотский автономный округ является самым северо-восточным и наиболее отдаленным от столицы регионом с самой низкой для России плотностью населения. Село, о котором идет речь, расположено на побережье Берингова моря и по численности является средним относительно других национальных сел: в нем проживает около 200 человек. Как и во многих других чукотских селах, жизнь местного сообщества здесь зависит от ежегодного северного завоза продуктов, товаров и топлива, а также от стабильности бюджетных дотаций и субсидий.

Глава чукотского села – это человек, занимающий муниципальную должность и несущий ответственность перед вышестоящими органами власти. При отсутствии экономических ресурсов и реальных административных рычагов воздействия на отдельных жителей и сообщество в целом он должен исполнять властные функции и поддерживать порядок в своем поселении. При этом глава села – местный житель полуизолированного поселения, где присутствие государства регулируется сообществом в зависимости от ситуации и обстоятельств, и, соответственно, статус главы поселения – это нередко результат его собственных усилий и ресурсов.

На основе наблюдений, бесед и интервью здесь представлены отдельные аспекты жизни и работы главы сельского поселения и я постараюсь ответить на вопрос: что необходимо иметь главе села, чтобы быть «главным» и исполнять свои властные полномочия?

Для описания и анализа деятельности и фигуры главы села будет использовано понятие «капитал», предложенное и теоретически осмысленное П. Бурдьё. Согласно его теории, общество разделено и ни один человек в нем не может избежать логики различия (Бурдьё 1994). Индивиды используют различные формы капитала (экономический, культурный, социальный, символический) в многомерном социальном пространстве, чтобы занимать определенное социальное положение (Бурдьё 1994: 188; Шматко 2000: 393). Капитал – это набор фактически используемых ресурсов и сил, позволяющих индивиду иметь влияние, свободу действий или власть (Бурдьё 2002).

Глава поселения – особая фигура в сельском сообществе, и его положение относительно остальных жителей возможно охарактеризовать именно через наличие у него определенных ресурсов, связей, харизмы, физической силы, знаний, умений и т.д., объединенных бурдьевским понятием «капиталы». Применение именно этого термина обусловлено его особой коннотацией. «Капитал» представляется чем-то весомым, но

вместе с тем динамичным, развивающимся, текучим, меняющим формы (Радаев 2002: 21). Ресурсы и силы, которые необходимы главе села для успешной работы и поддержания статуса, могут быть неочевидны. Более того, для разных глав поселений это может быть разный набор и содержание ресурсов. Согласно мысли П. Бурдьё, не всякий ресурс является капиталом, т.е. не всегда обладает действующим свойством, придающим его обладателю силу и власть (Шматко 2001: 40). В каждом отдельном селе капиталом становится лишь тот ресурс, который «может приносить “прибыль”» (Там же) именно в этом месте и именно для этого главы поселения.

На одном конкретном примере посредством «насыщенного» описания я представлю эти капиталы, а также рассмотрю вопрос о том, как они используются и почему работает именно такой комплект капиталов.

Методы и исследовательское поле

Село Иничгыт² является национальным: в нем проживают в основном чукчи, 4% жителей – не из числа коренных народов. В селе сохраняются традиционные виды деятельности коренных малочисленных народов Севера: морской зверобойный промысел, оленеводство и рыболовство. В селе действует территориально-соседская община морских охотников и муниципальное сельхозпредприятие.

В начале 2000-х гг. село претерпело реновацию: старый жилищный фонд был частично снесен, и на его месте построены коттеджи. Также были возведены новая школа совместно с детским садом, фельдшерский пункт и здание администрации. В коттеджах предусмотрено два типа отопления: электрическое и печное, в старых домах – только печное, и их жители зависят от поставок в село угля. Централизованное водоснабжение, как и канализация, в селе отсутствует.

Круглый год между селом и районным центром осуществляется авиасообщение на вертолете с периодичностью один раз в две недели. Это единственный официальный вид транспортного сообщения, но он зависим от погодных условий. С наступлением зимнего периода и открытием ледовой переправы до районного центра можно добраться по зимникам на снегоходах, зимних вездеходах и *трэколах*. По зимнику из районного центра завозятся продукты, однако основной завоз товаров и топлива осуществляется в период навигации. В летнее время по открытой воде в поселок и соседние села можно добраться на лодках. Жители, имеющие лодки, 1–2 раза в неделю плавают в районный центр за продуктами. Оленеводы ездят из тундры в село на вездеходе, обычно для закупки продовольствия в магазине и продажи мяса. По словам В. Васильевой, локальная мобильность жителей арктического поселка

конституирует их образ жизни (Васильева 2021: 179). Наличие разносезонного транспорта является в селе одним из важнейших показателей благополучия.

Село Иничгыт входит в состав муниципального района, соответственно, основная часть «местного самоуправления» и депутатский корпус сосредоточены в районном центре. В селе числятся только два сотрудника администрации, назначаемые главой района: уполномоченный главы поселения и делопроизводитель. За ними сохраняются функции, которые были в период существования отдельного муниципального образования. Они нормативно заданы и закреплены федеральными законами. Однако в реальности «стили местного управления отнюдь не всегда совпадают с законом» и чаще подчиняются «закону жизни», задаваемому и конкретными местными условиями, и региональными особенностями (Плюснин 2022: 106). В чукотских селах сфера деятельности главы села выходит далеко за рамки предусмотренной законом. Полномочия главы расширяются как извне (чиновники из района и округа воспринимают главу села как «хозяина», которые отвечает за все), так и изнутри (жители села уверены, что именно глава села как представитель государства обязан решить все вопросы). Для этого требуются ресурсы, не предусмотренные бюджетом. Соответственно, задачей главы села становится привлечение различного рода ресурсов, работающих на него или за него.

Антропологические исследования политики на стадии сбора информации часто затруднительны по причине табуированности повседневности в политическом дискурсе. Представители властных структур, особенно высокопоставленные, стремятся сохранять контроль над информацией о себе и ее интерпретацией и не раскрывают стороннему наблюдателю механизмы власти и ее воспроизводства (Щепанская 2006: 12; Pinçon, Pinçon-Charlot 1991). На фоне остальных жителей глава села формально выступает как «политическая элита» – самый весомый представитель государственной власти на этой отдельно взятой территории. И хотя функционально и структурно глава села выступает «низовым бюрократом», внутри села он осуществляет государственное управление и является главной политической фигурой. Соответственно, в ходе сбора информации возникали определенные трудности.

Село Иничгыт – одно из девяти изученных мной с 2019 по 2024 г. сел Чукотки, в каждом из которых я проводила полевую работу в среднем в течение месяца. Наблюдения, сделанные в разных селах, являются базой для понимания тех вопросов, которые я обозначила в данной статье. В ходе наблюдений изучались как контекст, т.е. жизнь жителей села, так и непосредственная деятельность главы в рабочее и нерабочее время. Прямой контакт с главами не был равнозначным: некоторые из них терпимо относились к моему присутствию в администрации и при решении

рабочих вопросов, другие старались избегать общения либо назначали для встреч конкретное время.

С главой села Иничгыт я проводила по несколько часов рабочего времени, наблюдая за ее деятельностью и беседуя с ней. Однако у меня не было возможности общаться с ней в нерабочее время. Мне удалось провести с главой села глубинное интервью и записать ее биографию, но в беседах она обычно избегала разговоров о своей непосредственной административной работе и обороте документов, хотя охотно делилась информацией о личной жизни и некоторых происшествиях, требующих ее вмешательства как главы поселения. Кроме проведения бесед мною были опрошены жители села, а также родственники главы, руководители и сотрудники местных учреждений.

Семья главы села как капитал

Глава села³ Иничгыт – привлекательная незамужняя женщина Светлана возрастом чуть больше тридцати лет. На должность уполномоченной главы администрации села ее назначили два года назад, и до нее это место было около полугода вакантным. *«Работал просто делопроизводитель. На главу никто не хотел идти. Ну, может, кто-то и хотел, только район не устраивал. Я к отцу приехала. Он болел... Какая еще тут работа? Посмотрела. Решила попробовать. Подала документы. И мне почти сразу позвонили и сказали: “Приступай”»*⁴. Так как Светлану пригласил и принял на эту работу глава района, то изначально контакт с вышестоящими органами власти был позитивным. Вместе с тем я наблюдала определенную дистанцию между главой села и главой района: ожидалось, что Светлана будет находить решение ряда сельских проблем самостоятельно, не привлекая ресурсы вышестоящих органов муниципальной власти.

По словам главы района, Светлана подходила для этой должности по нескольким параметрам: у нее есть высшее образование, она родилась в селе и многих знает, молодая. Важным стал тот факт, что *«она из семьи К...ых»*⁵. Мои дальнейшие наблюдения показали, что семья Светланы и ее принадлежность к этой семье оказались ее главным капиталом и этот капитал работал как на внутренние (внутрисельские), так и на внешние взаимодействия.

Отец Светланы был русским, он приехал в село в молодости, женился на чукчанке и за годы своей жизни прослыл человеком работящим и безотказным. Мать Светланы, хотя и не имела в роду богатых оленеводов или многочисленных родственников (у нее были только мать – работница совхоза, и один брат), однако в конце 90-х гг. XX в. была выбрана главой села и несколько раз переизбиралась, проведя на этой должности больше пятнадцати лет. Родители Светланы к моменту начала ее новой

работы главой села умерли, однако местные жители помнили их, и назначение Светланы не вызвало протеста или неприятия. *«У нее мать главой была. Самые тяжелые годы застала... Свету назначили, ну, нормально. Она хоть долго здесь не жила... Но родилась тут... и родители...»*⁶. Во время моего пребывания в селе некоторые местные жители высказывали недовольство в отношении работы Светланы на посту главы, но при этом никто не сомневался в легитимности занимаемой ею должности.

У Светланы три старших брата: Олег проживает в районном центре, Алексей – в авиагородке рядом со столицей Чукотского АО, третий брат Иван – вместе с ней в селе Иничгыт. Такая удалённость близких родственников друг от друга в действительности является полезным капиталом, так как позволяет иметь устойчивые социальные связи в условиях сложной транспортной схемы и проблемного снабжения Чукотки.

Например, в ситуации, когда в местном магазине пропала интернет-связь, главой села была разработана схема оперативной доставки необходимых для починки деталей, в которой были задействованы ее братья. Алексей, житель авиагородка, расположенного рядом с главным аэропортом Чукотки, получил груз из Москвы и затем передал его для перевозки в районный центр. Далее этот груз встречал на рейсовом самолете в аэропорту районного центра второй брат – Олег. После получения третий брат, Иван, на лодке должен был из села приехать в районный центр, забрать у Олега детали и доставить их в село.

Именно благодаря такой схеме поломка была устранена в максимально короткий срок и жители наконец получили возможность оплачивать товары через терминал. Так как в селах нет банков и банкоматов, наличные деньги люди получают посредством обмена внутри села. Однако возникают ситуации, когда наличных денег нет, а оплата товаров в магазине через терминал недоступна. Эта проблема, не имеющая прямого отношения к работе муниципальной власти (местный магазин принадлежит коммерческой компании), потребовала решения именно от главы села. Люди ежедневно приходили к Светлане в администрацию с просьбой разобраться с проблемой. Для поддержания статуса главы поселения как внутри, так и вовне (проблема не вышла за пределы села и не потребовала вмешательства главы района) Светлана использовала свои родственные связи и ресурсы своих братьев.

Светлана на момент моего пребывания в селе была не замужем и жила в доме своего брата Ивана вместе с его женой и двумя детьми. По сравнению с остальными жителями села ее семья считалась весьма зажиточной, так как имела транспортные средства, необходимые для круглогодичного передвижения: два летних вездехода, большую лодку, мотоцикл, квадроцикл, снегоход и зимний вездеход. Такой набор в условиях Чукотки

и в рассматриваемом селе позволяет быть транспортно независимым от авиарейсов и ограниченного снабжения товарами и продуктами.

Для районных властей брат Светланы, как близкий к единственному государственному служащему в селе человек, всегда оказывался первым в списке в качестве водителя транспорта, притом что он не единственный в селе ответственный владелец техники. В частности, именно Иван на своем вездеходе возил в тундру избирательную комиссию для проведения досрочного голосования.

Благодаря наличию транспорта семья Светланы и она сама как глава села могут оказать помощь в непредвиденных ситуациях: увезти людей или груз в районный центр или оленеводческую бригаду; доставить лекарства или посылки. Например, брат Светланы по ее просьбе встречал вертолет и привёз на вездеходе в село «командировочных», одной из которых была я. При отсутствии социальных связей связующим звеном между внешним миром и селом является глава поселения, и она же привлекает свои «капиталы» для поддержания этой связи. То есть «чужие» оказываются всегда гостями главы села, даже если она их не ждет.

Ещё одним примером накопления символического капитала было предоставление Иваном своей лодки морским зверобоям для охоты на кита. Взаимоотношения председателя территориально-соседской общины морских охотников и главы села можно назвать исключительно формальными. В отличие от других изученных мной поселений, где главы сел тесно сотрудничают с руководителями морских зверобоев (в двух селах мужа у женщин-глав – председатели общин), Светлана избегала разговоров о главном морском охотнике села Иничгыт: *«Он не наш, приехал из другого села... Не всегда получается у нас с ним кон-нект... Работает, но развития нет»*⁷. За время моего пребывания в селе она ни разу с ним не общалась.

Община морских охотников⁸ работает за счет субсидии из регионального бюджета и выполняет установленный для каждой из них план добычи морского зверя. Региональные и муниципальные органы власти пристально следят за работой общины, так как этот традиционный промысел, осуществляемый за счет государственных средств, является одним из способов обеспечения отдалённых поселений мясом и способствует поддержанию национальной идентичности коренного населения Чукотки.

Соответственно, когда в общине возникла проблема с лодками, а охотникам необходимо было выходить в море, чтобы обеспечить людей мясом и закрыть план (квоту) по добыче кита, глава села включилась в ее решение: ее брат выехал вместе с охотниками на своей лодке в море. В другой раз он помогал вытаскивать кита на берег, заменив водителя грузовой машины, который не смог выйти на работу.

Отношения реципрокности с государством на локальном уровне

У Ивана, брата Светланы, сложились особые отношения с жителями села. По моим наблюдениям, его можно назвать неформальным лидером: его просьбы беспрекословно выполнялись, некоторые жители опасались его или отзывались с большим уважением за его физическую силу и возможность давать в долг нуждающимся. Несмотря на то что Иван занимал одно из самых непрестижных рабочих мест в селе – был кочегаром в котельной, коллеги часто помогали ему по хозяйству или исполняли его мелкие поручения. Я наблюдала, как во время разделки кита, в которой участвуют все заинтересованные жители поселения, Иван попросил трех мужчин, один из которых работал вместе с ним в котельной, нарезать ему китовой кожи с салом и помыть ее. Сам он при этом сидел и наблюдал за процессом. Когда ведро Ивана наполнилось тонкими и чистыми кусками *ытгылгин* (чук. «китовое сало»), он ушел, а мужчины продолжили работать.

Жена Ивана также пользовалась уважением местных жителей, хотя не была родом из села Иничгыт, а приехала сюда из другого чукотского поселения. Имея высшее образование, она работала в школе учителем начальных классов и по совместительству занимала должность заместителя директора. *«Маргарита [жена Ивана] и еще у нас один учитель – вот они костяк в селе и в школе. На них все держится. Они грамотные, спокойные, всегда помогут. Сильные. Очень их уважают все. Директор – приезжая, и она тут... ну, в общем, хоть замуж и вышла за местного, но к ней – нет. А Маргариту очень уважают»*⁹.

Центр образования¹⁰ в селе является одним из ключевых учреждений, так как насчитывает наибольшее число сотрудников, часть из которых имеют высшее образование, и самые высокие зарплаты на фоне других сельских институций. Также центр образования имеет хорошо развитую инфраструктуру, используемую для нужд села. Например, в помещении спортивного зала проходят выборы и сельские сходы; школьная столовая используется для чаепитий после сельских праздников; в жилых помещениях при школе размещаются командировочные или туристы. Через жену своего брата глава села имеет неформальную социальную связь с самым крупным сельским учреждением и может рассчитывать на его ресурсы в случае необходимости. *«Клуб новый, конечно, там есть помещение, но выборы [местных депутатов] будем проводить в школе, в спортивном зале, только вход с другой стороны... Маргарита [жена брата] в избирательной комиссии, а я просто как наблюдатель. Я вообще не могу в этом [в процессе организации выборов] никак участвовать, я следить должна. Но с района как с утра начинают звонить по этим выборам... Где? Как? Что? Только этим и занимаюсь. Хорошо, что Маргарита сейчас и.о. директора [школы]. Все гладко»*¹¹.

Семья брата Светланы и его ресурсы стали для нее капиталом, который она использует для укрепления своего статуса главы внутри поселения, а также для реализации властных полномочий и поручений, которые поступают от вышестоящих органов. В свою очередь, для Ивана, брата Светланы, и его семьи положение близкой родственницы в качестве главы села и возможности, которые дает эта должность (доступ к информации, административный ресурс, использование муниципального имущества и др.), также являются капиталом. Согласно П. Бурдые, государство концентрирует различные виды капитала и имеет некий метакapитал, который дает власть над другими видами капитала. Соответственно, можно говорить о специфическом капитале – государственном (Бурдые 2007: 227–228). Глава выступает практически единственным в селе владельцем этого капитала.

Важным преимуществом должности главы села является владение информацией. Информация может быть самой разнообразной: о жилищном фонде села (какие коттеджи пустуют, какие можно использовать для расселения людей, кому нужен ремонт), о том, кто и куда в ближайшее время отбывает или откуда приезжает, какие средства и на что выделяются и как их можно использовать. В определенный момент эта информация может быть использована главой села как личный ресурс для ее семьи.

Приведу пример. Глава села, если его/ее должность не выборная, часто является агентом местной авиакомпании, которая совершает перевозку жителей из села в районный центр и обратно. Глава формирует списки пассажиров, выписывает билеты, сообщает о вылете. Официальная информация местной авиакомпании о задержках рейсов, изменении расписания или внеплановых вылетах может запаздывать, и люди находятся в ожидании, откладывая свои дела. Глава села, как агент авиакомпании, уведомляется о деталях рейса оперативно и более детально. Кроме того, у нее есть контакты пилотов вертолета, осуществляющих рейсы внутри района. Благодаря этому она более информирована, и ее семья имеет возможность не терять время, ожидая рейс.

Кроме того, для сельских пассажиров выделяется ограниченное количество мест в вертолете, на которые необходимо заранее записываться в сельской администрации. В период наибольшего спроса на авиабилеты (чаще всего в отпускной период) у семьи главы села есть преимущество: она всегда первая в списке на рейс.

Данный пример является, на мой взгляд, не столько проявлением «прагматического бюрократизма», т.е. поиска личной выгоды от занимаемого положения и управленческих решений (Анурин, Садулина 2010: 32), сколько демонстрацией отношений реципрокности с государством. Глава села привлекает личные ресурсы и связи для осуществления госу-

дарственных полномочий или поручений от вышестоящих муниципальных властей, при этом в обмен или в качестве компенсации использует свою должность и преимущества, которые она дает, для личных целей. Муниципалитет не может обеспечить полноценную поддержку присутствия государства в селе, соответственно, глава села делает это за счет личных ресурсов. В свою очередь, ресурсы, которые дает государственная должность, используются семьей главы села. Этот непрерывный обмен оказывается встроенным в жизнь главы села.

Отрицательный социальный капитал

Тот факт, что Светлана родилась и выросла в селе, главой которого она в последующем стала, для вышестоящих органов власти и ее работодателя – главы района – явился важным и одним из ключевых «капиталов» при выборе и утверждении ее на муниципальную должность. Социальные связи, полученные человеком с детства, знакомство со всеми жителями, знание их связей и ресурсов очень ценна в осуществлении муниципального управления (Плюснин 2022: 106). Кроме того, то, что главой села назначен не посторонний человек, а его уроженец, по мнению районной власти, должно вызывать поддержку его работы местным сообществом. *«Сложно найти на эту должность [уполномоченного главы сельской администрации] именно подходящего человека. В других селах, там главы уже много лет работают, и менять их, конечно, не стали. Раз работают так долго, значит, все хорошо. А тут... Я не могу привезти человека и поставить. Как он будет работать? Он никого не знает, его никто не знает... Но повезло, и мы нашли подходящего человека... Она местная, родилась там. Все знает. Ее знают... Вот мне, например, нужно кого-то выбрать от села и в Анадырь отправить... ну, или там на руководящую должность не могли найти. Она их биографию знает, с детства всех: кто и что, кто пьет, кто сможет, кто нет»¹².*

Для самой Светланы то, что она выросла в селе и имеет тесные социальные связи с его жителями, в процессе работы главой казалось не преимуществом, а недостатком. *«Очень сложно работать с людьми, с которыми ты знаком с детства. Вот Илья... в магазине он... он младше меня, с ним вообще бывает сложно договориться. И другие также. Мы играли вместе, бегали там, в школе вместе – они меня не слушаются. Я для них так, подружка, поиграть. А кто постарше, для них – девочка, которая тут недавно бегала. И это проблема. В тех селах, где глава приезжий, отношение другое. Легче в этом плане»¹³.* «Местность» Светланы на стадии ее назначения на должность главы выступила в качестве ее «капитала», однако в процессе работы её изначальная принадлежность к селу в какой-то мере перестала быть полезной, а по ее словам,

даже препятствовала реализации государственных полномочий и укреплению ее статуса главы в селе. Это, на мой взгляд, один из вариантов «отрицательного социального капитала», о котором писали А. Портес и П. Ландольт: у социальных связей не всегда могут быть положительные последствия, и если для кого-то такие связи являются социальным капиталом, то для других они имеют отрицательные последствия (Portes, Landolt 2000: 532).

Профессионализм и привлекательность: инструменты формирования социального капитала

В сложившихся условиях Светлане необходимо было создать новые социальные связи и сделать свое положение в качестве главы более устойчивым. Инструментами для формирования новых отношений и нового капитала стали ее профессиональные навыки и женская привлекательность.

В течение последних трех лет в селе шло строительство новых жилых коттеджей, и там на постоянной основе жили строители. Во время моего пребывания работала бригада из четырех человек, которые приехали из разных городов России. С одним из строителей – Андреем, дольше всех жившим в селе, Светлана, по моим наблюдениям, общалась довольно часто. Также он постоянно выполнял ее мелкие просьбы, требующие физической силы. Например, принести воды в офис, помочь выгрузить посылки для администрации или сменить флаг на здании. Однажды, когда охотники добыли кита поздно вечером, Андрей по просьбе Светланы привез и установил на берегу освещение, чтобы люди имели возможность взять мясо и кожу кита.

Социальные связи поддерживаются посредством обмена (Бурдые 2002: 67). Отношения с Андреем были не совсем односторонними, хотя мне казалось, что он все делает по причине симпатии к Светлане. Семья главы села делилась с Андреем некоторыми продуктами и товарами, которые привозились из районного центра, а брат Светланы брал Андрея на промысел и обеспечивал его инструментами.

Я не слышала от жителей каких-либо упоминаний о том, что Светлана состоит в официальном браке или в каких-либо отношениях с Андреем, хотя в остальных поселениях личная жизнь главы активно обсуждается. По словам самой Светланы, Андрей является другом: *«...он ухаживает за мной, влюблен (смеется) ... но я держу его на расстоянии... Слухи будут, ну и как бы я с ним перспектив не вижу... Так мы общаемся, даже в тундру ездим, они с братом на рыбалку ходят, но так, чтобы... нет. Просто друг»*¹⁴. Симпатия Андрея и, возможно, его нежные чувства к Светлане стали «альтруистическим источником для формирования ее социального капитала» (Portes, Landolt 2000: 533). Могут предположить,

что именно привлекательность Светланы в глазах Андрея стала ключевым фактором формирования их социальной связи и что изначально у него не было ожиданий относительно возврата предоставляемых им ресурсов. Более того, насколько я могла заметить, для Андрея помощь жителям или работа на муниципалитет были безвозмездным даром девушке, которая нравится, и никак не связывались с ее работой. То есть замена флага на новый на здании администрации была для него не столько актом служения государству, сколько желанием добиться внимания и расположения Светланы.

Через Андрея глава села могла обратиться и к другим строителям – специалистам в своих областях, за консультацией или помощью. Сеть отношений является продуктом инвестиционных стратегий, и эти отношения могут быть воспроизведены сразу или через определенное время (Бурдые 2002: 67). Например, я наблюдала, как Андрей привел к главе села своего коллегу, разбирающегося в системе отопления, чтобы он в коттедже, где жила пожилая женщина, оценил сантехническую работу – починку трубы и батареи. К ремонту за счет муниципальных средств в итоге были подключены сотрудники местного жилищно-коммунального хозяйства, но именно коллега Андрея по просьбе Светланы составил список необходимого оборудования для закупки и замены. Экспертиза и список нужны были Светлане для отправки заявки в районную администрацию и она использовала для этого свои новые социальные связи.

Согласно моим наблюдениям за главами сел и их работой, от них требуются универсальные знания по различным вопросам. Множество вопросов находится вне компетенции главы и его профессиональных возможностей. Соответственно, для решения этих вопросов необходимы связи, и они должны поддерживаться, чтобы выполнить поручения «сверху». Сформированные Светланой социальные связи со строителями позволяли ей в случае необходимости прибегать к их помощи в выполнении как административных задач, так и общественных – для блага жителей села. Таким образом, укреплялся ее статус и как представителя государства, и как сельского лидера.

Другим инструментом создания социальных связей в селе стала предыдущая профессиональная деятельность Светланы. Её первая специальность – парикмахер, она имеет большой опыт в этой сфере. При отсутствии в селе подобного вида услуг Светлана в свободное от работы время делает стрижку жителям села, окрашивает волосы женщинам и делает маникюр. *«Я у Светы ногти делаю. Раньше совсем плохие были. В поселок не наездишься. Теперь хорошо. Чай попьем, поговорим... Я ей о своих проблемах, она мне о своих. Новости обсудим... Она хороший мастер. Вот, скоро опять пора к ней»*¹⁵.

В чукотских селах наличие профессионального парикмахера – большая редкость. Люди, как правило, ездят за этими услугами в районный

или окружной центр, обращаются к самоучкам или ждут отпуска. Исключительные в условиях чукотского села навыки Светланы оказались важным инструментом в формировании и поддержании связи с жителями, а также для получения информации. *«Я скучаю по своему салону, чтобы нормально было – зеркало, кресло. А здесь, в кабинете, как? Просто стул. Неудобно... Кому нужно – договариваемся. В основном мужчины, им чаще стричься надо. Одноклассник вот приходил недавно. На мысль одну меня навел. Я говорю: “Игорь, где ты раньше был?!”... Полсела мои клиенты. Ну, не полсела (смеется)... Как он мне потом откажет, если я о чем-то попрошу? Ему еще потом у меня стричься (смеется)»¹⁶.*

Культурный капитал главы: пример неудачной конвертации

Наличие у Светланы диплома о высшем педагогическом образовании выступило одной из форм культурного капитала, необходимого для получения должности главы села. Однако, по её мнению, для этого нужно было переквалифицироваться по специальности «Государственное и муниципальное управление». Районные власти не настаивали на получении дополнительного образования, для чего ей пришлось бы часто выезжать за пределы поселения. Однако Светлана все равно пыталась учиться, поступив в магистратуру на специальность «Муниципальное управление». *«Попробовала дистанционно, но знаете же интернет наш. За учебу заплати, потом еще за интернет, а он не тянет, еще и разница во времени... Бросила после первого семестра. Там все касалось экономики и распределения бюджета, а у нас своего бюджета нет, я не выборная, мне это и не пригодится никогда. Подумала – ну его... Просто курсы быстро закончила и все... Все равно никто не расскажет там, как ответ написать лучше или с людьми общаться... Мне если что, главы других сел помогают. Они меня больше научили. Я им звоню и советуюсь... Лучшие всего было бы, если бы глав всех сел хотя бы раз в год собирали. Делились бы опытом. Много ситуаций бывает, которые вот только у нас [на Чукотке]. Завоз или вот с пограничниками как»¹⁷.*

В данном случае можно видеть попытку конвертации капитала и ситуацию выбора – на что стоит тратить время и силы (Радаев 2002: 30). Сначала Светлана решила, что специальное образование поможет ей в работе на должности главы села, что, в свою очередь, укрепит ее статус и экономит социальный капитал: обращение за помощью к другим главам сел требует компенсации. Я наблюдала, как Светлана по просьбе коллеги, главы соседнего поселения, согласилась ограничить количество мест в вертолете для жителей своего села, потому что на совместном рейсе до районного центра нужно было вывезти больше людей из другого села. Она делала это даже в ущерб своему статусу, потому что

наиболее часто обращалась за помощью именно к главе соседнего поселения. Таким образом, она должна была возместить ранее полученную помощь для дальнейшего поддержания отношений. Светлана поняла, что ее вложения в культурный капитал – обучение в магистратуре – не оправдаются, и выбрала более экономичный вариант.

Заключение

В начале статьи я задала вопрос, что необходимо иметь главе села, чтобы быть «главным» и исполнять свои властные полномочия, а также как глава накапливает и использует ресурсы. Исследование показало, что условием вступления на должность главы является наличие комплекса капиталов. У Светланы это принадлежность к семье бывшей главы, рождение в селе, национальность, высшее образование (не специальное). Вместе с должностью Светлана приобрела государственный капитал, т.е. те ресурсы, которые дает принадлежность к государственной власти и единоличное исполнение государственных функций в селе.

Нахождение на должности и исполнение своих обязанностей, а также укрепление личного и государственного авторитета потребовали дополнительных капиталов. Для Светланы главным таким капиталом стали ресурсы ее братьев и их жен: экономический капитал в виде разносезонного транспорта – ключевого показателя благосостояния в условиях Чукотки; социальный капитал, используемый для организации быстрой логистики и доступа к инфраструктуре сельских учреждений; символический – в виде авторитета и позиции старшего брата в селе.

Один из капиталов – рождение в селе, который на стадии получения Светланой должности являлся ресурсом: будучи главой села, отрицательный эффект должен был компенсироваться с помощью других средств – новых социальных связей со строителями и отношений взаимопомощи с жителями села – клиентами Светланы. Эти капиталы нарабатывались уже в процессе исполнения обязанностей главы села. В дальнейшем указанные социальные связи использовались окказионально, по мере возникновения необходимости и в самых разных формах (физической силы, экспертной оценки и т.д.).

Имеющийся изначально у главы села культурный капитал был не вполне достаточным для исполнения обязанностей муниципального служащего, но был заменен на социальный капитал – устойчивые взаимосвязи с другими, более опытными главами поселений.

Полученный вместе с должностью государственный капитал обменивается на ресурсы, которые привлекаются главой села для исполнения государственных функций. Такой обмен позволяет сохранять баланс. При этом главным посылом всего действия и обмена ресурсами является

постепенное аккумулирование власти и «приучение» жителей видеть в своей фигуре главного человека в селе.

Таким образом, с опорой на теорию капиталов П. Бурдьё в настоящей статье проанализированы детерминанты власти и статуса глав сельских поселений Чукотки. На основании теоретической ориентации Бурдьё деятельность и поведение главы села помещается в социальную среду с особым акцентом на то, что компоненты структуры индивидуального капитала, состоящие из различных видов капитала, могут одновременно оказывать комплексное воздействие на удержание им статуса и влияния, а также на эффективность исполнения поручений «сверху». Другими словами, различные формы капитала, которыми обладает глава села, представляют собой ресурсы действия, которые могут быть мобилизованы, когда необходимо исполнить функции представителя государства. При этом само наличие этих функций у главы поселения тоже является капиталом, но используется им для удержания позиций или достижения личных целей.

Примечания

¹ Термин «низовая бюрократия», или «уличная бюрократия» (street-level bureaucracy), был введен Майклом Липски. Согласно его пониманию, бюрократия подразумевает набор правил и структур власти; уличный уровень подразумевает расстояние от центра, где предположительно находится власть (Lipsky 2010: xii). Главы небольших чукотских сел являются «низовыми», или «уличными», бюрократами в силу характера своей деятельности: они удалены от других властных структур (территориально, транспортно, финансово) и работают напрямую с населением своего села.

² Я использую измененные имена информантов и название села с целью сохранения конфиденциальности. Цитаты из интервью отредактированы для удобства читателя, но при этом сохранены авторские оценки, выражения и обороты. Ссылки на авторов цитат содержат следующие сведения: год рождения, пол, имя, должность или национальность. Например: ПМА: м-1968, Евгений, охотник, чукча.

³ В настоящей статье под главой села я подразумеваю человека, назначенного главой района или городского округа на должность уполномоченного главы сельской администрации после включения села в состав более крупного муниципального образования в результате вступления в силу Федерального закона от 03.04.2017 № 62-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”». На Чукотке сохранились также выборные должности глав сельских поселений. Выборных и назначаемых глав сел в местном сообществе продолжают называть «глава села».

⁴ ПМА: ж-1990, Светлана, глава села, чукчанка.

⁵ ПМА: м-1969, Вадим, глава районной администрации.

⁶ ПМА: ж-1960, Раиса, пенсионерка, чукчанка.

⁷ ПМА: ж-1990, Светлана, глава села, чукчанка.

⁸ На Чукотке промыслом морского зверя занимаются только территориально-соседские общины коренных малочисленных народов Чукотки, организованные в соответствии с Федеральным законом № 104-ФЗ от 20.07.2000 «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

⁹ ПМА: ж-1963, Анна, пенсионерка, чукчанка.

¹⁰ Центр образования – муниципальное бюджетное образовательное и дошкольное учреждение.

¹¹ ПМА: ж-1990, Светлана, глава села, чукчанка.

¹² ПМА: м-1969, Вадим, глава районной администрации.

¹³ ПМА: ж-1990, Светлана, глава села, чукчанка.

¹⁴ ПМА: ж-1990, Светлана, глава села, чукчанка.

¹⁵ ПМА, ж-1989, Елена, соцработник, чукчанка.

¹⁶ ПМА: ж-1990, Светлана, глава села, чукчанка.

¹⁷ ПМА: ж-1990, Светлана, глава села, чукчанка.

Список источников

Анурин В.Ф., Садулина А.М. Бюрократия: взгляды «извне» и «изнутри» // Социологические исследования. 2010. № 2 (310). С. 29–37.

Бурдьё П. Начала / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.

Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6, № 3. С. 25–48.

Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. и пер. Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.

Васильева В.В. Мобильность и структурирование пространства у долган таймыро-якутского приграничья: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021.

Плюшкин Ю.М. Муниципальные стратегии управления и факторы их формирования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 1. С. 101–123. doi: 10.17323/1999-5431-2022-0-1-101-123

Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 4. С. 20–32.

Скорин-Чайков Н.В. Гоббс в Сибири: социальная жизнь государства // Социология власти. 2012. № 4-5 (1). С. 155–187.

Шматко Н.А. Горизонты социоанализа // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН / отв. ред. Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С. 13–47.

Шматко Н.А. Генетический структурализм Пьера Бурдьё // История теоретической социологии. СПб., 2000. Т. 4. С. 386–403.

Щепанская Т.Б. Этнография политики как проблема // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. Т. 1. С. 58–71.

Lipsky M. Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services. New York: Russell Sage Foundation, 2010. xxiii+275 pp.

Pinçon M., Pinçon-Charlot M. Pratiques d'enquête dans l'aristocratie et la grande bourgeoisie: distance sociale et conditions spécifiques de l'entretien semidirectif // Genèses. 1991. № 3. P. 120–133.

Portes A., Landolt P. Social capital: promise and pitfalls of its role in development // Journal of Latin American Studies. 2000. Vol. 32, № 2. P. 529–547.

References

Anurin V.F., Sadulina A.M. (2010) Byurokratiya: vzglyady «izvne» i «iznutri» [Bureaucracy: views from the outside and from the inside]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 2(310), pp. 29–37.

Bourdieu P. (1994) *Nachala* [Basics]. Moscow, 1994.

Bourdieu P. (2002) *Formy kapitala* [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 3, no. 5, pp. 60–74.

Bourdieu P. (2005) *Razlicheniye: sotsial'naya kritika suzhdeniya* [Distinction: a social critique of judgment]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 6, no. 3, pp. 25–48.

- Bourdieu P. (2007) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Moscow, St. Petersburg.
- Lipsky M. (2010) *Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services*. New York: Russell Sage Foundation.
- Pinçon M., Pinçon-Charlot M. (1991) Pratiques d'enquête dans l'aristocratie et la grande bourgeoisie: distance sociale et conditions spécifiques de l'entretien semidirectif. *Genèses*, no. 3, pp. 120–133.
- Plyusnin Yu.M. (2022) Munitsipal'nyye strategii upravleniya i faktory ikh formirovaniya [Municipal management strategies and factors of their formation]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, no. 1, pp. 101–123.
- Portes A., Landolt P. (2000) Social capital: promise and pitfalls of its role in development. *Journal of Latin American Studies*, vol. 32, no. 2, pp. 529–547.
- Radayev V.V. (2002) Ponyatiye kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiya [The concept of capital, forms of capital and their conversion]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 3, no. 4, pp. 20–32.
- Shchepanskaya T.B. (2006) Etnografiya politiki kak problema [Ethnography of politics as a problem]. *Antropologiya vlasti. Khrestomatiya po politicheskoy antropologii*, 2006, vol. 1, pp. 58–71.
- Shmatko N.A. (2000) Geneticheskiy strukturalizm P'era Burd'ye [Genetic structuralism of Pierre Bourdieu]. *Istoriya teoreticheskoy sotsiologii*, vol. 4, pp. 386–403.
- Shmatko N.A. (2001) Gorizonty sotsioanaliza [Horizons of socioanalysis]. In: *Sotsioanaliz P'era Burd'ye. Al'manakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii RAN* [Socioanalysis of Pierre Bourdieu. Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, St. Petersburg, 2001, pp. 13–47.
- Ssorin-Chaikov N.V. (2012) Gobbs v Sibiri: sotsial'naya zhizn' gosudarstva [Hobbes in Siberia: social life of the state]. *Sotsiologiya vlasti*, no. 4-5(1), pp. 155–187.
- Vasil'yeva V.V. (2021) *Mobil'nost' i strukturirovaniye prostranstva u dolgan taymyr-yakutskogo prigranich'ya* [Mobility and structuring of space among the Dolgans of the Taimyr-Yakut borderland], dissertation. St. Petersburg.

Сведения об авторе:

ЯРЗУТКИНА Анастасия Алексеевна – кандидат исторических наук, начальник научно-образовательного центра, Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Анадырь, Россия). E-mail: jarzut@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Anastasiia A. Yarzutkina, Chukotka branch of North-Eastern Federal University (Anadyr, Russian Federation). E-mail: jarzut@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 4 декабря 2024;
принята к публикации 30 января 2025.*

*The article was submitted 04.12.2024;
accepted for publication 30.01.2025.*

Научная статья
УДК 39
doi: 10.17223/2312461X/47/5

Искусство (не) продавать: темпоральность торговли в селах Чукотки

Владимир Николаевич Давыдов^{1,2}
Ольга Михайловна Шульгина³

^{1,3} *Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

² *Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета
им. М.К. Аммосова, Анадырь, Россия*

^{1,2} *davydov.kunstkamera@gmail.com*
³ *shulgina@kunstkamera.ru*

Аннотация. Анализируются особенности современной торговли на Чукотке, однако авторы фокусируются не столько на продажах, сколько на анализе факторов, которые сдерживают или препятствуют процессу реализации товаров. На примере полевых материалов, собранных в рамках четырех экспедиционных выездов в Анадырский и Чукотский районы Чукотского автономного округа в 2023 и 2024 гг., рассматривается темпоральное измерение торговых отношений в удаленных селах, анализируя возможные причины, ведущие к отсрочке, замедлению продаж дефицитных товаров, на которые имеется повышенный спрос. Рассматриваются локальные стратегии управления временем в контексте торговых отношений, анализируются используемые продавцами способы увеличения срока хранения продукции, что позволяет манипулировать сроком ее реализации. В данном контексте временное измерение предстает как относительное и изменяемое посредством активных действий самих местных агентов.

Ключевые слова: снабжение, торговля, дефицит, удаленность, меняющаяся материальность, Чукотка

Благодарности: исследование проведено при поддержке Российского научного фонда (грант № 23-18-00637) «Меняющаяся материальность Арктики и Сибири: технологии, инновации, инфраструктура» (руководитель – В.Н. Давыдов). Источник финансирования МАЭ РАН.

Для цитирования: Давыдов В.Н., Шульгина О.М. Искусство (не) продавать: темпоральность торговли в селах Чукотки // Сибирские исторические исследования. 2025. № 1. С. 80–98. doi: 10.17223/2312461X/47/5

Original article

doi: 10.17223/2312461X/47/5

The Art of (Not) Selling: Temporality of Trade in Chukotka's Villages

Vladimir N. Davydov^{1, 2}, Olga M. Shulgina³

^{1, 3} *Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
St. Petersburg, Russian Federation*

² *Chukotka Branch of the Northern Federal University, Anadyr, Russian Federation*

^{1, 2} *davydov.kunstkamera@gmail.com*

³ *shulgina@kunstkamera.ru*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the specific features of contemporary trade in Chukotka. The authors focus not so much on the fact of sales as on the analysis of the factors that constrain or hinder the process of selling goods. Using field materials gathered during four expeditions to the Anadyr and Chukotka districts of the Chukotka Autonomous Okrug in 2023 and 2024 as an example, the article examines the temporal dimension of trade relations in remote villages, analysing possible reasons leading to the postponement and slowdown of sales of scarce goods for which there is an increased demand. The article considers local strategies of time management in the context of trade relations, analysing the ways used by sellers to increase the period of product shelf life, which allows them to manipulate the period of its sale. In such a context, the temporal dimension appears as relative and changeable through the active actions of the local agents themselves.

Keywords: supply, trade, shortages, remoteness, changing materiality, Chukotka

Acknowledgements: The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00637) “Changing materiality of the Arctic and Siberia: technologies, innovations, infrastructure” (PI – V.N. Davydov).

For citation: Davydov, V.N. & Shulgina, O.M. (2025) The Art of (Not) Selling: Temporality of Trade in Chukotka's Villages. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 80–98 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/47/5

Современные исследовательские статьи, освещающие жизнь в удаленных северных регионах, рассматривают практики снабжения, продажи товаров, обмена в ситуации множественных дефицитов, позволяющие получать необходимые продукты или услуги на местах (Кадук 2017; Liarskaya 2017; Васильева, Гаврилова 2022). Тем не менее существует множество ситуаций, когда товары и услуги не поставляются и не продаются в достаточном объеме не только и не столько из-за сложных транспортных схем и скудного снабжения. Проблемы со снабжением пищевыми продуктами и промышленными товарами описаны во многих посвященных Чукотке работах (Давыдова, Давыдов 2022; Ярзуткина 2022). В некоторых ситуациях в магазинах региона товар намеренно не продается или отсутствует в продаже. Попытаемся разобраться, по каким причинам товары могут не реализовываться в торговых точках Чукотского автономного округа.

Идея написания этой статьи появилась, когда мы проводили полевые исследования в г. Анадырь, пгт Провидения, селах Лаврентия, Лорино, Уэлен и Инчоун летом 2023 г. В каждом поселке мы оказывались за несколько дней до и, собственно, в момент разгрузки генгруза. Очевидно, что в период навигации в села приходят новые товары, но их продажи начинаются не сразу. В с. Уэлен мы стали свидетелями ситуации, которая дала серьезную пищу для размышлений: сразу после разгрузки в местных магазинах была иллюзия изобилия только что привезенных по воде дефицитных продуктов – были выставлены упаковки молока, йогурты, лотки яиц, ящики со свежими яблоками, покупатели толпились в «социальном» магазине в ожидании начала продаж с надеждой «успеть» купить дефицитные товары, однако привезенные «свежести» сразу не выставлялись на продажу. Таким образом, создавалась видимость разнообразия товаров, которые, вместе с тем, приобрести было нельзя. По словам продавца, товары не продавали, поскольку не были утверждены ценники, т.е. в магазины не были переданы накладные, а потому населению нужно было «немного подождать». Сложившаяся ситуация решалась более недели, и связано это было с тем, что продавцы ожидали подорожания в начале августа, потому и держали дефицитные фрукты и овощи – «свежести» – и молочные продукты (в основном ультрапастеризованное молоко и йогурты) до момента появления новых ценников. Поскольку цена должна была измениться, нужно было точно установить стоимость поступивших товаров. Так, приобрести желаемые и вновь привезенные во время навигации продукты нам не удалось. На полках стояли скоропортящиеся йогурты, лотки яиц и «свежести», но купить их было невозможно, поскольку не было «отмашки начальства из с. Лаврентия». Примечательно, что такие случаи на Чукотке – не редкость. В статье от 1936 г., посвященной хозяйству на Чукотке, А.Б. Марголин описал удивительно знакомый случай: «При заходе парохода “Охотск” в факторию Кресты было выгружено значительное количество продпромтоваров, при чем ни на один из них Чукотский трест не сообщал цены. При отсутствии радиосвязи фактория лишена была возможности с сентября до декабря получить цены из Анадыря и продавать товары. А ведь пароход стоял в Анадыре больше 12 суток. За это время торговый аппарат треста имел возможность скалькулировать цены и послать их во все фактории» (1936: 78).

В нашем исследовании показано, как происходит задержка/отсрочка продаж и какое влияние данный процесс оказывает на различные материальные объекты. Прежде всего мы коснемся проблемы меняющейся материальности реализуемых товаров. В ряде случаев мы рассмотрим: 1) изменение физического состояния пищевых продуктов в контексте стратегии их реализации в государственных и частных магазинах; 2) ка-

ким образом на объем продаж влияют такие факторы, как социально конструируемые образы и представления об удаленности и сезонности; 3) каким образом местные жители преодолевают дефицит посредством практик натурального обмена вещами и товарами; 4) процесс появления дефицита в сфере продажи потенциально востребованных и рентабельных вещей – предметов искусства и сувенирной продукции. Кроме того, в этой работе мы также остановимся на способах продажи / покупки различных товаров в контексте «жизненного» цикла продуктов.

Исследование базируется на конкретных примерах продаж/не продаж, которые авторы наблюдали во время четырёх экспедиций в Анадырском и Чукотском районах Чукотского автономного округа в 2023–2024 гг. Мы не будем напрямую касаться политики ценообразования, что может служить предметом отдельной дискуссии. Чрезмерно и порой совершенно неоправданно высокие цены в отдаленных селах Чукотки давно стали частью повседневности. Следует указать, что именно «заоблачно высокие» чукотские цены чаще всего оказываются в центре общественного внимания и обсуждения в СМИ и социальных сетях. Так, лидером высоких цен является г. Билибино, а высокая стоимость товаров действительно нередко становится основным фактором их непроджи: довольно часто товары с завышенными ценами разбирают в последнюю очередь из-за отсутствия альтернативы. В нашей статье мы сконцентрируемся на проблеме темпоральности продаж (их расположению на временной шкале) и стратегиях, связанных с длительной отсрочкой продажи товаров, привезённых в местные магазины, и имеющихся в наличии. В торговых точках могут сосуществовать различные темпоральные циклы, определяемые различными задачами и процессами: поставки, хранение продуктов, поддержание товарно-денежных и сырьевых потоков (Агапов 2022). Нередко местным жителям приходится совмещать различные темпоральности (временные режимы), в рамках которых действуют различные акторы (Ssorin-Chaikov 2017). Один из примеров подобного совмещения – расписание работы магазина (не всегда соблюдаемое) и временной режим изменения физических качеств пищевого продукта, который может меняться в зависимости от выбранной системы хранения.

Сельский магазин

Особенность сельского магазина заключается в том, что часто продавец и покупатель лично знакомы друг с другом. Соответственно, сельские магазины ориентированы на длительные отношения покупатель–продавец. Потребитель вынужден возвращаться в один и тот же магазин, иногда единственный в селе, и поддерживать отношения с продавцом, т.е. магазин является «точкой постоянных возвращений» (Davydov 2012)

в структуре микромобильности чукотского села. В этом смысле покупка/продажа товара персонифицирована и встроена в социальные отношения. В небольших селах, например в Инчоун и Нутэпэльмен, работает только один официальный магазин. В более крупных населенных пунктах их может быть больше (к примеру, в 2023–2024 гг. в с. Уэлен работало четыре продовольственных магазина, а в с. Канчалан – три), но вместе с тем их число не может расти бесконечно из-за ограниченного количества покупателей и спроса.

Магазин является важным пространством коммуникации жителей села. Довольно часто в торговых точках, особенно в момент начала реализации недавно привезенных товаров, наблюдаются очереди. Возникают очереди и во время продаж дефицитных товаров, спрос на которые может превышать предложение. В ряде сел кроме прочих подобным товаром является хлеб, поскольку выпекают его в ограниченном количестве.

Каждый магазин имеет официальные часы работы, но даже если покупатель придет в магазин вовремя, это еще не означает, что магазин открыт для посетителей или что им продадут необходимый товар. Например, иногда частные магазины закрыты в период отпуска и болезни хозяев или их родственников, а также в дни рождения или по любым другим причинам.

Летом 2023 и 2024 гг. магазины с. Уэлен практически не работали по расписанию. События в жизни села нередко выступали причиной временного его закрытия. Если в советское время частой причиной неработы магазина по графику было его закрытие на переучет, то во время разгрузки генгруза в сёлах Уэлен и Инчоун торгующий социальными товарами магазин закрывается на большую часть рабочего дня в связи с «необходимостью разгрузки контейнеров с корабля». Фактически магазины этих сел работали не более одного часа в первой половине дня с целью обеспечить жителей продуктами первой необходимости, в частности хлебом.

Во время привоза/разгрузки товара, а также в праздничные и предпраздничные дни магазины нередко работают по особому расписанию. Касается это в основном социальных магазинов, где зарплата продавцов фиксированная и не зависит от выручки. В с. Канчалан продавец подобной торговой точки ответила на вопрос покупательницы, работает ли магазин 3 января, ответила: «Работает так же, как и всегда. Только с 11 до 14 часов!» Это означало, что магазин работает, но по сокращенному графику, установленному руководством магазина. Нюанс заключается в том, что об изменении графика работы магазина жителей села оповещают в группе одного из мессенджеров. Соответственно, гости села или приезжие люди узнают о часах работы, раз-другой опоздав.

Такое непредсказуемое сокращение рабочего времени магазина создает повышение спроса на продукцию. К моменту его открытия, как

правило, образуется очередь. Жители стремятся приобрести недавно поступившие товары, а также хлеб. Дефицитного хлеба, выпекаемого небольшими партиями, может не хватать на всех. В некоторых селах ограничивают количество продажи хлеба или любого другого дефицитного товара в одни руки.

Архивные документы и публикации советского времени демонстрируют наличие периодического аудита со стороны различных инстанций, которые выявляли нарушения правил торговли и делали конкретные предписания для изменения ситуации. Задачи улучшения качества обслуживания покупателей присутствовали во многих официальных документах и касались как культуры обслуживания, так и способов хранения товаров. Уже в первой половине 1930-х гг. достаточно явно обозначилась проблема дефицита основных пищевых продуктов – мучных товаров, круп, сахара, соли, жиров, которые, по наблюдениям В. Ле-Мюра, «были совершенно недоступны для широких масс этого края» (1935: 41). С другой стороны, в то время наблюдалось непонимание покупательского спроса на Крайнем Севере и отсутствие грамотного планирования ассортимента и количества иных товаров: «Один из наших северных ОР-Сов на Оби получил в сентябре из Арктикснаба на 82 тыс. руб. готового зимнего и демисезонного платья, но ни одной дамской вещи. Здесь же в ноябре получено от Арктикснаба на 81 тыс. руб. обуви, из которой 90% парусиновых туфель. А бы тому, кто планировал и отправлял эту обувь, дал в руки зонтик, надел трусики и в этих парусиновых туфлях отправил по Оби прогуляться. Пусть воображает, что он на Кавказе» (Бергавинов 1937: 5). Такая тенденция прослеживалась и на Чукотке. Изучая один из документов из Научного архива МАЭ РАН (Л. 63–65), недоумение вызвали некоторые товары, завезённые на факторию Чаунской культбазы для нужд кочевого (!) населения в 1930–1931 гг. Так, среди совершенно не востребованных товаров упоминаются мужские и женские ботинки и галоши, белое мужское бельё, шерстяные носки и бумажные шарфы, разная мануфактура (т.е. различные ткани – сатин, ситец, бязь, сукно, молескин, тонкое прядево), шоколадные конфеты и бисквиты, кокосовые пуговицы и часовые ходики. А, к примеру, на Лаврентьевской фактории абсолютно не востребованными среди местного населения были завезённая обувь, манометры, инжекторы, водомерные краны, цемент и многое другое.

Трудности, связанные с своевременным завозом в Арктику, некачественными, невостребованными и несвежими товарами, также актуален достаточно давно. Например, в статье журнала «Советская Арктика» за 1936 г. мы находим, что в 1934 г. на мыс Шмидта и другие станции завезли муку 1932 г. помола, сухие овощи, произведённые в 1930 г., с фабричной маркой «брак» (А. А. 1936: 15), а масло прибывало на чукотские станции (бухта Провидения, мыс Шмидта, Уэлен, Ванкарем, остров

Врангеля) уже прогорклым (Там же: 15). Кроме того, анонимный автор статьи отмечает (Там же: 14), что скоропортящиеся продукты успевали испортиться уже на перевалочных базах, даже не успев дойти до покупателей. Например, осенью 1935 г. на базе во Владивостоке частично «совершенно погиб чеснок», а через две недели из-за плохого хранения начали портиться 700 тонн картофеля (Там же).

Похожую ситуацию авторы наблюдали в с. Канчалан в январе 2024 г. Мы имеем личный опыт, совершая покупки в одном из местных магазинов, где продавались рыбные консервы – сайра, полгода как просроченная, рахат-лукум «Азовский» со сроком годности, истекшим четыре года назад, пряники 2020 «года рождения». Особенно нас насторожила смесь «4 злака», произведенная в 2019 г. и, соответственно, просроченная на четыре с половиной года, имевшая неестественный серый оттенок и едкий гнилостный запах. Кроме того, в магазине можно было приобрести шоколад «Milka», просроченный на три с половиной года. Летом 2023 г. в с. Уэлен авторами был приобретен пакетированный чай, упакованный в далеком 2017 г., а летом 2024 г. в одном из магазинов села авторы купили баклажановую икру, изготовленную летом 2015 г., учитывая, что срок ее хранения ограничивается двумя годами. Отметим, что завхоз социального учреждения одного из сел, в котором проводились полевые исследования, рассказал, что нередко в навигацию привозят товары со сроком годности «на грани»; также случалось, что пищевые продукты приходили уже просроченными. Отказаться от подобных товаров он считал нерациональным, так как в таком случае село осталось бы вовсе без продовольствия. Приходят на ум слова Л.М. Хинчука: «Здесь происходит следующее: все берут, что дают (а дают то, что не нужно), лишь бы действительно выполнить в суммовом выражении план. А надо к этому относиться гораздо более серьезно» (Хинчук 1937: 4).

Следует заметить, что даты производства реализуемых в Чукотском и Анадырском районах товаров были значительно «старше», по сравнению с теми, которые один из авторов наблюдал в населенных пунктах Иультинского района в 2018–2023 гг. – там встречались товары, просроченные в основном на 0,5–1,5 года.

Археология покупок: чем больше, тем лучше?

Общеизвестно, что качество пищевых продуктов изменяется с течением времени. Музеефикация пищи осложняется тем фактом, что «еда предназначена для потребления, а не для хранения» (Баранов, Гуляева 2017: 56). Хотя продукты и сложно сохранить в музейном пространстве, тем не менее музейные работники предпринимали попытки сохранить их. Например, образцы пищевых продуктов присутствуют в коллекциях

МАЭ РАН (например, съедобные травы и т.д.), обширная коллекция пряников хранится в фондах Российского этнографического музея.

И музей, и магазин содержат в своем пространстве витрины, ориентированные на визуальное восприятие экспонируемых предметов. Магазин в каком-то смысле может превращаться в музей нераспроданных товаров, которые, с одной стороны, могут создавать видимость ассортимента, с другой – подтолкнуть покупателя приобрести более свежую продукцию.

Для чукотского магазина очень важно разделение пространства на «сцену» и «закулисье» (Гофман 2000). Магазин не является складом в прямом смысле слова. Чукотский магазин – это скорее «сцена», «передний план» (Там же) с постоянно меняющейся экспозицией. Примечательно, что «декорации» на «сцене» чаще всего мотивированы очередностью выгрузки продуктов и товаров из контейнера. Также ввиду того что товары приходят партиями, довольно часто предметы из одной поставки могут соседствовать друг с другом. Соответственно, товары на прилавках местных магазинов представляют собой подобие археологических пластов – покупатель одновременно может увидеть товары с различным сроком хранения, поступившие в магазины в разные сезоны. В торговых точках на прилавках размещаются «наслоения» залежалых и вновь привезенных продуктов, а свежая продукция может перемешиваться с просроченной. Материальные объекты в данном случае позволяют скрыть «культурные биографии» определенных товаров (Корыtoff 1986), увеличивая, таким образом, вероятность того, что старые товары будут реализованы.

Чтобы создать «визуальный образ» свежего товара, продавцы могут применять специальные технологии, устраивать своего рода театрализованные представления, сопровождающиеся выстраиванием «декораций» (Гофман 2000), которые преследуют цель манипуляции с темпоральностью. Здесь используется целый спектр технологий – повседневных операций, используемых продавцами. К примеру, скрыть истинный срок годности позволяют продаваемые в пакетах россыпь – очень сложно идентифицировать дату поставки расфасованных товаров – печенья, пряников, конфет, круп, макарон и др. Ключевым маркером выступает дата расфасовки товара по пакетам в магазине, что «обнуляет» дату производства и упаковки товара и позволяет увеличить декларируемый срок его хранения. Интересно, что в ряде чукотских магазинов на пакетах с россыпью и упакованных в магазине товарах можно увидеть целую серию ценников, которые наклеены один поверх другого. Переклейка ценников – это, в принципе, одна из широко распространенных стратегий не только в случае необходимости изменить стоимость товара, но и «омолодить» его.

Каким образом местные продавцы поступают со скоропортящимися товарами, если есть риск их нереализации? На помощь приходит морозильное оборудование – лари. Технология заморозки широко распространилась в арктических селах и используется как в домашних условиях, так и в магазинах. На Чукотке обычным товаром являются замороженные фрукты (например, мандарины и яблоки), пирожки, чебуреки, пирожные, торты и т.д. В чукотских магазинах практически круглогодично можно приобрести замороженную в полиэтиленовых пакетах квашеную капусту. Она нередко выступает как заменитель фруктов и важный источник витамина С, особенно накануне навигации, когда в магазинах отсутствуют какие-либо «свежести». Колбасные изделия, имеющие непродолжительный срок хранения, обычно сразу замораживают и реализуют в течение года.

Отдельного внимания заслуживают хлебобулочные изделия, которые имеют несколько степеней свежести. В зависимости от этого формируется особая селективная стратегия реализации: продавцы стараются в первую очередь продать нереализованный в предыдущие дни и уже несвежий хлеб, мотивируя это тем, что «сегодняшний еще не испечен, будет позже». При этом, несмотря на декларируемое отсутствие свежего хлеба, «для своих» – обычно для родственников и знакомых, нередко откладывается «сегодняшний» хлеб, который может продаваться «через служебный вход». Если хлеб не удастся распродать, то точно так же, как и другие товары, его замораживают, чтобы иметь запас в тех случаях, когда по каким-либо причинам возникает дефицит.

Однако существует и прямо противоположная стратегия продаж. Например, в с. Инчоун в единственном сельском магазине мы увидели минимальный, самый необходимый ассортимент товаров. На вопрос, есть ли залежалые товары, продавец с гордостью ответила, что товаров мало, зато нет ничего просроченного, что было абсолютной правдой.

Квази-изобилие может конструироваться, к примеру, путем «распыления» товаров по поверхности прилавка или «выстраивания» в пирамиды большого количества минимального ассортимента товаров. Яркий пример – магазин с. Лаврентия, где весь ассортимент, представленный в июле 2023 г., ограничивался альтернативой выбора между мартини и тремя десятками яиц. На обратном пути, к нашему удивлению, даже эти товары были раскуплены.

Переброска товаров

Ранее мы уже отмечали, что появление товаров может быть связано с постепенной разгрузкой контейнеров и хранилищ. Еще одним фактором типичным для Чукотки, является переброска товаров из одного магазина

в другой, если несколько точек принадлежит одному владельцу. Например, в пгт. Эгвекино работают две сети магазинов, которые принадлежат одному владельцу. В магазинах этих сетей искусственно создается диспропорция и дисбаланс товаров, что вынуждает покупателей ходить из одного магазина в другой в поисках необходимого. Тот же самый принцип работает на микроуровне и в с. Уэлен, заставляя покупателей забыть, что два магазина принадлежат одному владельцу. Похожие ситуации можно наблюдать и в сетевых магазинах в мегаполисах.

Переброска и перераспределение товаров на Чукотке прослеживаются не только на микроуровне, т.е. на уровне сел, но и в масштабах всего округа – на макроуровне. Так, в чукотских магазинах не работает ни принцип кумулятивности, ни модель песочных часов – уменьшения количества товаров от привоза до привоза. Дело в том, что в крупных населенных пунктах всегда имеется старый запас, который перебрасывается из центра на периферию. Это приводит к замещению «тектонических пластов», что влечет появление в селах «новой» просрочки. Так, побывав в с. Уэлен в июле 2024 г., нами были обнаружены просроченные с 2022 г. рыбные консервы, которые, тем не менее, отсутствовали в продаже в 2023 г.

За наличку и по карте

Своеобразным маркером свежести в селах Чукотского района является разграничение продуктов на две категории: те, которые продают за наличку и по карте. Нужно отметить, что наличка как таковая в селах является дефицитом, поскольку банкомат и отделение банка есть только в районном центре, в с. Лаврентия. По словам информантов, когда-то в Уэлене также был банкомат, но поскольку он требовал обслуживания и часто выходил из строя, от его использования отказались. Так, в большинстве случаев продавцы сельских магазинов приветствуют покупки за наличный расчет, а оплата через терминал воспринимается ими, скорее, как вынужденная необходимость.

Современная система платежей с использованием банковского терминала несколько затруднила продажу просроченных товаров. Тем не менее даже в оборудованных терминалами магазинах часть товаров продавцы отпускали только за наличные средства, ссылаясь на то, что терминал не работает или «эти товары не пробиваются через терминал» и т.п. Чаще всего продавцы сразу обозначали, что конкретный желаемый товар можно приобрести исключительно за наличные средства, мотивируя отказ продать товар по безналичному расчёту тем, что «товар почему-то не отображается в системе, и, соответственно, купить можно только за наличку». В таких случаях, требовать расчета по карте бессмысленно. К примеру, в с. Уэлен только за наличный расчет можно

было приобрести просроченные (и, вероятно, уже давно списанные) овощи, размороженную копченую птицу с неизвестной датой изготовления и неопределенным сроком годности, а также рыбу, излишки которой жители села сдают хозяевам местных магазинов и которая, без сомнения, не проходит по актам приемки, что экономически выгодно торговой точке.

Отдельным пунктом является продажа товаров в долг. В ряде чукотских магазинов товары отпускают в долг (как и во многих сельских магазинах Арктики и Сибири), записывая сумму и фамилию продавца в отдельной тетради. Иногда покупателя просят расписаться для подтверждения достоверности сделки. В долг продают лишь тем, кто доказал свою благонадежность и возвращал его. Например, охотно обслуживают в долг пенсионеров, зная, что они могут полностью расплатиться или вернуть часть долга после получения пенсии.

Дело случая

На Чукотке продажа и ее факт во многом детерминированы социальными факторами. Потенциально непродávаемое продается, например, когда человек, приобретающий просроченный товар, иногда играет в своего рода лотерею в надежде приобрести свежие продукты. Так, в серии «неудачных» покупок иногда может встретиться довольно свежий, не испорченный и пригодный в пищу продукт. В данном контексте важно рассмотреть запреты и этические нормы. Например, не принято спрашивать о сроках годности, не принято возвращать товар или жаловаться администрации. Значительным психологическим аспектом является то, что покупатель и продавец чаще всего лично знакомы и покупателю крайне неловко разглядывать упаковки и проверять сроки годности продуктов, а потому каждый раз для него загадка – приобретаемый товар свежий или давно просроченный. Исходя из нашего опыта, борцов с просрочкой практически не существует, мотивируется это тем, что «себе дороже будет» или что отсутствуют альтернативные точки продаж.

Факт продажи, таким образом, на Чукотке означает несколько больше, чем безличная и технологичная продажа на маркетплейсах или в супермаркетах на «материке». Она имеет много сходств с понятием «охотничья удача» в локальных сообществах Сибири (Намаюн 2012; Brandišauskas 2017). В чукотских магазинах люди «охотятся» на продукты, товары, ценные вещи. И тем ценнее и вкуснее на Чукотке кажется довольно непримечательный для рядового покупателя сетевого магазина на материке продукт. Нужно суметь найти дефицитный товар в магазине, успеть купить до того, как его приобрели конкуренты или он испортился. И этот продукт будет тем ценнее, чем сложнее его заполучить. Покупка свежего товара – это то, что приносит радость и положительные

эмоции для «охотника» и членов его семьи. Тем не менее жители Чукотских сел охотно делятся друг с другом новостями о привезенных в местные магазины товарах в социальных сетях. Довольно часто в местных чатах появляются такие сообщения: «В магазин “Катюша” свежести привезли!», «Яйцо привезли в магаз», «В “Каскаде” тоже все свежее завезли, выставляют», «Здравствуйте, на АЗС завезли бензин». Интересно, что наряду с новостями о завозе продуктов в чатах нередко встречаются вопросы односельчан, адресованные друг другу: «Кто может продать полбулки хлеба?», «У кого есть несколько яиц в займы?» и т.д.

Иногда лотерея бывает поистине беспроигрышной. Отсутствие факта продажи наблюдается тех случаях, когда продавец просто дарит товар посетителю. Например, в день своего рождения продавец одного частного магазина в с. Уэлен угощал некоторых посетителей продуктами. Безусловно, подобные действия позитивно влияли на имидж магазина и закрепляли связь между покупателем и продавцом, как бы гарантируя последнему будущие выгодные продажи.

Свежесть бывает только одна?

Продажи и их отсутствие связаны с темпоральностью товара, т.е. с физическим состоянием продукта, который характеризует определенную стадию его бытия. Продукт может проходить несколько материальных стадий продаж/непродаж. Репрезентативным является пример яблок. Так, нереализованные в течение определенного времени и потерявшие товарный вид яблоки могут позже продаваться в замороженном виде, что позволяет «продлить» срок годности продукта на практически неограниченное время. Летом 2024 г. в магазинах с. Лаврения продавались яблоки только в замороженном виде. По словам продавца, эти фрукты были привезены еще в предыдущую навигацию. Надо сказать, что яблоки в замороженном виде показались нам «деликатесом», они напоминали запеченные в духовке фрукты, только более сочные.

Некоторые магазины имеют гибридную природу не только продажи, но и производства, соединены с пекарнями, производят свои товары, т.е. являются активными агентами производства материальности. В июле 2024 г. в уэленском магазине оставалось буквально 2–3 кг свежих яблок. На наш вопрос о времени последнего завоза фруктов продавец ответила, что последняя поставка была еще в прошлом году прямо перед Новым годом. Понимая, что мы неместные, продавец настойчиво отговорила нас покупать пролежавшие полгода в магазине яблоки по причине того, что они были «уже коричневые внутри». При этом, хотя мы настаивали на покупке, она категорически отказалась продавать нам «плохие яблоки». Несколько дней спустя мы поняли, что финальной стадией

«жизни» яблок на Чукотке является предложение «свежеиспеченных пирожков», в которых нераспроданные и лежалые яблоки используются в качестве начинки.

Отсутствие аудита

Даже в сезон урожая и несмотря на ожидаемое понижение цен во время навигации вновь поступившие товары могут реализовываться по сильно завышенным ценам. Причиной тому служит, прежде всего, отсутствие конкуренции и контроля со стороны государственных надзорных органов, органов местного самоуправления, а также общественных объединений. В конце июля 2024 г. после частичной разгрузки генгруза в с. Ларентия появились свежие «сезонные» груши и яблоки по цене 1100 и 900 рублей за кг соответственно. Для сравнения укажем, что в Анадыре и в пгт Провидения в это же время цена была в два раза ниже. Такое положение, как вспоминают местные жители старшего поколения, резко контрастирует с советским временем, когда завоз продуктов был регулярным, цены определялись государством, проводились регулярная санитарная проверка торговых точек, проверка качества обслуживания, а также работа по выявлению и пресечению спекуляции. Так, в 2023 г. глава МУП СХП «Канчаланский» в одной из бесед рассказал, что в советские годы даже оленеводов было трудно чем-либо удивить: на вертолетах тундровикам в оленеводческие бригады завозили всё, вплоть до свежего винограда.

Искусство не продавать за пределами магазинов: аэропорт

Отсутствие или уменьшение, при наличии высокого спроса, объема продаж характеризует и другие сферы на Чукотке, например, логистическую. Так, билеты на некоторые авиарейсы компании-монополиста «ЧукотАВИА», которая осуществляет перевозку пассажиров внутри Чукотского автономного округа, не продаются заранее ни в кассах, ни на сайте. Несмотря на то, что на своем официальном сайте перевозчик декларирует, что открытие продажи билетов на рейсы из Анадыря начинаются за 30 дней до даты вылета, по факту это не соответствует действительности (Действующий план-график). В сущности, на рейс можно записаться в списке в аэропорту, а реально купить билет, а реально купить его можно исключительно в день вылета после подтверждения рейса. На практике же оказывается, что к моменту вылета все места уже «забронированы» и единственная возможность улететь в какое-либо село – это надеяться, что какой-то пассажир просто не пришел, решив добраться до места назначения альтернативным способом (например, по

воде в период навигации, на Трэколе или снегоходе в зимнее время), демонстрируя местным жителям «искусство не быть подвластным» (Scott 2009) не только социальным факторам и государству, но и природе.

В одной из групп в соцсетях жители ЧАО, устав от невозможности изменить ситуацию, поделились следующей информацией: «Нам (как и с. Усть-Белая. – *В.Д., О.Ш.*) тоже сегодня (5 ноября 2024 г. – *В.Д., О.Ш.*) отказали в дополнительном рейсе на с. Ламутское и Чуванское (из с. Марково. – *В.Д., О.Ш.*), потому что в с. Чуванское не готова полоса для самолета. Но ведь ЧукотАВИА прекрасно знает, что туда как два года не летает дашка (самолет ДНС-6. – *В.Д., О.Ш.*), потому что полоса не пригодна для самолета, только вертолет. Не будем опускать руки, конечно, но это просто кошмар! Нас столько пассажиров, следующий плановый рейс будет только 28 ноября, но возьмут из (уже записанных. – *В.Д., О.Ш.*) 15 человек только 6 отсюда, как быть? Почему не пустить вертолет, прислали же на Чукотку 2 вертолета, чтоб чаще выполнять рейсы, ни в одном глазу не видно. Раньше рейсы были раз в 2 недели в каждое село. Сейчас вот так страдаем. А что будет дальше? Раз в полгода? Или на оленях и собаках будем между селами перемещаться?»

Невозможность приобрести проездные документы заблаговременно (еще раз подчеркнем, что продажа билетов часто начинается только в день вылета после подтверждения рейса и только при наличии мест) наряду со сложными метеоусловиями создает для пассажиров ситуацию крайней неопределенности, влечет за собой сложность, даже невозможность, спланировать свое перемещение и распорядиться своим временем. Для приобретения билета «на посадку» необходимы изрядные навыки и умения, а само приобретение возможности имеет много общего с вышеупомянутыми представлениями охотников об удаче (Namayon 2012; Brandišauskas 2017).

«Искусство не продается!...»

На Чукотке вообще многое не продается, и это гордое восклицание русского писателя приобретает скорее оттенок грустной констатации факта. К примеру, во время экспедиции в с. Уэлен в июле 2023–2024 гг. авторы хотели приобрести изделие, выполненное резчиками легендарной Уэленской косторезной мастерской (официально – Центр развития народных промыслов «Уэленская косторезная мастерская»). Тем не менее на месте мы столкнулись с тем, что изделий Уэленской косторезки (будь то гравированные или резные вещи) не было в наличии, несмотря на практически полное отсутствие туристов или вахтовых рабочих в селе. Новые изделия, которые все же имелись и хранились у заведующего мастерской, которые резчики и граверы изготовили в течении года, показались, согласно четкому, переданному из окружного центра или с

материка списку директора, для экспонирования на выставках, в которых мастерская принимала участие. Кроме того, в селе наблюдался дефицит сырья, которое начиная с постсоветского времени ежегодно закупается в районном центре Чукотского района, а, собственно, клык-сырец заготавливают охотники морзверобойных общин «Лорино», «Лаврентия» и «Дауркин». Фактически в описанной ситуации пересекаются две взаимосвязанные и равнозначные задачи, решение которых сопряжено с проблемой двойного дефицита: дефицит сырья и дефицит изделий. Обмен остается важнейшей альтернативой купли-продажи на Чукотке и позволяет перераспределять ресурсы в условиях дефицита.

Искусство обмена

Укажем на тот факт, что на Чукотке до сих пор актуальны отношения обмена, причем речь идет не только и не столько о сохранившейся до сегодняшнего дня практике традиционного обмена продуктами оленеводства и зверобойного промысла морского зверя между жителями прибрежных районов и тундровиками (Bogoras 1904: 53; Богораз 1934; Kurnik 2000: 50), сколько об обмене различными ресурсами. В с. Уэлен, к примеру, косторез-частник выменивал у вахтовиков-строителей, возводивших новые коттеджи, остатки стройматериалов на свои художественные изделия. Каждый из участников такого бартерного обмена получил желаемое: косторез обеспечил себя материалами для постройки гаража, а рабочие приобрели дефицитные сувениры. В с. Канчалан, по словам руководителя одного из коммунальных предприятий села, стройматериалы время от времени обмениваются на продукты – оленину.

Заключение

Наблюдаемые сегодня в населенных пунктах Чукотки торговые отношения позволяют сделать выводы, заслуживающие отдельного внимания и дополнительного исследования:

1. Недостаток ассортимента, дефицит местные жители преодолевают за счет азарта, при этом покупка товаров приобретает эмоциональную окрашенность. Дефицит товаров в каком-то смысле компенсируется за счет позитивных эмоций от приобретения необходимых товаров.

2. В свою очередь, это подталкивает к важным выводам: в различных социокультурных средах покупка осмысливается по-разному, имеет различные ценностные и моральные характеристики. «Общество потребления» и экстенсивного использования в центрах, «купание» в изобилии, чрезмерность резко контрастируют с локальными практиками приобретения дефицитных товаров в удаленных селах Чукотки.

3. В качестве дефицита могут выступать не только продукты, стройматериалы, бытовые вещи, но и предметы народного декоративно-прикладного искусства. Ожидание изобилия не всегда совпадает с «тонкими настройками» (Bereznitsky 2022) реальности, определяемыми социальными, экологическими и культурными факторами.

4. В локальных и удаленных от окружного центра сообществах Чукотки не спрос порождает предложение, а наличие товаров «делает» рынок. При этом наличие товаров не всегда означает возможность покупки или продажи. Здесь все зависит от бесконечного количества факторов. Старое может означать новое – незаметно на рынок попадает «новая» «просрочка», примешиваясь к действительно свежим товарам и создавая тем самым иллюзию изобилия. Свежие же продукты могут быть выставлены, но не продаваться по причине отсутствия накладных и ценника.

5. На полках магазина отчетливо прослеживается разница в отношении центр – периферия, свидетельствующая о продовольственном неравенстве. В районном центре и удаленных селах количество товаров и ассортимент существенно отличаются.

В данном контексте отношения продавца и покупателя скрепляет не только и не столько факт продажи. Сама передача товара кому-то является длительным процессом, а не одномоментным явлением. Связь участников торговли друг с другом, а также с торговой точкой осуществляется также посредством отсутствия продажи. Именно то, что товар не продают, создает необходимость постоянного мониторинга мест возможной продажи, делает товар особенно желанным, а саму покупку – эмоционально воспринимаемой. В этом смысле собственно торговля в удаленных селах Чукотки в условиях множественных дефицитов товаров, площадей, топлива, средств передвижения, инфраструктуры, кадров является филигранным искусством.

Список источников

- А. А. Оздоровить работу Арктикснаба // Советская Арктика. 1936. № 6. С. 12–16.
- Аганов М.Г. Плазмагазины Обского Севера: ландшафты мобильности и режимы темпоральности // Антропологический форум. 2022. № 54. С. 160–190.
- Баранов Д.А., Гуляева Е.Ю. Об этнографическом описании пищи // *Experto crede Alberto*: сб. ст. к 70-летию Альберта Кашфулловича Байбурина. СПб.: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 46–65.
- Бергавинов С.А. О развращении советской торговли на Крайнем Севере // Советская Арктика. 1937. № 2. С. 3–13.
- Богораз В.Г. Чукчи. Авторизованный перевод с английского. Ч. I. Л., 1934.
- В. Ле-Мюр. Снабжение севера Якутии и Чукотки // Советская Арктика. 1935. № 2. С. 40–44.
- Васильева В.В., Гаврилова К.А. Обменные практики и социальные сети как механизмы преодоления дефицитов в локальных сообществах Таймыра и Камчатки // Антропологический форум. 2022. № 54. С. 99–131.
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А.Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000.

- Давыдова Е.А., Давыдов В.Н. Вторая жизнь продовольственных товаров: темпоральность пищи и парадоксы снабжения на Чукотке // Антропологический форум. 2022. № 54. С. 132–159.
- Действующий план-график открытия предварительной продажи, бронирования на рейсы, выполняемые АО «ЧукотАВИА» // Расписание. URL: <https://chukotavia.ru/ru/article/view/id/498> (дата обращения: 21.11.2024).
- Кадук Е.В. Рыночный обмен и практики дележа в Анабарском районе республики Саха (Якутия) // Этнографическое обозрение. 2017. № 6. С. 111–127.
- Марголин А.Б. О хозяйстве на Чукотке // Советская Арктика. 1936. № 6. С. 71–79.
- Научный архив МАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 531а.
- Хинчук Л.М. Внедрить на Крайнем Севере советскую культурную торговлю // Советская Арктика. 1937. № 3. С. 3–6.
- Ярзуткина А.А. «Тяжелый бизнес»: торговля алкоголем в селах Чукотки // Антропологический форум. 2022. № 54. С. 191–224.
- Berezniitsky S.V. Fine-tuning own world // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci. 2022. Vol. 15, № 2. P. 220–233.
- Bogoras W. The Chukchee. Material culture. New York, 1904.
- Brandišauskas D. Leaving Footprints in the Taiga: Luck, Spirits and Ambivalence among the Siberian Orochen Reindeer Herders and Hunters. London: Berghahn, 2017.
- Davydov V.N. Temporality of movements of northern Baikal reindeer herders, hunters and fishermen // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2012. № 6 (1). P. 27–47.
- Hamayon R.N. The Three Duties of Good Fortune 'Luck' as a Relational Process among Hunting Peoples of the Siberian Forest in Pre-Soviet Times // Social Analysis. 2012. Vol. 56, № 1. P. 99–116.
- Kopytoff I. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process // The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective / ed. by A. Appadurai. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 64–92.
- Krupnik I.I. Reindeer Pastoralism in Modern Siberia: Research and Survival During the Time of Crash // Polar Research. 2000. Vol. 19, № 1. P. 49–56.
- Liarskaya E. "Where Do You Get Fish?" Practices of Individual Supplies in Yamal as an Indicator of Social Processes // Sibirica. 2017. Vol. 16, № 3. P. 124–149.
- Scott J.C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. Yale University Press, 2009.
- Ssorin-Chaikov N. Two Lenins: A Brief Anthropology of Time. Chicago: University of Chicago Press, 2017.

References

- A. A. (1936) Ozdorovit' rabotu Arktiksna [Improve the work of ArktikSnab], *Sovetskaia Arktika*, 6, pp. 12–16.
- Agapov M.G. (2022) Plavmagaziny Obskogo Severa: landshafty mobil'nosti i rezhimy temporal'nosti [Floating Shops in The Ob North: Landscape of Mobility and Modes of Temporality], *Antropologicheskii forum*, 54, pp. 160–190.
- Baranov D.A., Guliaeva E.Iu. (2017) Ob etnograficheskom opisanii pishchi [On the ethnographic description of food]. In: *Experto crede Alberto: sb. statei k 70-letiiu Al'berta Kashfullovicha Baiburina* [Experto crede Alberto: collection of articles for the 70th anniversary of Albert Kashfullovich Bayburin]. St. Petersburg: Izd. Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 46–65.
- Bergavinov S.A. (1937) O razvertyvanii sovetskoi trgovli na Krainem Severe [On the development of Soviet trade in the Far North], *Sovetskaia Arktika*, 2, pp. 3–13.
- Bogoraz V.G. (1934) *Chukchi*. Avtorizovannyi per. s angliiskogo [Chukchi. Authorized translation from English]. Part I. Leningrad.

- V. Le-Miur (1935) Snabzhenie severa Yakutii i Chukotki [Supply of northern Yakutia and Chukotka], *Sovetskaia Arktika*, 2, pp. 40–44.
- Vasil'eva V.V., Gavrilova K.A. (2022) Obmennye praktiki i sotsial'nye seti kak mekhanizmy preodoleniia defitsitov v lokal'nykh soobshchestvakh Taimyra i Kamchatki [Exchange Practices and Social Networks as Means of Coping with Shortages in Local Communities of Taimyr and Kamchatka], *Antropologicheskii forum*, 54, pp. 99–131.
- Goffman I. (2000) Predstavlenie sebia drugim v povsednevnoi zhizni [The Presentation of Self in Everyday Life] / Transl. from English and Foreword by A.D. Kovalev. Moscow: «KANON-press-Ts», «Kuchkovo pole».
- Davydova E.A., Davydov V.N. (2022) Vtoraia zhizn' prodovol'stvennykh tovarov: temporal'nost' pishchi i paradoksy snabzheniia na Chukotke [The Second Life of Products: The Temporality of Food and Supply Paradoxes in Chukotka], *Antropologicheskii forum*, 54, pp. 132–159.
- Deistvuiushchii plan-grafik otkrytiia predvaritel'noi prodazhi, bronirovaniia na reisy, vypolniaemye AO «ChukotAVIA» [Current schedule for opening of advance sales, booking for flights operated by JSC ChukotAVIA], *Raspisanie* [Schedule]. Available at: <https://chukotavia.ru/ru/article/view/id/498> (Accessed 21 November 2024)
- Kaduk E.V. (2017) Rynochnyi obmen i praktiki delezha v Anabarskom raione respubliki Sakha (Iakutiia) [Market exchange and division practices in the Anabar region of the Republic of Sakha (Yakutia)], *Etnograficheskoe obozrenie*, 6, pp. 111–127.
- Margolin A.B. (1936) O khoziaistve na Chukotke [About the economy in Chukotka], *Sovetskaia Arktika*, 6, pp. 71–79.
- Nauchnyi arkhiv MAE RAN [Scientific archive of MAE RAS]. Fund K-V. List 1. File 531a.
- Iarzutkina A.A. (2022) «Tiazhelyi biznes»: torgovlia alkogolem v selakh Chukotki [A “Stressful Business”: Alcohol Trading in Chukotka Villages], *Antropologicheskii forum*, 54, pp. 191–224.
- Bereznitsky S.V. (2022) Fine-tuning own world, *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.* Vol. 15, no. 2, pp. 220–233.
- Bogoras W. (1904) *The Chukchee. Material culture*. New York.
- Brandišauskas D. (2017) *Leaving Footprints in the Taiga: Luck, Spirits and Ambivalence among the Siberian Orochen Reindeer Herders and Hunters*. London: Berghahn.
- Davydov V.N. (2012) Temporality of movements of northern Baikal reindeer herders, hunters and fishermen, *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 6 (1), pp. 27–47.
- Hamayon R.N. (2012) The Three Duties of Good Fortune ‘Luck’ as a Relational Process among Hunting Peoples of the Siberian Forest in Pre-Soviet Times, *Social Analysis*, Vol. 56, no. 1, pp. 99–116.
- Kopytoff I. (1986) The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process. In: *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective* / ed. A. Appadurai. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 64–92.
- Krupnik I.I. (2000) Reindeer Pastoralism in Modern Siberia: Research and Survival During the Time of Crash, *Polar Research*, Vol. 19, pp. 1, pp. 49–56.
- Liarskaya E. (2017) “Where Do You Get Fish?” Practices of Individual Supplies in Yamal as an Indicator of Social Processes, *Sibirica*, Vol. 16, no. 3, pp. 124–149.
- Scott J.C. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. Yale University Press.
- Ssorin-Chaikov N. (2017) *Two Lenins: A Brief Anthropology of Time*. Chicago: University of Chicago Press.

Сведения об авторах:

ДАВЫДОВ Владимир Николаевич – кандидат социологических наук, заместитель директора по научной работе, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия); научный сотрудник, Чукотский филиал

Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Анадырь, Россия).
E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

ШУЛЬГИНА Ольга Михайловна – младший научный сотрудник отдела этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: shulgina@kunstkamera.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Vladimir N. Davydov, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Saint Petersburg, Russian Federation), Chukotka branch of North-Eastern Federal University (Anadyr, Russian Federation). E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

Olga M. Shulgina, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: shulgina@kunstkamera.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 29 декабря 2024;
принята к публикации 30 января 2025.*

*The article was submitted 29.12.2024;
accepted for publication 30.01.2025.*

Научная статья
УДК 39
doi: 10.17223/2312461X/47/6

От яранги до коттеджа: динамика отношений между коренными жителями Чукотки и государством через призму истории архитектуры и строительства в национальных поселениях

Гавриил Николаевич Малышев

*Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия
g.malyshev@eu.spb.ru*

Аннотация. Исследуется динамика отношений коренных народов Чукотки (чукчей и эскимосов) с государством через призму трансформации архитектуры и строительства в их поселениях с древности до конца XX в. Используя подход архитектурной антропологии, автор анализирует жилища и инфраструктуру не как объекты материальной культуры, но как арены и инструменты социально-политических изменений. На основе исторических, этнографических, архивных данных и полевых наблюдений выделены ключевые этапы: контактно-традиционный период, период диффузии, период революционной модернизации и кризисный период – от автохтонного развития устойчивых форм жилищ (яранги, землянки), адаптированных к климату и хозяйственному укладу, до массового жилищного строительства и урбанизации, и последующего частичного возвращения к автономным стратегиям выживания на фоне краха централизованных инфраструктур в конце XX в. Автор показывает, как архитектура стала инструментом политики: от диалога с традициями в раннесоветский период до унификации в более поздний. В работе иллюстрируется инерция модернизации: в XXI в. регион снова оказался в эпицентре масштабного инфраструктурного проекта, наследующего советскому. Исследование демонстрирует противоречия между внешней экспертизой и локальным знанием и возможности их союзничества, выявляя отдельные успехи и неудачи в политике взаимодействия государственной власти и коренного населения на Чукотке.

Ключевые слова: Чукотка, коренные народы, архитектура, жилищная реновация, модернизация

Для цитирования: Малышев Г.Н. От яранги до коттеджа: динамика отношений между коренными жителями Чукотки и государством через призму истории архитектуры и строительства в национальных поселениях // Сибирские исторические исследования. 2025. № 1. С. 99–134. doi: 10.17223/2312461X/47/6

Original article

doi: 10.17223/2312461X/47/6

From Yaranga to Cottage: The Dynamics of Relations Between Indigenous People of Chukotka and the State Through the Lens of Architectural and Construction History in National Settlements

Gavriil N. Malyshev

European University at St. Petersburg, Russian Federation, g.malyshev@eu.spb.ru

Abstract. This article explores the dynamics of the relationship between the Indigenous peoples of Chukotka (Chukchi and Eskimos) and the state through the lens of architectural and construction transformations in their settlements from ancient times to the late 20th century. Using an architectural anthropology approach, the author analyzes dwellings and infrastructure not only as objects of material culture but also as arenas and instruments of socio-political change. Based on historical, ethnographic, archival data, and field observations, the study identifies key phases: the contact-traditional period, the diffusion period, the revolutionary modernization period, and the crisis period — tracing the transition from the autochthonous development of sustainable housing forms (yarangas, dugouts) adapted to the climate and economic practices, to mass housing construction and urbanization, followed by a partial return to autonomous survival strategies amid the collapse of centralized infrastructures in the late 20th century. The author demonstrates how architecture became a tool of policy-making: from a dialogue with traditions in the early Soviet period to strict unification in later years. The study illustrates the inertia of modernization, as the region in the 21st century once again became the focus of a large-scale infrastructure project inheriting the Soviet legacy. The research highlights the contradictions between external expertise and local knowledge, as well as the potential for their cooperation, revealing both successes and failures in the state's engagement with Indigenous communities in Chukotka.

Keywords: economic practices, agriculture, reindeer husbandry, indigenous people, Chukotka, Arctic

For citation: Malyshev, G.N. (2025) From Yaranga to Cottage: The Dynamics of Relations Between Indigenous People of Chukotka and the State Through the Lens of Architectural and Construction History in National Settlements. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 99–134. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/47/6

Введение

Жилище является популярным объектом антропологических исследований коренных народов Севера. Однако в этих работах фокус делается в основном на форме жилища, бытовавшей на доколониальном этапе развития изучаемых народов, отражающей его «традиционную» материальную культуру. В этой статье я хочу посмотреть иначе на строительство в поселениях коренных народов Чукотки, чукчей и сибирских эскимосов, представив его не в виде застывшего в «этнографическом

времени» слепка, а в динамике. Я ставлю перед собой задачу ознакомиться с путем, который прошла архитектура поселений региона от древности до конца XX в., по материалам историков, фотографов, этнографов, собственных наблюдений и архивным данным – с тем, чтобы проследить трансформацию отношений коренных народов с европейскими пришельцами, советской и российской властью. Гипотеза о возможности такого исследования опирается на подход архитектурной антропологии (Architectural anthropology 2021). Его авторы предлагают антропологам рассматривать здания не только как материальные объекты или даже активных участников социальной жизни, но и как непосредственно исследовательский инструмент (Yaneva 2021; Redrawing anthropology 2011). Изучение архитектуры жилищ и поселений в этой оптике – это не только ответ на вопрос о том, чем она «является» для населяющих и производящих её людей, но и о том, что она «делает» с этими людьми, какие социальные «ассамбляжи» производит, и следствием каких отношений является, на какие практики толкает. Таким образом, рассматривая, как менялась инфраструктура в местах проживания коренных народов Чукотки, я смогу связать внедрение новых архитектурных форм жителями, строителями и архитекторами – с общественно-политические процессы, которые пережил регион за последний век.

По меткому замечанию Слёзкина, «для превращения чукчей в российских подданных понадобилось полтора столетия торговли и двадцать лет коллективизации» (Слёзкин 2008: 34). Радикальные трансформации жилищ чукчей и эскимосов отражают процессы советизации Чукотки; потоки материалов и технологий, кардинально меняющие за непродолжительный период сельскую архитектуру, помогают подсветить утрату местными общинами автономии и их переход от самообеспечения к встраиванию в патерналистскую систему распределения благ. Моё исследование показывает, тем не менее, что процесс этот не был предрешенным и линейным – вместе с переменами в отношениях между властями Российского государства и коренными народами модернизационное давление на поселения то нарастало, то ослабевало, или даже обращалось вспять. Участие местных жителей в этих процессах тоже намного сложнее, чем простое подчинение: они умело адаптировали под свои нужды приносимые извне ресурсы, влияли на жилищную политику и использовали свои знания, выступая в разной степени соавторами архитектуры своих поселений.

В архитектурной и строительной ретроспективе, которую я опишу, отражается история отношений населявших Чукотку народов с соседями, переселенцами и государством. Применительно к поселениям чукчей и эскимосов (в советское время получивших статус «национальных сёл») эту историю можно разделить на следующие этапы: контактно-традиционный, диффузия, революционная модернизация. Меньше чем

за полвека чукчи и эскимосы пройдут путь от автономии и самообеспечения к полной зависимости от патерналистской системы распределения благ.

Контактно-традиционный период

С древности до второй половины XIX в. жители Чукотки развивали собственные архитектурные приемы и строительные технологии автохтонно, опираясь на местные материалы. Трансформации происходили медленно, эволюционно и были неразрывно связаны с изменениями в способах хозяйствования и культурным обменом между общинами и соседними народами.

Предки современных чукчей и эскимосов заселили крайний северо-восток Евразии в III–I тыс. до н.э. (Народы северо-востока 2010: 510, 588). К XVII в. эти народы проживали на обширных территориях, которые впоследствии будут названы Чукоткой: от рек Колыма и Омолон до берегов Тихого и Северного Ледовитого океанов. По роду занятий люди региона делились на оленных чукчей, ведущих кочевой образ жизни и промысляющих оленеводством, и приморских – оседлых чукчей и эскимосов, живущих охотой на морского зверя (Богораз-Тан 1934). В зависимости от типа хозяйства различалась и архитектура поселений. Оленные чукчи круглый год проживали в ярангах – покрытых шкурами мобильных жилищ с каркасом из жердей и меховым пологом внутри. Приморские чукчи и эскимосы жили в стационарных домах: землянках (нын'лю) и куполообразных ярангах (мын'тыг'ак') с каркасом из плавника и китовых челюстей, стены таких жилищ были укреплены каменной кладкой. Планировка как постоянных поселений, так и кочевых стойбищ имела четкую структуру, отражающую социальную иерархию: на первом месте стояло жилище представителей самого старого и знатного рода, остальные яранги выстраивались позади него в зависимости от старшинства и близости к лидеру (Леонтьев 1973: 81–83).

У оседлых приморских чукчей и эскимосов существовало два типа жилища: летнее и зимнее. В этом смысле даже «стационарный» поселок морзверобоев совершал цикличные кочевания ближе к морю в теплое время года, поэтому никого из коренных народов Чукотки нельзя назвать полностью оседлыми в сельскохозяйственном смысле этого слова (Слѣзкин 2008). Зимним жилищем нуклеарной приморской чукотской семьи был валкаран (небольшая полуземлянка по типу эскимосского нын'лю), более крупные дома, клерган, строились для проживания всего линиджа. Их конструкция напоминала эскимосский мын'тыг'ак' – стены на каркасе из китовых челюстей и рёбер. Летом эскимосы и приморские чукчи перебирались в небольшие четырёхугольные палатки пыльюк. Та-

кое архитектурное разнообразие часто игнорируется в литературе, в которой доминирует представление о ярангах как о единственной типологии жилища на Чукотке. Связано это с тем, что к моменту полноценного подчинения региона советской властью яранги действительно вытеснили большинство форм: зимние и летние жилища у приморских жителей стали различаться лишь типом покрытия: более теплые олени шкуры заменялись тонкими моржовыми в зависимости от сезона (Леонтьев 1973).

Как показывают данные археологии, архитектура селений Чукотки принципиально не менялась на протяжении столетий (Данилов 2021). К середине XIX в. отдельная семья стала основной единицей чукотского и эскимосского обществ, крупные коллективные дома были полностью вытеснены меньшими по размеру ярангами (Крушанов 1987). К началу XX в. зимние полуподземные жилища практически перестали строиться. Однако яранга, конструктивно схожая с постройками, которые находят археологи в древнейших стоянках, оставалась основным типом жилья чукчей и эскимосов и к середине XX в. Детство, проведенное в яранге, вспоминают и многие информанты пожилого возраста. Тем не менее нельзя сказать, что жилища были типовыми – они различались в зависимости от размера и достатка семьи, рода деятельности.

Поразительную устойчивость этой традиционной архитектуры можно объяснить двумя причинами. Во-первых, устройство этого жилища вырабатывалось эволюционно поколениями оленеводов и морзверобоев с тем, чтобы наилучшим образом соответствовать неизменному хозяйственно-бытовому укладу, постоянным климатическим условиям и ограниченному набору строительных материалов. Плавник – дерево, приносимое морем, жерди из растущих в лесотундре в верховьях Анадыря деревьев, олени шкуры, лахтачи ремни – все ресурсы для строительства можно было добыть внутри региона. Характерным признаком является конструктивная совмещенность жилищ и транспорта: во время перекочевки нарт объединялись с элементами яранги, образуя кибитку, по сути, полог на полозьях (Воробей, Хаховская 2022). Строительство на Чукотке к началу XX в. обуславливалось автономией поселений и обеспечивало комфортное существование в условиях самообеспечения. Ведь, во-вторых, внешние контакты общин с народами, имеющими принципиально другие архитектурные технологии, до XX в. были ограничены, что тормозило культурный обмен и технологические заимствования. Крупник и Членов обозначают этот период как «контактно-традиционный (contact-traditional)», подчеркивая, что аборигенные общины Чукотки к этому времени накопили обширный опыт контактов с внешним миром и уже имели доступ к иноземным артефактам через обмен и торговлю, но все-таки европейцы не жили среди них или поблизости на долгосрочной основе, поэтому эти социальные связи и материальные потоки оставались нерегулярными (Krupnik, Chlenov, 2013).

Несмотря на то, что первые контакты коренных народов Чукотки с русскими произошли еще в XVII в., а колонизация Российской империей основной части северо-востока Сибири и Аляски завершилась к середине XVIII в., коренные народы Чукотки до самой революции оставались на особом положении. Нанеся несколько военных поражений отрядам казаков, осаждая остроги, оленные чукчи вынудили Российскую империю отказаться от силового установления власти в регионе и были избавлены от обязательной оплаты ясака. Обретённые ими привилегии распространялись и на сибирских эскимосов и оседлых приморских чукчей, не участвовавших в антиколониальной войне, но и не выделяемых в отдельную группу в то время. Формально числившиеся зависимыми от Российского государства, чукчи и эскимосы не были его подданными – до основания в 1889 г. поста Новомариинск (будущий город Анадырь) на Чукотке отсутствовал какой-либо административный аппарат. Отдельные попытки православных миссионеров обратить коренное население в христианскую веру также не имели успеха. По результатам своих экспедиций конца XIX – начала XX в. Владимир Богораз подтверждал фактическую независимость населения Чукотки: «чукчи сохранили свой язык, материальную культуру и религию» и «чукотская народность, приморские с оленными вместе, является весьма первобытной». По его убеждению, тот факт, что «цивилизация» обошла Чукотку стороной, – залог выживания чукчей в «их бесплодных пустынях» (Богораз-Тан 1934).

Период диффузии

Со второй половины XIX в. по вторую половину XX в. устанавливаются регулярные внешние контакты, которые народы Чукотки используют для совершенствования собственных жилищ. Вместе с русскими и американскими торговцами и первыми «миссионерами советской власти» (Богораз-Тан 1934) в регион проникают европейские строительные технологии и новые материалы, которые аборигены адаптируют в своих постройках. Трансформации ускоряются, но остаются частью эволюционных процессов и «низовой» модернизации, направляемой коренными жителями по своему желанию.

XVIII–XIX вв. Первое проникновение европейской архитектуры: избы марковцев

Первым селом, застроенным домами европейского типа на территории Чукотки, стало Марково. Марковцы, или анадырьчики, русские старожилы, потомки смешанных браков казаков с местными народами, сохранившие русский язык и русское самосознание. В 1771 г. Российская

империя, по сути, признала поражение в колониальных войнах с чукчами, ликвидировала Анадырский острог и вывела гарнизоны. Однако некоторые русские первопроходцы оставались на берегах Анадыря и вне имперской юрисдикции. Они торговали с местным населением на ярмарках, взаимно ассимилировались с ними и, переняв навыки охоты и рыбалки, осели к середине XIX в. в Марково. Несмотря на отсутствие в этих местах хорошего леса, старожилы тем не менее продолжали возводить бревенчатые срубные избы, хотя и упрощенной конструкции: зачастую без пола и с плоской кровлей (Зуев 2014). Эти постройки уступали в теплоизоляции ярангам и землянкам аборигенов, да и строительство их за пределами небольшой лесной зоны Марковской низменности, в характерных для большей части региона условиях тундры было затруднительно, поэтому они не получили особого распространения вне Марково и факторий русских старожилов. Хотя не сказать, что технология не перемещалась: на старых фотографиях чуванского села Усть-Белая, основанного выходцами из Марково уже в тундровой зоне, видно использование аналогичных построек (Вдовин 1957). В результате торговли и обменов с русскими и креолами (чуванцами, марковцами, камчадалами) на Анюйской ярмарке в поселения чукчей и эскимосов стали проникать новые материалы: доски, гвозди, скобы и т.д. Они не оказали радикального влияния на архитектуру аборигенов, хотя и ускорили процесс модернизации жилых построек, особенно в сфере внутреннего убранства (Загоруйко 2005). Подстегнуло сближение строительных культур коренных и пришлых народов основание в 1889 г. Ново-Мариинска (будущий Анадырь); форпоста Российской империи, который возводился казаками из завозимых морем досок. На фотоотчете команды клипера «Разбойник», привезшего строительные материалы и персонал поста, видно, как чукчи из местного селения принимают активное участие в разгрузке и строительстве первого дома будущей столицы региона (Bunge, 1889). Архитектурно здание представляет собой каркасный пакгауз, обшитый досками и утепленный дёрном. Он был доставлен в разобранном виде на борту клипера. Именно легко транспортируемая корабельная доска, а не брёвна, станут основным материалом, с помощью которого береговые чукчи и эскимосы будут укреплять свои жилища. Интересно, что в современных сёлах Чукотки старые деревянные дома до сих пор называют «шхунь», что, вероятно, этимологически восходит именно к судостроительному происхождению российской архитектуры на Чукотке.

Конец XIX в. – 1920-е гг. Американское влияние

Основным поставщиком западных строительных технологий на Чукотку стали американцы. Богораз писал, что американское влияние на

тихоокеанском берегу чувствовалось гораздо сильнее российского, особенно в поселениях эскимосов, часто имевших родственников на американском острове Святого Лаврентия и Аляске (Богораз-Тан 1934). После продажи Аляски США в Беринговом море активизировались американские китобойи, которые вступали с местными в торговые отношения и даже нанимали коренное население Чукотки в качестве матросов на китобойные суда. В конце XIX в. зажиточные эскимосы стали приобретать у американских торговцев легкие дощатые дома с двускатной крышей и застекленными окнами, которые служили летним жильём, складом и символом статуса владельца (Народы северо-востока 2010: 598). Толчок проникновению американских строительных технологий и материалов на Чукотку дала Золотая лихорадка, привлёкшая на Аляску предпринимателей и авантюристов. Норвежский старатель Бенд Волл в 1902 г. переехал на Чукотку, поселился в чукотском селе Энурмино, женился на чукчанке и построил капитальный деревянный дом в форме яранги, но с печкой-буржуйкой, тремя комнатами, обоями и постелью (Шокарев 2022). Олаф Свенсон, золотоискатель из Нома, вел торговлю между берегами, с 1908 г. строил склады и дома на Чукотке, в том числе и покрытые листом гофрированного железа (Ярзуткина 2011). На снятых Форштейном в 1920-е гг. фотографиях заметно значительное количество американских домов, стоящих в эскимосских селениях наряду с мын'тыг'ак' и ярангами (Крупник, Михайлова 2006). Однако коммерческий китобойный промысел, на стыке веков включивший приморских чукчей и эскимосов в глобальные торговые потоки, в 1910-е гг. испытал сильнейший спад. Из-за этого отдельные семьи морзверобоев стали мигрировать на запад, ближе к русскому Ново-Мариинску, чтобы переориентироваться на более стабильную торговлю пушниной: так, в частности, в 1922 г. был основан эскимосский посёлок Уэлькаль.

1920–1930-е гг. Становление советской власти.

Архитектура коренизации

Установление советской власти на Чукотке шло медленно. Революционные события затронули только Анадырь, коренное же население оставалось за пределами контроля номинально существовавшей администрации. Это начало меняться в 1924 г., когда по инициативе Богоразы был создан Комитет Севера, в задачи которого входило и научное изучение жизни и нужд аборигенов, и управленческие и социально-экономические реформы. В первые годы существования РСФСР именно консервативная, задаваемая этнографами повестка будет определять политику молодого государства. Её целью было повышение благосостояния местного населения, воспитание национального самосознания, подготовка кадров для самоуправления при сохранении традиционного уклада

жизни и хозяйства (Вахтин 1993). Организовывались туземные советы – первая попытка советского институционализованного районирования и управления с привлечением местных кадров на Чукотке (Хаховская 2012). В 1928 г. на берегу залива Лаврентия усилиями Комитета Севера возвели Чукотскую культбазу, первую на Дальнем Востоке. Это был комплексный центр государственных услуг, включавший в себя школу-интернат, больницу, баню, жилые дома для персонала и факторию. Срубные постройки базы были выполнены из привезенных по морю брёвен, это были самые новые и комфортабельные строения в районе, изначально спроектированные как образцово-показательные населенные пункты, символ советской власти (Слёзкин 2008). Символический пафос заметен и в архитектуре здания первого Уэленского райкома: сруб имел сложную облицовку вагонкой, будто располагался в городе в центральной России (Шокарев 2024). Однако чужеродность капитальной инфраструктуры пришельцев отпугивала аборигенов, в особенности оленеводов, отказывавшихся отдавать детей в школу. Поэтому в 1929 г. Культбаза адаптирует архитектуру кочевников и создает Красные Яранги: мобильные центры обслуживания населения на базе традиционной яранги, но обогреваемые керосиновыми лампами, в которых было бы комфортно и приезжему специалисту, и туземцу (Хаховская 2012).

Главным архитектурным достижением того времени стало приспособление привнесенной извне европейской архитектуры к местным культурным и климатическим условиям путем мимикрии под традиционное жилище и заимствование туземных технологий. Политика коренизации, провозглашённая в 1920-е гг. в национальных республиках и автономиях, была направлена на наполнение «федеральных» органов власти местными исполнителями. Согласно лозунгам коренизаторов, вслед за Сталиным, общечеловеческая культура, к которой идёт социалистическое государство, должна была быть «пролетарская по своему содержанию, но национальная по форме» (Варнавский 2003). Эта политика имела и архитектурное выражение: современные исследователи выделяют как «архитектуру коренизации» распространенные в 1920–1930 гг. попытки «пришлых» советских зодчих использовать местные национальные мотивы в декоре и формообразовании при строительстве в районах с преобладанием нерусского населения (Лемытская 2018). Несмотря на то, что коренные малочисленные народы Севера в 1920-е гг. еще не обладали национально-территориальными административными образованиями, попытка архитектурной коренизации была и здесь.

Для нужд освоения Севера к 1928 г. бывший военный инженер Владивостокской крепости Владимир Алексеевич Свиньин разработал быстровозводимые щитовые дома, прозванные в народе «свиньями». Их главным достоинством была легкость в транспортировке и сборке: конструкция состояла из 66 фанерных секций-щитов, которые соединялись без гвоздей.

Для строительства не были нужны даже базовые плотницкие навыки, как в случае сруб, да и меньший вес фанеры по сравнению с брёвнами облегчал задачу перемещения. У коренных народов Свиньин позаимствовал круглую форму здания и коническую крышу: такой дом не так заносило снегом в пургу. Архитектор предусмотрел использование местных материалов: внутри, подобно яранге, фанерные стены предполагалось утеплять шкурами, снаружи – дёрном, а щели конопатить мхом.

Домики системы Свиньина строились по всему северо-востоку: на Сахалине, Колыме, Камчатке, в Хабаровске. В 1933 г. из «свиняг» была построена вторая культбаза на Чукотке: Чаунская (Хаховская 2018). Внешнее сходство здания с привычной ярангой должно было сделать новые институты не такими пугающими для чукчей и эскимосов. Но такое постепенное, осторожное развитие региона, учитывающее разнообразие и не ломающее традиционный уклад жизни и хозяйства, не устраивало «радикалов», сторонников ускорения промышленного освоения Арктики, и людей, отрицавших необходимость особого пути развития чукотских поселений. В 1935 г. Комитет Севера был ликвидирован, а в 1938-м комиссия большевиков раскритиковала состояние Чаунской культбазы, в том числе и за несоответствие архитектуры её символической миссии по представительству новой власти: «жилой фонд по своему внешнему виду и внутреннему содержанию равняющийся на примитивные яранги кочевников... напоминает грязный холодный цыганский табор, но не поселок важнейшего культурного учреждения для народов Севера» (ГАМО П-355). В 1940 г. база была закрыта. Мобильные домики Свиньина, тем не менее, еще некоторое время использовались в сёлах Чукотки: последний сохранившийся я обнаружил в посёлке Угольные Копи летом 2024 г. (рис. 1).

Рис. 1. Домик Свиньина 1930-х гг. постройки в посёлке Угольные Копи.
Фото автора

1930–1940-е гг. Централизация освоения Севера. СМП. Ускорение советизации

После ликвидации Комитета Севера управление Арктикой было передано Северному морскому пути (СМП). В рамках этого масштабного инфраструктурного проекта уникальные особенности культур коренных народов Севера уже не считались самоценными. Управленцы-технократы, пришедшие на смену этнографам, рассматривали аборигенное население как ресурс рабочей силы и знаний, без которого освоение Арктики невозможно (Вахтин 1993). На Чукотке строятся порты Певек, Провидения, Эгвекино, поселок Иультин, развивается Анадырь. В регион приезжают русские специалисты: строители, инженеры, геологи. Строительство ведёт и Дальстрой НКВД силами заключённых, с использованием как местного камня, так и завозимых по СМП строительных материалов (рис. 2). Политика в отношении аборигенов меняется соответственно, цель – коллективизация, для чего требуются перевод оленеводов-кочевников на оседлость и укрупнение поселений эскимосов и оседлых чукчей. Добыча морского зверя и оленеводство, разведение ездовых собак – продукты этих традиционных индигенных практик становятся необходимыми для прибывающих поселенцев. Для более эффективного с точки зрения советской власти хозяйствования на базе исторических оседлых поселений приморских чукчей и эскимосов начинается концентрация населения, формирование товариществ наподобие совхозов. Однако пока это происходит добровольно, крайне медленно, и затрагивает небольшое количество населения. Несмотря на громкие лозунги, в которых Северный морской путь изображался как грандиозный проект социалистического строительства, обещающий преобразить жизнь туземного пролетариата, на деле его деятельность была больше дискурсивной, чем инфраструктурной (Стась 2023). В новые поселки рабочая сила завозилась в основном извне, подготовка национальных кадров почти не велась: полярные станции и порты стали культурными центрами лишь для нескольких десятков коренных жителей Чукотки.

Меньше чем за полвека чукчи и эскимосы проходят путь от автономии и самообеспечения к полной зависимости от патерналистской системы распределения благ. Жилище из семейной и общинной собственности превращается во внешнюю по отношению к людям типовую государственную инфраструктуру. Происходит отчуждение людей от жилья: от традиций и самостоятельных форм строительства, от горизонтальных способов распространения знания и индивидуальных практик поддержания и модернизации жилища. Тем не менее расширение контактов, приток новых стройматериалов в эти годы привели к тому, что традиционная архитектура чукчей и эскимосов начала ускоренно модернизироваться самими хозяевами. В сёлах люди начали строить себе дома

«переходного типа», с засыпными стенами из тёса или дощечек упаковочной тары, наподобие домиков Свиньи́на.

Рис. 2. Построенный в 1940-е гг. силами заключенных Дальстроя дом для сотрудников, обслуживавших Иультинскую трассу. Фото автора

Наряду со шкурами, в качестве покрытия кровли стал использоваться рубероид, внутри некоторые устанавливали печи (Крушанов 1987: 191–192). Оленеводы заимствуют технологии геологической палатки: в стойбищах появляются яранги, покрытые брезентом и оборудованные буржуйками (Перевалова, Куканов 2018: 40). Со стороны власти упор делается на агитационной и просветительской работе: так, в 1940-е гг. традиционная яранга становится мишенью критики, согласно которой она «находится в полном противоречии с социалистической реконструкцией чукотского хозяйства, являясь большим тормозом в культурно-бытовом развитии коренного населения»; а проживающие в ней «влачат свою жизнь в дыме, сырости, холоде и темноте» (ГАМО П-22). Тем не менее технически отказ от яранг пока неосуществим, поэтому власть активно пропагандирует среди коренных жителей европейские гигиенические стандарты уборки и убранства в жилищах (Хаховская 2019). Невзирая на подобные усовершенствования строительство в национальных поселениях Чукотки до конца 1940-х гг. остаётся прежним: жилища строятся и ремонтируются семьями за свой счёт с использованием всех доступных

инструментов. Купольный дом с каркасом из жердей и покрытием из шкур, будь то эскимосский мын'тыг'ак' или чукотская яранга с меховым пологом внутри, по-прежнему является главным архитектурным сооружением Чукотки, обеспечивающим коренному населению автономию от какой-либо государственной жилищной политики. Некоторая эволюция этой архитектуры лишь иллюстрирует адаптивность аборигенов к меняющимся условиям.

До конца 1940-х гг. советская политика успешно трансформировала жизнь коренных народов Чукотки без видимого нарушения общественного строя и насилия: люди жили укладом близким к традиционному, в сёлах своих предков (Krupnik, Chlenov 2013: 343). Коллективизация к концу 1940-х гг. не была завершена, на Чукотке всё еще оставалось множество единоличных хозяйств. Однако напряженность нарастала: в 1947 г. сбежавшие заключенные строители Дальлага убили кочевую чукотскую семью, что усилило подозрительность чукчей по отношению к русским (Хаховская 2016). В 1949 г. вспыхнуло и было подавлено Берёзовское восстание – вооруженное выступление чукчей и эвенов села Берёзово против насаждения колхозной системы. Резким негативным изменением было также закрытие в 1948 г. границы с США из-за начавшейся холодной войны, из-за чего контакты эскимосов и приморских чукчей с американскими родственниками и торговцами были прекращены (Krupnik, Chlenov 2013: 341).

Период революционных модернизаций

Со второй половины XX в. по конец 1980-х гг. архитектурное развитие поселений Чукотки радикально меняется. На место постепенной внутренней эволюции приходит централизованное колониальное планирование извне, унифицирующее регион с другими территориями СССР. Коренные жители исключаются из архитектурной и строительной деятельности.

Был ли этот результат неизбежным следствием прихода в регион русских с их модернистской системой? Первые десятилетия отношений чукчей и эскимосов с советской властью показывают, что не обязательно. Штернберг и Богораз, стоявшие у истоков этих взаимоотношений, предостерегали от опасности быстрого столкновения культур, настаивали на важности творческого и индивидуального встраивания нового в традиционную жизнь народов Севера. Вслед за Миллером, Штернберг настаивал, что только сознательное, добровольное усилие по творческому усвоению внешних технологий обогащает заимствующую культуру, а механический перенос колониальной инфраструктуры для нее разрушителен (Керимова 2011).

Те же идеи заметны и в архитектуре. В первые десятилетия для советской власти была важна символическая составляющая архитектуры: она должна была соблазнять обещанием модерности, убеждать, а не обязывать. Государственная архитектура вступала в диалог с коренными жителями, адаптируясь к их привычкам, а не переламывая их: так появляются ярангообразные домики Свиньиной и Красные Яранги. Этот подход творческой передачи инноваций частично сохраняется даже в период коллективизации и массового жилищного строительства: колхозники участвовали в возведении собственных домов вместе с профессиональными строителями и даже частично оплачивали работы (25% от стоимости), что, по задумке модернизаторов, должно было помочь им присвоить привнесенную извне инфраструктуру. Однако позднесоветская индустриализация и урбанизация окончательно порвали с идеями родоначальников Комитета Севера, перейдя к массовому производству унифицированного советского человека через механическое распространение унифицированной материальной среды. В 1990-е гг. модернность отступает, но шок от её резкого сжатия вынуждает правительство пойти на экстренные меры: в 2000-е гг. в регион приходит новая волна модернизации, противопоставляющая себя советской власти, но в реальности выступающая её логичным продолжением.

1950–1960-е гг. Перелом: коллективизация и массовое жилищное строительство

Благодаря ли своей удаленности, стараниям Богораза, или даже начавшейся Второй мировой войне, но чукчи и эскимосы практически избежали репрессий и выселений первой половины XX в., в отличие от жителей большинства регионов Советского Союза. Но коллективизация, разрушившая до этого традиционный уклад народов по всему СССР, добирается и сюда – с запозданием, в 1950-е гг. В эти годы строятся колхозные сёла: на этот раз принудительно оленеводов переводят на оседлость, морзверобоев концентрируют в выбранных «сверху» локациях. Политика ликвидации «неперспективных» деревень, разрушившая исторические очаги расселения и в средней полосе России, на Чукотке стимулировалась и геополитическими реалиями холодной войны: эскимосские поселения Наукан, Уназик, Имаклик были перемещены, оказавшиеся на новых местах люди лишались привычных способов промысла (Krupnik, Chlenov 2013: 354). Кроме того, при строительстве новых сёл не учитывались и особенности грунта – чукчи и эскимосы располагали свои жилища на сухих бугорках, скальных породах, тогда как колхозные постройки могли ставить прямо на тундре, в результате чего мерзлота под ними начинала таять.

Важно отметить, что, хотя переезд людей из сёл своих предков и носил директивный характер, он не был насильственным. Советские чиновники устраивали народные сходы в сёлах, планируемых к закрытию, на которых убеждали людей, что перемещение необходимо для развития экономики и уровня жизни – и люди соглашались (Krupnik, Chlenov 2013: 355). Аргумент был в первую очередь логистический: представители власти объясняли, что доставка материалов для строительства нового жилья на крутые скалы Наукана невозможна, а Уназик часто подвергается затоплению и испытывает нехватку пресной воды, поэтому предлагалось переехать в новые поселения. За 20 лет знакомства с новой властью люди уже впитали дискурс об отсталости своих жилищных условий по сравнению с домами приезжих русских, имели и возможность сравнения, поэтому большинство действительно были не против перебраться из традиционных жилищ в срубы. Кроме того, людям обещали, что новые поселки будут создаваться с учетом их пожеланий и вблизи старых – что не было исполнено. Противники переезда понимали, что сопротивление бесполезно, большинство же встретило новости пассивно – основные решения принимали просоветские активисты.

В сёлах (и новых, и сохраняемых старых) развернулось массовое жилищное строительство. Колхозные села застраивались преимущественно срубными индивидуальными жилыми домами из бруса или бревна по типу традиционных для русских деревень изб с печным отоплением (рис. 3). Архитектурная политика привела к усреднению, приведению национальных поселений Чукотки к единому для всего СССР виду. Вместе с русификацией эти преобразования теперь двигали регион к цели формирования «новой исторической общности — советского народа», монолитного единства вокруг русского народа (Вахтин 1993). Строительство изб в этом смысле было частью «цивилизаторского» проекта, в котором национальные бытовые привычки, санитарно-гигиенические особенности уклада признавались отсталыми. Проводилась работа по «перевоспитанию», обучению навыкам ведения домашнего хозяйства. По всему Северу была введена система обязательного интернатского образования, детей насильно забирали из стойбищ и небольших сёл, отрывая от семьи и приучая к европейским «чистоте и порядку» (Лярская 2003).

Буквально за пару десятилетий в образе жизни коренного населения произошёл коренной перелом. Традиционные формы ведения хозяйства были разрушены, а местные сообщества оказались в зависимости от государственной системы (Holzlehner 2010). Родной язык оказался вытеснен русским, многие черты национальной культуры были утрачены. Катастрофичность последствий этой политики упоминается в многочисленных исследованиях, подтверждает это и проведенные мной интервью. Мои информанты старшего возраста застали этот период, и до сих

пор с болью вспоминают пережитый шок. В ходе своего полевого исследования летом 2024 г. я слышал истории, как детей прятали в оленеводческих ярангах, лишь бы не отдавать в интернат.

Рис. 3. Типовой рубленый жилой дом
1960-х гг. постройки в селе Уэлькаль. Фото автора

Информанты помнят, как скучали по семье и тундре, обучаясь вдали от дома, и сетуют, что в школах им запрещали говорить на родном языке. Интересны воспоминания людей о том, как они в первый раз увидели капитальный деревянный дом, и какое удивление это вызвало. Одна моя информантка тогда подумала «какие странные русаки, живут в бочках», другая, будучи тогда ребенком, сравнивала стекло на окне со льдинкой. Мне рассказывали, как было сложно привыкнуть к приготовлению пищи в помещении и к тому, чтобы спать на кроватях, а не на полу. Семьи информантов участвовали в возведении себе избы вместе с приезжими плотниками, задача которых была таким образом обучить людей технологиям поддержания и ремонта сруба. Вспоминают люди и о комиссиях, которые могли без приглашения зайти в дом, оценить качество уборки и вывесить иногда позорящие оценки на всеобщее обозрение. Мои собеседники рассказывали, какой непривычной после интерната и жизни в поселке начинала казаться яранга: приученные к новым гигиеническим требованиям, некоторые мои информанты уже и не думали о том, чтобы

вернуться в тундру, с горечью осознавая разрыв с собственной культурой.

Этнографические работы даже советских авторов-современников содержат сведения о том, с каким трудом шло «изживание» выработанных в яранге практик, и о том, как люди пытались самостоятельно приблизить колониальную архитектуру к привычной путем пристроек, размещения мехового полога внутри и даже установки яранги рядом с домом (Вдовин 1963; Леонтьев 1973). Несмотря на то, что большинство добровольно отказалось от своей традиционной архитектуры в пользу советских колхозных домов, выяснилось, что качество строительство оставляло желать лучшего – и люди самостоятельно усовершенствовали постройки, адаптируя их для привычной жизни. «Многие дома сдавались в эксплуатацию недоделанными и утеплялись в процессе обживания. В связи с этим в домах ставили меховой полог, надстраивали порог у дверей, навешивали вторые двери, наглухо замазывали форточки и т.д. Привычка находиться в жилом помещении полуголыми и сидеть на полу изживается очень медленно» – писал этнограф Вдовин в 1960-х гг. (Вдовин 1963). В научных изданиях тех лет образ сельского жителя рисуется двойственным: с одной стороны, это отсталый туземец, которого советская власть облагодетельствовала, вырвала из антисанитарии; с другой – это сознательный и рукастый знаток своей земли, который понимает в строительстве на ней больше приезжих мастеров, и в состоянии сам исправить недостатки архитектурного проекта. Стены таких домов, прозванных в народе шхунами (видимо, по аналогии с деревянными судами), впоследствии люди самостоятельно утепляли и штукатурили.

1970–1980-е гг. Урбанизация: индустриальное домостроение

В 1953 г. Чукотка стала национальным округом в составе Магаданской области. Политикой государства стало ускоренное развитие экономики региона, добыча ископаемых, воспитание трудовых ресурсов из местного населения с тем, чтобы «догнать» другие регионы страны: это представление о Чукотке и других северных районах не как об особенных, но как об отстающих проявилось и в строительстве, апогей которого пришелся на брежневское время. Позднесоветские подходы к строительству в национальных сёлах Чукотки шли в едином ритме со всей страной, а именно – курсом на укрупнение и урбанизацию (Богданова 2013). Развитию инфраструктуры способствовал приток в регион приезжих специалистов, занятых в строительстве, охране границы и добыче ресурсов. Эти люди, с одной стороны, привносили ранее не характерные для Чукотки стандарты качества среды из столиц и крупных городов, создавая здесь спрос на аналогичные условия. С другой стороны, они же и привозили необходимые для «преодоления отставания» компетенции.

Преобразование сёл должно было обеспечить условия жизни, по комфортабельности сравнимые с городскими, а сельское население должно было быть «перевоспитано» в горожан: коренные народы были окончательно лишены возможности формировать заброс на архитектуру и участвовать в её производстве. Так в чукотские и эскимосские поселения пришло градостроительство: посёлки интенсивно застраивались и благоустраивались по генеральным планам, причем в застройке стали преобладать многоквартирные двухэтажные жилые дома из бруса (Крушанов 1987). Во многих сёлах в эти годы строятся инфраструктуры центрального отопления, водоснабжения и канализации.

Вместе с таким очевидным углублением унификации происходит и обратный процесс – возникновение региональной Чукотской архитектуры. Вызванный индустриализацией и расширением добычи ресурсов стремительный рост городов и рабочих посёлков в регионе привел к острому жилищному кризису, ответом на который стало создание местных архитектурных, проектных организаций, домостроительных комбинатов, строительно-монтажных управлений. Индустриальное домостроение, ставшее возможным благодаря появлению в Анадыре завода железобетонных изделий, заполнило улицы городов и крупных поселков Чукотки панельными домами региональной серии «Арктика» разработки треста Северного морского пути «Арктикстрой» совместно с местным СМУ (строительно-монтажным управлением) «Анадырьстрой» (Носков 2013). При производстве стеновых панелей использовался местный щебень и песок, кроме того, местные проектировщики позволили себе неслыханный для типовой жилой архитектуры советского модернизма декор стен (рис. 4).

В национальных сёлах к концу 1980-х также было начато строительство спроектированных специально для них одноэтажных двухквартирных панельных домов (рис. 5), на которые со временем предполагалось заменить большинство изб (Носков 2013). Планам помешал реализоваться распад СССР, но в Новом Чаплино успели построить целую улицу. Но в отличие от деревень средней полосы, в которых переход людей из изб в многоквартирные дома, как показывает Богданова (Богданова 2013), шел затруднительно и не был успешен, коренные жители Чукотки, для которых и избы были недавно введенной инновацией, без сопротивления переселились в квартиры. К закату СССР национальные сёла Чукотки потеряли всякую автономию от государства, став полностью зависимыми от внешней поддержки инфраструктуры и жилья специалистами и органами власти. Тем не менее эта патерналистская система снабжения была налажена эффективно: в каждом селе при совхозе была своя строительно-ремонтная бригада, которая обеспечивала ремонт и поддержание жилого фонда, закупала необходимые материалы. Сотрудниками этих бригад были как правило приезжие специалисты, но

заинтересованные представители коренного населения имели возможность перенять у них компетенции.

Рис. 4. Декор стен панельного дома «Арктика»
1970-х гг. постройки в Анадыре. Фото автора

С помощью переноса проектных и строительных предприятий в Анадырь советская власть на своём излёте пыталась добиться того, чтобы проекты могли быть адаптированы к местным условиям. Некоторые успехи в децентрализации строительства касались прежде всего учёта климатических и геологических особенностей: фундаменты приспособливают к вечной мерзлоте, в производстве панельных домов начинают задействовать местные материалы. Однако по отношению к аборигенам в национальных сёлах эта архитектура становилась абсолютно внешней.

Нет большой разницы, где ведутся проектные работы: в Ленинграде или в Анадыре, если местные полностью исключены из этого процесса. Не участвуют они больше и в возведении многоквартирных домов на месте, за них это полностью делают приезжие рабочие.

Рис. 5. Панельный дом 1980-х гг. постройки в селе Новое Чаплино. Фото автора

Показательно, что на протяжении всего этого периода ни один этнографический отчёт не обходится без робкой, но все же критики массового жилищного строительства. Правда, проблематизируется скорее реализация этой политики, а не идея вообще. Как достижение изображается переселение «из яранг». Сложности, которые испытывают аборигены при насильственном переводе на европейский образ жизни в новых домах и поселках, этнографы описывают как временные, связанные с косностью мышления оленеводов, медленно изживающих свои привычки (Вдовин 1963; Леонтьев 1973). Им противопоставляется интернатская молодежь, с охотой переезжающая в квартиры и обставляющая их по общесоветской «интернациональной» моде. Любопытно, что этот патерналистский пафос соседствует с кратким упоминанием, как людям самим приходится исправлять недочёты строительства. Образ сельского жителя рисуется двойственным: с одной стороны, это «отсталый туземец», которого советская власть облагодетельствовала, вырвала из антисанитарии; с другой – это сознательный и рукастый «знаток своей земли», который понимает в строительстве на ней больше приезжих мастеров и в состоянии сам исправить недостатки архитектурного проекта.

Из текста в текст кочует декларация необходимости учитывать специфику «хозяйственно-бытового уклада» и коренные знания об особенностях местности. Впрочем, все это остаётся на уровне лозунга в отчётах. Как можно учесть традиционный уклад в проекте, основной целью которого является с этой традицией порвать?

1990-е гг. Кризис. Ветшание инфраструктуры и неопределенность

Первое постсоветское десятилетие на Чукотке – период тяжелейшего экономического кризиса. На фоне ослабления центральной власти и стихийной децентрализации, связанной с переходом страны на рыночные и демократические рельсы, регион столкнулся с проблемами финансирования. В этот момент проявились недостатки проводимой в предыдущие десятилетия политики. Крайняя зависимость инфраструктуры Чукотки от внешнего снабжения в новых условиях практически сразу обернулась кризисом во всех сферах жизни: дефицитом товаров, топлива, продуктов и строительных материалов (Hill, Gaddy 2003). Неопределенность 1990-х гг., начавшаяся с оптимизма, связанного с наступлением эпохи гласности и всплеском низовых инициатив, вскоре перешла в состояние апатии, сопровождающейся массовым отъездом из региона и голодом (Вахтин 2023). Без инвестиций в поддержание инфраструктуры теплосети, электроснабжение, водопровод и канализация стали стремительно ветшать и выходить из строя – созданная за предыдущие десятилетия модернность стремительно отстывает (Карасёва 2018). Лишившиеся финансирования строительного-монтажные управления и службы ЖКХ переставали работать, оставляя жилые дома без ухода. Ликвидация совхозов, служивших в деревнях гарантами социальной защиты и оказания хозяйственных услуг, привела к краху налаженной системы предоставления благ жителям (Hannigan 1995).

«Мы, жители с. Канчалан, возмущены тем, что постоянно отключают электричество. Поселок отключен полностью от связи, нет отопления. Люди разводят костры на улицах. В квартирах холод, взрослые и дети болеют. Жители села брошены на выживание» – такие коллективные обращения местных к губернатору региона публиковала газета Крайний Север (Канчалан 1999). Люди, даже в сёлах привыкшие к европейским стандартам жизни, столкнулись с резким откатом в соцобеспечении на уровень начала XX в. Коренные жители, еще помнящие свой быт вне системы советского патернализма, да и более молодые люди по наставлению своих родителей стали возвращаться к традиционным практиками добычи пропитания охотой и рыбалкой, чтобы избежать голода, о чем вспоминают мои информанты и что фиксируют и посещавшие в 1990-е гг. регион этнографы (Krupnik, Vakhtin 2002).

В 1990-е гг. численность населения снижалась по всей Чукотке, но темпы выбытия горожан значительно превышали сельские цифры (Фавстрицкая 2022). Жители сельских поселений, как и коренные, оказались устойчивее горожан и населения посёлков городского типа: у людей старшего возраста были опыт и умения справляться без государства. Необходимость выживания вынудила некоторых приезжих перенять местные практики, что создало среди них связь с этим местом. Тысячи же приезжих предпочли переехать «на материк», освободив жильё на Чукотке – множество рабочих поселков было ликвидировано. Новое строительство в этих условиях потеряло всякий смысл: вся недавно созданная проектная и производственная база была свернута, а трест «Арктикстрой», курировавший проектирование для Чукотки, был ликвидирован в 1991 г. (РГАЭ 1994). Оборудованные печами старые срубленные дома стали прибежищем для людей в холодные дни, когда угольные ТЭЦ в селах переставали работать или перемерзли трубы. Информанты рассказывали мне, что буржуйки начали устанавливать даже в квартирах. Жители сел снова стали тяготеть к автономии, на этот раз вынужденно, трансформируя устройство зданий. Кроме того, тогда же в сёлах региона началось самостоятельное строительство теплиц и сараев для выращивания овощей и ведения подсобного хозяйства, позволяющего меньше зависеть от поставок продовольствия в магазины, причем для возведения часто вторично использовались материалы от закрывающейся централизованной инфраструктуры: совхозных и военных построек, транспортных контейнеров (рис. 6).

Рис. 6. Теплица, построенная в 1990-е гг. из вторичных материалов в селе Амгуэма. Фото автора

Важнейшей позитивной переменной, которую принесли 1090-е, стало открытие границ с соседями, начавшиеся контакты и культурный обмен коренного населения с Аляской, Канадой, Гренландией. В ходе такой «народной дипломатии» чукчи и эскимосы посещали национальные села по другую сторону Берингова пролива, в обратную сторону же шла гуманитарная помощь и финансирование институтов самоуправления коренных народов Севера (Ramseur 2017). Мои информанты рассказывали о культурном шоке, который они испытали от качества жизни в американских посёлках. Отдельное впечатление на них тогда произвели американские коттеджи, ухоженные и просторные в сравнении с обветшавшими рублеными домами и квартирами.

В 1992 г. Чукотка вышла из состава Магаданской области и стала равноправным субъектом Российской Федерации. Эта децентрализация тем не менее не принесла жителям региона возможности самоуправления: региональный авторитаризм, вскоре установленный губернатором Назаровым, привел к восстановлению жёсткого контроля за перемещениями людей и идей (Rethmann 2004). Трансграничный обмен всё-таки сохранился на уровне органов власти: Назаров несколько раз посещал США, в ответ с официальным визитом приезжали и американские делегации. Для возможности демонстрации гостям собственных успехов в управлении регионом Назаров запланировал сделать одно из ближайших к Анадырю и самое маленькое национальное село Краснено образцово-показательным. Для этого в 1998 г. по его поручению на Аляске начали закупать и устанавливать в Краснено американские каркасные коттеджи, однако из-за нехватки средств проект «потемкинской деревни» так и не был доведен до конца (Басов 2013). Тем не менее вместе с установившимися приграничными контактами (впервые с 1920-х гг.) на Чукотку стали проникать американские строительные технологии, а население стало знакомиться с американской архитектурой: сайдинг, каркасное строительство, принудительная вентиляция. Кроме того, коренные жители начинают пробовать себя в предпринимательстве: у людей вновь появляются частные олени и возможность независимого от государства дохода. Отдельные люди в 1990-е гг. самостоятельно решают свои жилищные проблемы: так, в селе Амгуэма мне показывали обшитый металлическим сайдингом коттедж, который построил для себя состоятельный фермер на свайном поле, заложенном в советское время под совхозное строительство, хотя такие примеры единичны.

Крушение патерналистской системы в 1990-е гг. обнажило уязвимость инфраструктуры, созданной советской модернизацией, и, напротив, устойчивость традиционных народных форм хозяйствования. В условиях кризиса сёла оказались гораздо устойчивее городов. Получив «скелет скукожившегося социального государства» (Humphrey 1998), жители национальных сёл стали возвращаться к утраченной автономии,

вспоминая традиционные практики добычи пищи, самостоятельного обогрева и поддержания дома. Показательна и живучесть яранги – перевод от бытового кочевания к производственному совхозному не привел к исчезновению традиционных жилищ, несмотря на сетования этнографов на «неблагоприятные условия жизни оленеводов» в них. Многократные попытки ввода современных форм мобильного балка на полозьях не увенчались успехом в стойбищах, а в 1990-е гг. яранги снова стали частью сельского ландшафта (рис. 7).

Рис. 7. Современная яранга и нарты в селе Амгуэма. Фото автора

Несмотря на множество проблем, связанных с распадом централизованных систем снабжения, самоустранением региональной власти от

жилищной политики (за исключением отдельных проектов презентации себя вовне), в этой неопределенности была и надежда на новые формы хозяйствования. Инфраструктура стремится быть невидимой, и обнажается лишь при поломке (Larkin 2013). В 1990-е гг. эти сбои дали людям повод задуматься об эффективности, создавшей эти инфраструктуры патерналистской политики, и начать брать ответственность на себя, преодолевая отчуждение от жилья. Конец 1990-х жители Чукотки встречают в ожидании перемен: кто-то строит новое будущее, кто-то хочет возврата в прошлое (Вахтин 2023). Последующая эпоха Абрамовича принесет и то и другое, оставив после себя совершенно новые архитектурные следы.

2000-е гг. Канадские коттеджи: новая волна модернизации

Короткий период отступления модерности завершился, когда регион возглавил Роман Абрамович, с первых же дней начавший новую волну масштабной инфраструктурной модернизации. Молодой бизнесмен пришел в кризисный регион в 1999 г., избрался в местную думу, а на следующий год, одержав победу, стал губернатором Чукотки. Запущенный почти сразу модернизационный проект Абрамовича, согласно Томпсону, разделил общество на три группы: приезжие молодые эксперты-технократы, советские специалисты-переселенцы и представители коренных народов (Thompson 2009). Каждая из групп получила свою территориальную привязку в рамках соответствующей политики. Для первых Абрамович строил современную столицу, город Анадырь, не уступавший по уровню сервиса Москве или Санкт-Петербургу. Вторым предлагались комфортные условия для переезда из региона, а поселки городского типа, откуда они уезжали, закрывались или управляемо сжимались до нескольких микрорайонов. Третьи же должны были стать выгодополучателями проекта комплексной реновации национальных сёл: в них сносилось жилье, построенное в первые десятилетия советской модернизации, и строились каркасные коттеджи по канадской технологии (рис. 8). Ограниченный срок модернизационного проекта раскрывал реальную пользу, которую он нес для Абрамовича в отсутствие значительных доходов от недр: символическую. Преображение Чукотки стало популярным сюжетом в российских и международных СМИ, создавая олигарху положительную репутацию благотворителя и эффективного управленца, защищая его от возможных репрессий (Thompson 2009). Губернатору нужно было продемонстрировать, что он умеет эффективно решать проблемы, но демонстрация эта была направлена не столько внутрь региона, сколько вовне. Поэтому модернизаторы были в основном озабочены строительством видимых материальных объектов, а не невидимых институтов: федеральная власть в Москве должна была

наблюдать результаты трансформации и верить в её успех. Для этого они должны были получать яркую медийную упаковку. Визуальный образ современности, создаваемой реформаторами, был направлен на вкусы таких же журналистов и управленцев «с материка», которым он должен быть понятен и которых в первую очередь он должен был впечатлить.

Рис. 8. Коттеджи 2000-х гг. постройки в селе Новое Чаплино. Фото автора

Деревянные дома как индивидуальные, так и многоквартирные, построенные в 1950-е и 1960-е гг., были признаны аварийными и подлежали сносу, независимо от их реального физического состояния и желания жильцов. Аварийность зданий – это не только юридический статус, но и индивидуальное восприятие, и даже инструмент, используемый для преобразования территорий в экономических и политических целях (Филип, Глазков 2024). Что касается внешнего вида и состояния жилого фонда, из которого делался вывод о необходимости сноса, сам Абрамович и его команда могли руководствоваться собственным представлением о допустимых жилищных условиях. *«Когда выходишь и видишь ситуацию, хочется что-то сделать. Я не видел ничего хуже того, что видел там, в своей жизни»:* так объяснял свою мотивацию сам губернатор в интервью журналистам (Smith, 2006). Представления губернатора о норме и аварийности могли привести к тому, что реновация жилого фонда стала бы приоритетным решением. Необходимость же тотальной замены срубов на «коттеджи» можно объяснить демонстрационным, символическим характером политического проекта губернатора. На заданный в 2002 г. вопрос журналиста *«что сегодня на Чукотке вам интереснее всего»* Абрамович прямо ответил: *«сейчас – стройка, потому что здесь виден достаточно быстрый результат»* (Коновалов 2002). Желание сделать свой управленческий труд видимым часто толкает власти на демонстрационные строительные проекты (Larkin 2013). Особен-

ность политического контекста Чукотки в 2000 г. была в том, что зритель, который должен был видеть работу команды губернатора, находился не внутри региона – в первую очередь это была федеральная власть в Москве. Таким образом, архитектурный образ, создаваемый в рамках проекта реновации, должен был быть считан и понят столичной элитой, должен был впечатлять журналистов, и при этом отражать представления о хорошем самой команды модернизаторов – молодого городского высшего и среднего класса. В те годы эту функцию наиболее эффективно играл именно коттедж. Описывая модели потребления «новых русских», формирующегося в 1990-е гг. класса новой элиты (банкиров, чиновников, предпринимателей, представителей организованной преступности), Каролайн Хамфри выделяет именно коттедж в качестве центрального маркера идентичности (Хамфри 2010: 202–230).

Еще один способ объяснить, почему именно реновация жилого фонда стала основным продуктом модернизации Абрамовича на селе, предложил мой информант, молодой региональный чиновник в Анадыре, уроженец села Сиренки: *«У Абрамовича была идея такая, он хотел, чтобы каждый стал собственником своего жилья отдельного, жил в коттедже... При массовой застройке Советский Союз понял в свое время, что дешевле и проще строить многоквартирные дома. Коллективизация, все вместе, у нас все общее, ничего своего нет. А у Абрамовича была идея, что каждый должен отвечать за своё имущество, снова стать собственником. Возможно, в этом он видел проблему коллективизации, что никто ни за что не отвечает. Условно говоря, если ты живешь в многоквартирном доме, то за тебя обязаны убирать, то есть тебе должны постоянно всё ремонтировать, отопление внутри дома, всё что захочешь, всё должны тебе заменить. Последствия интернатной системы тоже, что все должны обеспечивать полностью твое существование, а ты можешь ничего не делать. Идея же Абрамовича была в том, что люди стали собственниками. Я помню, этот лозунг периодически звучал в то время, в начале 2000-х»* (ПМА). С точки зрения моего информанта, жилищная реновация была идеологическим проектом, направленным на преодоление последствий советской коллективизации, и имела воспитательную функцию – собственный коттедж должен был сделать человека ответственным хозяином, а не государственным иждивенцем. Это рассуждение наследует старой советской/российской традиции идей средового детерминизма, ставших популярными после революции 1917 г. и опиравшихся на марксистский материализм, которые выражаются в простом лозунге «бытие определяет сознание» (Маркс, Энгельс, 1959: 7). Этой формулой руководствовались и руководствуются до сих пор политики и проектировщики, пытаясь заниматься социальной инженерией через архитектурные и инфраструктурные проекты,

она же часто используется для объяснения политического смысла завершённых урбанистических проектов (Lähteenmäki, Murawski 2023). Насколько в действительности такие рассуждения у команды Абрамовича имели место – сказать сложно, хотя это вполне вписывается в первоначальные стремления его администрации к снижению объемов государственной социальной поддержки и повышению экономической автономности региона.

Основной архитектурной типологии коттеджных посёлков, в которые переселялись жители национальных сёл из квартир и старых срубов, были обитые сайдингом и покрытые металлочерепицей одноэтажные каркасные дома по канадской технологии на фундаменте из домкратов, прозванные в народе «канадскими/американскими коттеджами», «коттеджами Абрамовича» или просто «коттеджами». Некоторые архитектурные детали зданий различаются в сёлах в зависимости от компании-подрядчика, возводившего здания: цвет отделки, материалы кровли, конструкция фундамента и планировки вариативны, но деревянная каркасная конструкция и обшивка сайдингом – почти универсальна. На выбор конкретных архитектурных решений также влияли экономические, политические, логистические и идеологические факторы. Но главное, что архитектура американского частного дома соответствовала вкусам самого Абрамовича и членов его команды. Одной из первых построек нового тысячелетия на Чукотке стала личная резиденция губернатора: построенный канадской архитектурно-строительной фирмой Fergusson Simek Clark (FSC) двухэтажный деревянный каркасный коттедж на берегу Анадырского лимана. Лаконичные формы, отсутствие ярких цветов, простые белые двери: Абрамович происходил из той вестернизированной части российской элиты, которая дистанцировалась от показной помпезности богатства, предпочитая образ прагматичных и трудолюбивых профессионалов. Хамфри указывала, что в коттеджной архитектуре «новых русских» еще в 1990-е наметился этот конфликт: барочной эстетике «нового купечества воображаемой империи» противостоял визуальный минимализм «рафинированных европейцев, входящих в мировую бизнес-элиту» (Хамфри 2010). Капиталистическая модель потребления, в которой материальные объекты, такие как личные дома, становятся инструментами, посредством которых люди осознают себя и конструируют своё «Я», любопытно преломляется в контексте Чукотки: заказывая себе строительство минималистичной государственной резиденции, губернатор выступает как частное лицо, но распространяет собственные эстетические вкусы и предпочтения в качестве нормативных на весь подвластный регион. В этом смысле строительство коттеджей в национальных сёлах, ведущееся по проектам того же канадского бюро FSC и подражающих им местной Чукотской торговой компании, представляется логичным следствием культурной гегемонии конкретного

класса молодых управленцев. Лаконичная стилистика, свойственная резиденции губернатора в Анадыре, – лишь первое проявление нового негласного архитектурного стандарта, установленного для всей Чукотки, включая частные коттеджи людей в национальных селах: ведь их заказывают не сами жители и владельцы, а всё та же команда модернизаторов.

Помимо коттеджей, в национальных сёлах возводились и новые центры образования. Работы также выполняла канадская FSC. Несмотря на то, что местные жители остались довольны качеством строительства школ, и до сих пор с гордостью показывают их приезжим, жильё вскоре после строительства показало себя не с лучшей стороны. Современная каркасная технология оказалась новой для России, хотя на Чукотке в 1950-е строились отдалённо похожие по своему устройству каркасно-засыпные дома, но они считались непригодными для постоянного проживания, ими пользовались военные. В результате такого технологического экспорта при строительстве были допущены ошибки. Вновь, как в 1950-е, не были учтены условия местности: входы располагали на подветренной стороне, так, что дверь промерзала. Кроме того, из-за особенностей каркасной конструкции – пленки паро/влагоизоляции в стенах, плохо сделанной вентиляции и нарушенной точки росы внутри дома стали образовываться конденсат, плесень и налесь. Люди пытаются своими силами решить проблемы, однако испытывают нехватку строительных материалов. Неопределённым остаётся и статус коттеджей – из-за плохого качества строительства большинство жителей сёл не стали их приватизировать, надеясь на помощь государства в решении проблем.

Заключение

Трансформации архитектуры, инфраструктуры и планировки поселений Чукотки являются не просто проекцией отношений государства с коренными народами, они – важный инструмент этих отношений. На протяжении веков строительство для чукчей и эскимосов оставалось исключительно практическим знанием – тем, что Джеймс Скотт называет *metis* (Скотт 2005: 642). Такое знание было динамичным и пластичным, потому легко абсорбировало новые материалы и технологии, привносимые русскими и американскими пришельцами. Советская власть в начале пути в регионе пыталась строить свои институты с опорой на местное знание, которое привлекало своей адаптивностью к условиям местности. С другой стороны, свои инновации большевики преподносили как «дар модерности», стремясь завоевать лояльность коренных жителей. Однако дальнейшее стремление к централизации, углублению контроля и эксплуатации ресурсов Чукотки, вместе с притоком приезжего населения, привело к полному игнорированию *metis* со стороны

власти и установлению доминирования внешней технической экспертизы (*tehne*) в архитектурной сфере Чукотки. Вместе с тем со временем проявляются ограничения этого модернистского строительного знания, и его пытаются локализовать, правда, на базе создаваемых некоренных институтов, перемещая проектирование из столиц в Анадырь, отдавая его в руки приезжих специалистов. *Metis* на низовом уровне не исчезает, он остается востребованным для адаптации внешней инфраструктуры к реалиям «на земле». После распада СССР его роль ещё более возрастает, однако полного возвращения к локальному знанию не происходит – если раньше оно было способно полностью обеспечивать поселения, то в 1990-е может лишь поддерживать жизнь на фоне краха инфраструктур. В поисках нового *tehne* и коренные жители, и региональная власть обращаются к соседним странам Запада. Вся история строительства в регионе в течение XX в. – это сложные колебания между *metis* и *tehne*, и долгосрочное доминирование второго оказывается невозможным без первого. Учёт этого опыта важен для устойчивого развития национальных сёл в XXI в., однако мои наблюдения в ходе полевой работы летом 2024 г. показали, что архитекторы новой модернизации периода Абрамовича вновь пытались решить задачи исключительно с опорой на внешнюю экспертизу, и роль *metis* снова оказалась сведена к смягчению последствий доминирования *tehne* в проектировании. В 2000-е гг. жители национальных сёл Чукотки оставались в глазах государства пассивными получателями инфраструктурных благ извне, их же собственная строительная экспертиза и знания местности игнорировались, что вновь сказалось на качестве строительства. Ветшание и построенных в нулевые «коттеджей Абрамовича» вновь открывает развилку – пойти путем очередной модернизационной волны или попробовать создать устойчивую систему поддержания и обновления жилого фонда и инфраструктуры, невозможную без возвращения агентности коренным жителям национальных сёл и использования их опыта и умений в строительстве.

Список источников

- Басов Е. Краснено. К сердцу Чукотки – 2013. URL: <https://basov-chukotka.livejournal.com/32074.html>
- Народы северо-востока Сибири / отв. ред. Е.П. Батянова, В.А. Тураев. М.: Наука, 2010.
- Богданова Е. Антропология деревенской двухэтажки: от исследования жилища к исследованию сообщества // Вдали от городов. Повседневная жизнь постсоветской деревни / под ред. Е. Богдановой, О. Бредниковой. СПб.: Алетейя, 2013. С. 105–126.
- Богораз-Тан В.Г. Чукчи. Л.: Институт народов Севера, 1934.
- Варнавский П. Границы советской бурятской нации: «Национально-культурное строительство» в Бурятии в 1926–1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков // *Ab imperio*. 2003. № 1. С. 149–176.
- Вахтин Н.Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб., 1993.
- Вахтин Н.Б. Социально-экономическая неопределенность 1990-х годов на Чукотке как проблема и как ресурс // *Неприкосновенный запас*. 2023. № 151. С. 59–91.

- Вдовин И.С. Домик чуванца, с. Усть-Белая, 1957 г. Фото Вдовина И.С. // Научный архив МАЭ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 17.
- Вдовин И.С. Некоторые данные о современном хозяйстве и культуре чукчей // Советская этнография. 1963. Т. 1. С. 39–48.
- Воробей И.Е., Хаховская Л.Н. Конструктивная ассоциация палеоазиатского нартенного транспорта и мобильного жилища в эволюционном и модернизационном аспектах // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 1 (56). С. 182–192.
- Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. П-22. Оп. 1. Д. 180. Л. 47; Д. 188. Л. 80–49.
- ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 18. Л. 9.
- Данилов Г.К. Морфология наземных жилищ западной Чукотки: от мезолита к современности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2021. Т. 3, № 4 (12). С. 132–141.
- Загорюлько А.В. Трансформация жилищ азиатских эскимосов в XIX–XX вв. // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 58–63.
- Зуев А.С. Русские на крайнем северо-востоке Сибири в XVII – начале XX века: динамика, направления и результаты этнокультурной адаптации в иноэтничной среде // Сибирь и Русский Север. Новосибирск, 2014. С. 55–87.
- Канчалан, коллективное обращение, «В холоде и голоде...» // Крайний Север. 1999. № 40. 01 октября. Ст. 2.
- Карасева А.И. Разомкнутая модернность: коммунальная авария в сенсорном ландшафте северного поселка городского типа // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 122–146.
- Керимова М.М. О создании журнала «Этнографическое обозрение» (1889–1916) (по архивным материалам В.В. Богданова) // Антропологический форум. 2011. № 15-online. С. 397–412.
- Коновалов В. Чукотка: в поисках смысла, III часть // Чукотка – прекрасный и... суровый край. 2002. 21 октября. URL: <https://www.chukotken.ru/articles/item66.html>
- Крупник И., Михайлова Е.А. Пейзажи, лица и истории: эскимосские фотографии Александра Форштейна (1927–1929 гг.) // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 188–219.
- Крушанов А.И. История и культура чукчей. Л.: Наука, 1987.
- Лемьтская Д.Е. Вопросы выявления и сохранения национальной идентичности в архитектуре Сибири (на примере Республики Хакасия) // Урбанистика. 2018. № 4. С. 1–8.
- Леонтьев В.В. Хозяйство и культура народов Чукотки (1958–1970 гг.). Новосибирск: Наука, 1973.
- Лефевр А. Производство пространства. М., 2015.
- Ляльская Е.В. Северные интернаты и трансформация традиционной культуры (на примере ненцев Ямала): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
- Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии. Сочинения. Т. 13. М., 1959.
- Носков А. Анадырь – столица Чукотки. Памятная книга трудовой славы столицы Чукотского автономного округа. К 130-летию со дня основания города. 2013. Публичная библиотека им. Тана-Богораза.
- Опарин Д.А. Вариативность современного ритуального пространства Нового Чаплино и Сиреников, Чукотка: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2015.
- Переалова Е.В., Куканов Д.А. Мобильное жилище чукчей-оленьеводов: традиции и новации // Уральский исторический вестник. 2018. № 3. С. 40–49.
- Полевые материалы автора (ПМА). Анадырь, Эгвекинот, Амгуэма, Уэлькаль, Новое Чаплино, июль-сентябрь 2024.
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 420. Оп. 1. Транспорт: Государственный трест по строительству и монтажу предприятий «Арктикстрой» Минморфлота СССР. 1946–[1991]. URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/6075>

- Скотт Д. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005.
- Слѣзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Стась И. Северный морской путь и коренное население Севера в раннесоветскую эпоху // Северные морские пути России / ред. В. Васильева, К. Гаврилова. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 301–354.
- Фавстрицкая О.С. Российский опыт пространственной трансформации региональных экономических систем: урбанизация Крайнего Северо-Востока России // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2022. № 3. С. 120–126.
- Филип А.В., Глазков К.П. Институт аварийности на примере жилищного фонда Перми: неформальные правила и ожидания акторов // Городские исследования и практики. 2024. Т. 9, № 4. С. 63–81.
- Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России. Антропологические очерки. М.: Наталис, 2010.
- Хаховская Л.Н. Коллективизация оленеводческих хозяйств Чукотки в 1940-х гг. // География, география, биологическое разнообразие и ресурсы Северо-Востока России. Магадан, 2016. С. 358–361.
- Хаховская Л.Н. Морские зверобои Чукотки в период первоначальных советских реформ // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 168–182.
- Хаховская Л.Н. Советская модернизация и гендерные сдвиги в чукотском обществе в середине XX века // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2019. № 4. С. 118–125.
- Хаховская Л.Н. Чаунская культурная база: советский проект и его реализация // Диалог со временем. 2018. Вып. 63. С. 300–313.
- Шокарев С.Ю. Норвежец Бенд Волл о торговле на Чукотке в начале XX века // Культурологический журнал. 2022. № 4 (50). С. 17–26.
- Шокарев С.Ю. Фотоальбом А.А. Кампана – источник по истории береговой Чукотки начала 1930-х годов // Кунсткамера. 2024. № 3 (25). С. 102–120.
- Ярзуткина А.А. Формы и характер торговли американских предпринимателей с коренными жителями Чукотки в конце XIX – начале XX века // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. № 8 (9). С. 34–49.
- Hannigan J. National Villages In Chukotka: Marginalized and Forgotten, or New Prospects for Economic Well-Being? // Management, Technology and Human Resources Policy in the Arctic (The North). Dordrecht: Springer Netherlands, 1995. P. 405–412.
- Hill F., Gaddy C. The Siberian curse: does Russia's geography doom its chances for market reform? // Brookings Review. 2003. Vol. 21, № 4. P. 23–28.
- Holzlehner T. Engineering socialism: a history of village relocations in Chukotka, Russia // Engineering Earth: the impacts of megaengineering projects. Dordrecht: Springer Netherlands, 2010. P. 1957–1973.
- Humphrey C. The Collective Farms after Socialism // Humphrey C. Marx Went Away But Karl Stayed Behind. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. P. 444–481.
- Redrawing anthropology: Materials, movements, lines / ed. by T. Ingold. Ashgate Publishing, Ltd., 2011.
- Krupnik I., Chlenov M. Yupik transitions: Change and survival at Bering Strait, 1900–1960. University of Alaska Press, 2013.
- Krupnik I., Vakhtin N. In the 'house of dismay': Knowledge, culture, and post-Soviet politics in Chukotka, 1995–96 // People and the land: Pathways to reform in post-Soviet Siberia. Berlin, 2002. P. 7–43.
- Larkin B. The politics and poetics of infrastructure // Annual review of anthropology. 2013. Vol. 42, № 1. P. 327–343.

- Lähteenmäki M., Murawski M. Blagoustroistvo: infrastructure, determinism, (re-) coloniality, and social engineering in Moscow, 1917–2022 // *Comparative Studies in Society and History*. 2023. Vol. 65, № 3. P. 587–615.
- Ramseur D. *Melting the ice curtain: The extraordinary story of citizen diplomacy on the Russia-Alaska frontier*. University of Alaska Press, 2017.
- Rethmann P. A dream of democracy in the Russian Far East // *In the Way of Development: Indigenous Peoples, Life Projects, and Globalization*. 2004. P. 256–278.
- Architectural anthropology: exploring lived space / eds. by M. Stender, C. Bech-Danielson, A.L. Hagen. Routledge, 2021.
- Thompson N. *Settlers on the edge: identity and modernization on Russia's Arctic frontier*. UBC Press, 2009.
- Smith D. (2006, December 24). Inside the hidden world of roman's empire // *The Observer*. Retrieved January 20. 2025. URL: <https://www.theguardian.com/world/2006/dec/24/sport.football>
- Yaneva A. *The Method of architectural anthropology // Architectural Anthropology. Exploring Lived Space*. Londres y Nueva York: Routledge, 2021. P. 13–29.

References

- (1889) *Album of the Clipper Ship Razboinik*. Anadyr Russian Federation Chukotka Autonomous Okrug, 1889. [Alexander von Bunge] Retrieved from the Library of Congress, <https://www.loc.gov/item/2018693719/>.
- Basov E. Krasnoe. K serdu Chukotki – 2013 [Elektronnyy resurs] Available at: <https://basov-chukotka.livejournal.com/32074.html>
- Batyanova E.P., Yuraev V.A. (eds.) (2010) *Narody severo-vostoka Sibiri* [Peoples of the Northeast of Siberia]. Moscow: Nauka, 2010.
- Bogdanova E. (2013) Antropologiya derevenskoy dvukhetazhki: ot issledovaniya zhilya k issledovaniyu soobshchestva [Anthropology of the Village Two-Story House: From the Study of Housing to the Study of Community]. In: *Vdali ot gorodov. Povsednevnyaya zhizn' postsovetskoy derevni* [Far from Cities: Everyday Life in the Post-Soviet Village], edited by E. Bogdanova and O. Brednikova. Aletheia, St. Petersburg, pp. 105–126.
- Bogoraz-Tan V.G. *Chukchee* (1934) *Institute narodov severa* [The north nations institute], Leningrad, p. 91.
- Danilov G.K. (2021) Morfologiya nazemnykh zhilyshch zapadnoy Chukotki: ot mezolita k sovremennosti [The Morphology of Terrestrial Dwellings in Western Chukotka: From the Mesolithic to the Present]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Istoricheskie nauki* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences], vol. 3, no. 4 (12), pp. 132–141.
- Favstritskaia O.S. (2022) Rossiiskii opyt prostranstvennoi transformatsii regional'nykh ekonomicheskikh sistem: urbanizatsiia Krainego Severo-Vostoka Rossii [Russian Experience Of Spatial Transformation Of Regional Economic Systems: Urbanization Of The Far North-East Of Russia], *Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra DVO RAN*, 3, pp. 120–126.
- Filip A.V., Glazkov K.P. (2024) Institut avariinosti na primere zhilishchnogo fonda Permi: neformal'nye pravila i ozhidaniia aktorov [Assigning “Emergency Status” to Perm Housing Stock: Informal Rules and the Expectations of Actor], *Urban Studies and Practices*, Vol. 9, no. 4, pp. 63–81.
- GAMO, Fund P-355, List 4, File 18, p. 9
- Hannigan J. (1995) National Villages In Chukotka: Marginalized and Forgotten, or New Prospects for Economic Well-Being? In: *Management, Technology and Human Resources Policy in the Arctic (The North)*. Dordrecht: Springer Netherlands, pp. 405–412.
- Hill F., Gaddy C. (2003) The Siberian curse: does Russia's geography doom its chances for market reform? *Brookings Review*, Vol. 21, no. 4, pp. 23–28.

- Holzlehner T. (2010) *Engineering socialism: a history of village relocations in Chukotka, Russia // Engineering Earth: the impacts of megaengineering projects*. Dordrecht: Springer Netherlands, pp. 1957–1973.
- Humphrey C. (1998) The Collective Farms after Socialism. In: Humphrey C. *Marx Went Away But Karl Stayed Behind*. Ann Arbor: University of Michigan Press, pp. 444–481.
- Humphrey C. (2010) *Postsovetskie transformatsii v aziatskoi chasti Rossii. Antropologicheskie ocherki* [Post-Soviet Transformations in Asiatic Russia. Anthropological Sketches]. Moscow: Natalis.
- Ingold T. (ed.) (2011) *Redrawing anthropology: Materials, movements, lines*. Ashgate Publishing, Ltd.
- Kanchalan, kollektivnoe obrashchenie, "V holode i golode..." [Kanchalan, collective appeal, "In cold and hunger..."], *Krajnij Sever*, 1999. no. 40. 01.10. article 2/
- Karaseva A.I. (2018) Razomknutaya modernost': kommunal'naya avariya v sensorom landshafte severnogo poselka gorodskogo tipa [Disrupted Modernity: A Utility Accident in the Sensory Landscape of a Northern Urban-Type Settlement]. *Antropologicheskii forum*, 38, pp. 122–146.
- Kerimova M.M. (2011) O sozdanii zhurnala "Etnograficheskoe obozrenie" (1889–1916) (po arkhivnym materialam V.V. Bogdanova) [On the Creation of the Journal "Ethnographic Review" (1889–1916) (Based on Archival Materials of V.V. Bogdanov)]. *Antropologicheskii forum*, 15-online, pp. 397–412.
- Khakhovskaia L.N. (2016) Kollektivizatsiia olenevodcheskikh khoziaistv Chukotki v 1940-kh gg. [Collectivization of reindeer herding farms in Chukotka in the 1940s.]. In: *Geologiya, geografiia, biologicheskoe raznoobrazie i resursy Severo-Vostoka Rossii* [Geology, Geography, Biodiversity and Resources of the North-East of Russia]. Magadan, pp. 358–361.
- Khakhovskaia L.N. (2018) Chaunskaya kul'turnaia baza: sovetskii proekt i ego realizatsiia [Chaun Cultural Base: The Soviet Project And Its Implementation], *Dialog so vremenem*, 63, pp. 300–313.
- Khakhovskaia L.N. (2019) Sovetskaia modernizatsiia i gendernye sdvigi v chukotskom obshchestve v seredine XX veka [Soviet Modernization And Gender Shifts In The Chukchi Community In The Middle Of The Twentieth Century], *Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra DVO RAN*, 4, pp. 118–125.
- Khakhovskaya L.N. (2012) Morskie zverboi Chukotki v period pervonachal'nykh sovetskikh reform [Maritime Hunters of Chukotka During the Initial Soviet Reforms]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 6, pp. 168–182.
- Konovalov V. (2002) Chukotka: v poiskakh smysla, III chast' [Chukotka: In Search of Meaning, Part III], *Chukotka – prekrasnyi i... surovyy kraj*. 21 October. Available at: <https://www.chukotken.ru/articles/item66.html>
- Krupnik I., Chlenov M. (2013) *Yupik transitions: Change and survival at Bering Strait, 1900–1960*. University of Alaska Press.
- Krupnik I., Mikhailova E.A. (2006) Peizazhi, litsa i istorii: eskimosskie fotografii Aleksandra Forshteina (1927–1929 gg.) [Landscapes, Faces and Stories: Eskimo Photographs by Alexander Forshtein (1927–1929)], *Antropologicheskii forum*, 4, pp. 188–219.
- Krupnik I., Vakhtin N. (2002) In the 'house of dismay': Knowledge, culture, and post-Soviet politics in Chukotka, 1995–96. In: *People and the land: Pathways to reform in post-Soviet Siberia*. Berlin, pp. 7–43.
- Krushanov A.I. (1987) Khozyaystvo i kultura chukchey [The Economy and Culture of the Chukchi]. Leningrad: Nauka.
- Lähteenmäki M., Murawski M. (2023) Blagoustroistvo: infrastructure, determinism, (re-) coloniality, and social engineering in Moscow, 1917–2022, *Comparative Studies in Society and History*, Vol. 65, no. 3, pp. 587–615.
- Larkin B. (2013) The politics and poetics of infrastructure, *Annual review of anthropology*, Vol. 42, no. 1, pp. 327–343.

- Lefebvre H. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space]. Moscow.
- Lemytskaya D.E. (2018) Voprosy vyavleniya i sokhraneniya natsional'noy identichnosti v arkhitekture Sibiri (na primere Respubliki Khakasiya) [Issues of Identifying and Preserving National Identity in Siberian Architecture (Using the Example of the Republic of Khakassia)]. *Urbanistika*, 4, pp. 1–8.
- Leontyev V.V. (1973) *Khozyaystvo i kultura narodov Chukotki (1958–1970 gg.)* [The Economy and Culture of the Peoples of Chukotka (1958–1970)]. Novosibirsk: Nauka.
- Liarskaia E.V. (2003) *Severnye internaty i transformatsiia traditsionnoi kul'tury (na primere nentsev Iamala)*. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk [Northern boarding schools and transformation of traditional culture (on the example of the Nenets of Yamal). Abstract of the dissertation of candidate of historical sciences]. St. Petersburg.
- Marx K., Engels F. (1959) K kritike politicheskoi ekonomii [A Contribution to the Critique of Political Economy]. *Sochineniia*. Vol. 13. Moscow.
- Noskov A. (2013) Anadyr' – stolica Chukotki. Pamyatnaya kniga trudovoj slavy stolicy Chukotskogo avtonomnogo okruga. K 130-letiyu so dnya osnovaniya goroda. 2013. Publichnaya biblioteka im. Tana-Bogoraza
- Oparin D.A. (2015) *Variativnost' sovremennogo ritual'nogo prostranstva Novogo Chaplino i Sirenikov, Chukotka* [Variability of Contemporary Ritual Space in Novo-Chaplino and Sireniki, Chukotka]. PhD dissertation in History, Moscow State University.
- Perevalova E.V., Kukanov D.A. (2018) Mobil'noe zhilye chukchey-olenevodov: traditsii i novatsii [Mobile Housing of Reindeer-Herding Chukchi: Traditions and Innovations]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 3, pp. 40–49.
- Polevyte materialy avtora (PMA). Anadyr', Egvekinot, Amguema, Uel'kal', Novoe Chaplino, iyul'-sentyabr' 2024. [Author's field materials July-September 2024]
- Ramseur D. (2017) *Melting the ice curtain: The extraordinary story of citizen diplomacy on the Russia-Alaska frontier*. University of Alaska Press.
- Rethmann P. (2004) A dream of democracy in the Russian Far East. In: *In the Way of Development: Indigenous Peoples, Life Projects, and Globalization*. pp. 256–278.
- Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 420, Transport: Gosudarstvennyy trest po stroitel'stvu i montazhu predpriyatij "Artikstroj" Minmorflota SSSR. 1946-[1991] Available at: <http://guides.rusarchives.ru/node/6075>
- Scott D. (2005) *Blagimi namereniyami gosudarstva: pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya usloviy chelovecheskoy zhizni* [Seeing Like a State: Why and How Improvement Schemes Have Failed]. Moscow.
- Shokarev S.Iu. (2022) Norvezhets Bend Voll o torgovle na Chukotke v nachale XX veka [Norwegian Bend Voll About Trade In Chukotka At The Beginning Of The 20th Century], *Kul'turologicheskii zhurnal*, 4 (50), pp. 17–26.
- Shokarev S.Iu. (2024) Fotoal'bom A.A. Kampana — istochnik po istorii beregovoi Chukotki nachala 1930-kh godov [A. A. Kampan's Photo Album As A Source On The History Of Coastal Chukotka In The Early 1930s], *Kunstkamera*, 3 (25), pp. 102–120.
- Smith D. (2006, December 24). Inside the hidden world of roman's empire. *The Observer*. Retrieved January 20, 2025, from <https://www.theguardian.com/world/2006/dec/24/sport.football>
- Slezkin Y. (2008) *Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa* [Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Stas' I. (2023) Severnyi morskoi put' i korennoe naselenie Severa v rannesovetskuiu epokhu [The Northern Sea Route and the Indigenous Population of the North in the Early Soviet Era]. In: *Severnye morskoe puti Rossii* [Northern Sea Routes of Russia] / Vasil'eva V., Gavrilova K. (eds.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 301–354.
- State Archives of Magadan Region (GAMO), Fund P-22, List 1, File 180, p. 47; File. 188, pp. 80–49.
- Stender M., Bech-Danielson C., Hagen A.L. (ed.) (2021) *Architectural anthropology: exploring lived space*. Routledge.

- Thompson N. (2009) *Settlers on the edge: identity and modernization on Russia's Arctic frontier*. UBC Press.
- Vakhtin N.B. (1993) *Korennoe naselenie Kraynego Severa Rossiyskoy Federatsii* [Indigenous Population of the Far North of the Russian Federation]. St. Petersburg.
- Vakhtin N.B. (2023) Sotsial'no-ekonomicheskaya neopredelennost' 1990-kh godov na Chukotke kak problema i kak resurs [The Socio-Economic Uncertainty of the 1990s in Chukotka as a Problem and a Resource]. *Neprikosnovennyi Zapas*, 151, pp. 59–91.
- Varnavskiy P. (2003) Granitsy sovetskoy buryatskoy natsii: "Natsional'no-kul'turnoe stroitel'stvo" v Buryatii v 1926–1929 gg. v proektakh natsional'noy intelligenstsiy i natsional-bolshevikov [The Borders of the Soviet Buryat Nation: "National-Cultural Construction" in Buryatia in 1926–1929 in the Projects of the National Intelligentsia and National Bolsheviks]. *Ab Imperio*, 1, pp. 149–176.
- Vdovin I.S. (1963) Nekotorye dannye o sovremennom khozyaystve i kulture chukchey [Some Data on the Contemporary Economy and Culture of the Chukchi]. *Sovetskaya Etnografiya*, 1, pp. 39–48.
- Vdovin I.S. Domik chuvanca, s. Ust'-Belaya, 1957 g. Foto Vdovina I.S. *Scientific archive of MAE RAS*. Fund 36. List 1. File 17.
- Vorobey I.E., Khakhovskaya L.N. (2022) Konstruktivnaya assotsiatsiya paleoaziatskogo nartennogo transporta i mobil'nogo zhilya v evolyutsionnom i modernizatsionnom aspektakh [The Constructive Association of Paleo-Asiatic Sledge Transport and Mobile Housing in Evolutionary and Modernization Aspects]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 1 (56), pp. 182–192.
- Yaneva A. (2021) The Method of architectural anthropology. In: *Architectural anthropology. Exploring lived space*. Routledge. pp. 13–29.
- Yarzutkina A.A. (2011) Formy i kharakter torgovli amerikanskikh predprinimateley s korennymi zhilyami Chukotki v kontse XIX – nachale XX veka [Forms and Nature of Trade Between American Entrepreneurs and Indigenous People of Chukotka in the Late 19th – Early 20th Century]. *Vserossiyskiy zhurnal nauchnykh publikatsiy*, 8 (9), pp. 34–49.
- Zagorulko A.V. (2005) Transformatsiya zhilyshch aziatskikh eskimosov v XIX–XX vv. [Transformation of Asian Eskimo Dwellings in the 19th–20th Centuries]. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki*, 2, pp. 58–63.
- Zuev A.S. (2014) Russkie na kraynem severo-vostoke Sibiri v XVII–nachale XX veka: dinamika, napravleniya i rezul'taty etnokul'turnoy adaptatsii v inoyetnichnoy srede [Russians in the Far Northeast of Siberia in the 17th–Early 20th Century: Dynamics, Directions, and Results of Ethnocultural Adaptation in an Alien Ethnic Environment]. In: *Sibir' i Russkiy Sever* [Siberia and the Russian North], Novosibirsk, pp. 55–87.

Сведения об авторе:

МАЛЫШЕВ Гавриил Николаевич – магистрант факультета антропологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: g.malyshev@eu.spb.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Gavriil N. Malyshev, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: g.malyshev@eu.spb.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 8 февраля 2025;
принята к публикации 1 марта 2025.*

*The article was submitted 08.02.2025;
accepted for publication 01.03.2025.*

Научная статья
УДК 39
doi: 10.17223/2312461X/47/7

А.Л. Горбунков и судьбы чукотско-эскимосского косторезного искусства: опыт предшественников и современные тенденции

Ольга Михайловна Шульгина

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия, shulgina@kunstkamera.ru*

Аннотация. Рассматриваются методы работы чукотских косторезов в художественных мастерских начиная с 1930-х гг. Особое внимание уделено результатам работы с чукчами и эскимосами первого художественного руководителя чукотских косторезных и мехошовивочных мастерских А.Л. Горбункова, а также анализу влияния, которое оказал Горбунков на дальнейшее развитие чукотско-эскимосского косторезного промысла. Автор исследует каждый этап жизни чукотских косторезных мастерских после возвращения Горбункова «на материк»: под руководством В.М. Леонтьева, И.П. Лаврова, во время командировок на Чукотский полуостров специалистов из Научно-исследовательского института художественной промышленности, а также специфику работы Уэленской косторезной мастерской после распада Советского Союза. Полевые материалы, собранные в ходе экспедиций на Чукотку в 2023–2024 гг., позволяют дать объективную оценку современного состояния косторезного промысла в чукотских косторезных мастерских. Анализ работы чукотских мастеров на протяжении века приводит к выводу о том, что ключевую роль в развитии косторезного промысла сыграли художественные руководители, а наиболее эффективной является модель работы местных мастеров в тандеме с профессиональными художниками.

Ключевые слова: косторезное искусство, Чукотка, А.Л. Горбунков, В.М. Леонтьев, И.П. Лавров, Уэленская косторезная мастерская

Для цитирования: Шульгина О.М. А.Л. Горбунков и судьбы чукотско-эскимосского косторезного искусства: опыт предшественников и современные тенденции // Сибирские исторические исследования. 2025. № 1. С. 135–156. doi: 10.17223/2312461X/47/7

Original article

doi: 10.17223/2312461X/47/7

A.L. Gorbunkov and the Fortune of Chukchi and Asian Eskimo Ivory Carving Art: Experience of Predecessors and Actual Trends

Olga M. Shulgina

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
St. Petersburg, Russian Federation, shulgina@kunstkamera.ru*

Abstract. The article deals with the methods of work of Chukchi and Asian Eskimo ivory cutters and engravers in art workshops since the 1930s. Particular attention is paid to the results of work with Chukchi and Asian Eskimos with A.L. Gorbunkov, the first artistic director of Chukchi ivory carving and fur-tailoring workshops, and is analysed the influence that Gorbunkov exerted on the further development of Chukchi and Asian Eskimo ivory carving art. The author consistently investigates each stage of life of Chukchi and Asian Eskimo ivory carving workshops after Gorbunkov's return to the mainland: under the leadership of V.M. Leont'ev, I.P. Lavrov, during business trips to the Chukchi Peninsula of the specialists from the Research Institute of Art Industry, as well as the specific characters of work of the Uelen ivory-carving workshop after the collapse of the Soviet Union. Field materials gathered during the expeditions to Chukotka in 2023–2024 provide an objective assessment of the current state of ivory-carving art in Chukchi art workshops. The analysis of the work of Chukchi craftsmen over the century leads to the conclusion that the key role in the development of ivory-carving craft was played by art directors, and the most effective model is the work of local craftsmen in tandem with professional artists.

Keywords: ivory carving art, Chukchi Peninsula, A.L. Gorbunkov, V.M. Leont'ev, I.P. Lavrov, Uelen ivory-carving workshop

For citation: Shulgina, O.M. (2025) A.L. Gorbunkov and the Fortune of Chukchi and Asian Eskimo Ivory Carving Art: Experience of Predecessors and Actual Trends. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 135–156 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/47/7

Искусство гравировки на моржовых клыках у чукчей и эскимосов представляет собой интереснейшее явление художественной культуры нашей страны. Благодаря трудам ученых, исследующих древнюю материальную культуру жителей чукотского побережья (Богораз 1901; Богораз 1913; Василенко 1947; Иванов 1949, 1954; Диков 1971; Bronshtein 2006; Arutunov 2009; Василевский 2010), истоки сюжетной гравировки можно проследить в росписях на веслах, ручках ритуальных ведерок, пиктографиях на лахтачьих кожах, в Пегтымельских петроглифах. Это важно для понимания современной сюжетной гравировки как естественного и деликатного продолжения, в сущности, уже существующего задолго до 1920–1930-х гг. способа изобразительного повествования.

Традиция древнего изобразительного языка зазвучала с новой силой в 1930-е гг. Именно в этот период создается, по существу, самостоятельный вид искусства, который вбирает множество новых сюжетов и предлагает новые формы выражения. Если мы, к примеру, сравним гравировки первой четверти XX в. (рис. 1) с гравировками 1930-х гг. (рис. 2), то сможем убедиться, какой большой шаг вперед с точки зрения качества техники и технологии исполнения изделий проделали чукотские мастера за относительно короткий отрезок времени (Шульгина 2024а).

Рис. 1. Клык гравированный «Белые медведи и охотники». Начало XX в.
Клык моржа, гравировка, сажа. 60,0 × 5,5 × 3,0.
Из собрания Государственного музея искусства народов Востока

Рис. 2. Негатив на гибком носителе. Клык гравированный (фрагмент).
1934–1939. 9,0 × 12,0. Из собрания Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

В данный момент совершенно очевидно, что работа, которую провел с чукотскими мастерами в 1933–1935 гг. А.Л. Горбунков – профессиональный художник и первый художественный руководитель косторез-

ных мастерских (Шульгина 2024в), была фундаментальна, а методы работы в художественных мастерских над гравированными произведениями и скульптурными изделиями, в которых рисунок всегда предшествовал работе с материалом (моржовый клык, китовый ус, скелетная кость морского зверя), остаются актуальными и сегодня.

Важно отметить, что до приезда профессионального художника на Чукотский полуостров в 1933 г. попытки наладить художественный косторезный промысел в мастерских не имели успеха по ряду причин. Это, например, ошибки советов на местах, недостаточная квалификация руководителей, отсутствие четкого плана развития промысла и связи с центром, невостребованность косторезного дела по сравнению со столярным промыслом или промыслом по обработке металла, языковой барьер между приезжими и аборигенами, незаинтересованность мастеров в работе в артелях и предпочтение чукчами и эскимосами работать «единолично», т.е. на себя, на дому.

С приездом А.Л. Горбункова, де-юре руководителями художественных мастерских «записывали» мастеров из коренных жителей, но де-факто руководил мастерскими профессиональный художник, официально занимавший должность художественного консультанта в 1933–1935 гг. Архивные документы, статьи местных периодических изданий и воспоминания этнографов, работавших на Чукотке в это время, подчеркивают вклад, сделанный первым художественным руководителем чукотских художественных мастерских.

В теории Горбунков должен был лишь наблюдать за работой мастеров, обеспечивать достойные условия труда и организовывать рабочий процесс в мастерских, но на практике все было несколько иначе, о чем свидетельствует любопытнейший источник. В интервью от 1959 г. Вуквутагин рассказывал, что «в 1933 году в Уэлен прибыл московский художник Горбунко[в]. Он выполнял рисунки по нашим советам, с них мы резали по кости. Его советы мы особенно ценили. Ко всему, он и сам умел резать. Если где-нибудь мы совершали ошибку, Горбунко[в] брался за резец и показывал, как надо» (Вуквутагин 1959).

Коротко резюмируя результаты деятельности первого художественного руководителя, необходимо отметить следующее. Прежде всего, был разработан оптимальный «торговый ассортимент» изделий, который включал разнообразнейшие изделия (рис. 3): рельефы и гравировки на клыках моржа, клыки с дополнительными скульптурными композициями, таблетки с гравировками, накомодные скульптуры (моржи, лахтаки и нерпы, касатки и киты, медведи, песцы, собаки и зайцы, «слоны счастья» и олени, пеликены и фигуры будд, фигур людей и бюсты, композиции из групп зверей и собачьи упряжки), гравированные и резные курительные приборы, трубки, мундштуки и портсигары, спичечницы, оправы охотничьих ножей, фоторамки, рамы крупных размеров –

50×35 см, из двух клыков, ручки для тростей и зонтов, письменные приборы, пресс-папье, ножи для разрезания бумаги и ручки для стальных перьев, салфеточные кольца, пудреницы, мыльницы, ажурные броши, заколки, женские головные шпильки, пряжки, застежки и запонки, бусы, брелоки, пуговицы, шашки, шахматы, кости для домино и различные модели шхун, байдар, вельботов и нарт. Важнейшим принципом руководителя мастерских была установка украшать все изделия, изготавливаемые в мастерских, таким образом, привнося в них колорит местных народов.

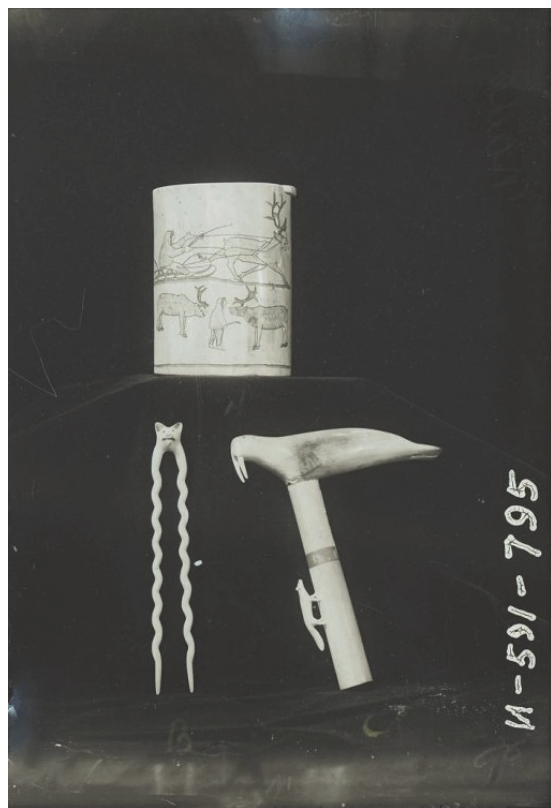

Рис. 3. Негатив на стеклянном носителе. Коробочка с гравированными изображениями саней и оленя. Костяная шпилька. Ручка для трости. 1934–1939. 9,0 × 12,0.

Из собрания Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

После приезда на Чукотку А.Л. Горбункова значительно повысилось художественное качество косторезных изделий. Секрет заключался в том, что для восполнения отсутствия профессионального образования у местных косторезов руководитель мастерских проводил ежедневные занятия с наиболее талантливыми косторезами и граверами. Руководитель работал по специально разработанной программе, куда были включены

уроки, на которых А.Л. Горбунков объяснял чукотским косторезам законы геометрии и перспективы, обучал графике, основам стилистического анализа, помогал мастерам выполнять орнаментальные работы.

За время своей работы с чукчами и эскимосами А.Л. Горбунков совместно с резчиками и граверами усовершенствовал инструменты, которыми пользовались мастера, сумел найти и разработать наиболее комфортные методы работы с местными граверами и резчиками, которые способствовали развитию художественных умений, стимулировали интерес к творческой работе (Шульгина 2022а). Например, в мастерских практиковались: метод картинного письма, метод наблюдения, метод ситуационных макетов, метод конструирования ситуационных макетов по рассказу, метод перевода по подстрочнику, метод копий, метод монтажа, методы аппликации и валяния. Кроме того, руководитель мастерских сумел «нащупать» круг тем и сюжетов, которые увлекали мастеров и были ценны в художественном плане. Впервые под руководством профессионального художника чукотские мастера стали гравировать моржовые клыки по сказочным сюжетам (Шульгина 2022б; Шульгина 2024б).

Важно отметить, что по приезду на Чукотку А.Л. Горбункова поменялся статус косторезных мастерских – теперь это были не сезонные группы мастеров, но постоянные артели, которые официально работали в косторезных мастерских на основной работе и получали ежемесячную заработную плату, не завися больше, таким образом, от успехов или неуспехов в зверобойном промысле. Такие перемены, безусловно, повышали статус мастера и имидж профессии костореза, способствуя притоку новых работников в художественные мастерские.

Во время работы А. Л. Горбункова в художественных мастерских, на Чукотке насчитывалось около 135 резчиков и граверов (ГАРФ. Ф. А-643. Оп. 2. Д. 183. Л. 64). Необходимо еще раз подчеркнуть, что А.Л. Горбунков был командирован на Чукотку от Интегралцентра. В 1936 г. система интегральной кооперации была упразднена, а потому после Горбункова на Чукотку художественные руководители не направлялись. Тем не менее с момента отъезда А.Л. Горбункова обратно «на материк», как и рассчитывал профессиональный художник, художественным руководителем уэленской косторезной мастерской был назначен его ученик – Михаил Вуквол, который последовательно придерживался системы принципов, выработанной Александром Горбунковым, но, к сожалению, это продлилось недолго. В 1937 г. Вуквол уехал в Москву для помощи в оформлении «чукотской» части выставки в Государственной третьяковской галерее, где учитель и ученик встретились в последний раз. Затем Вуквол поступил на обучение в Институт народов Севера в Ленинграде, а после начала Великой Отечественной войны молодой косторез ушел добровольцем на фронт, где погиб в 1942 г. Соответственно, хотя с 1937 г. руководство уэленской «косторезкой» взял на себя Вуквутагин,

уэленская косторезная мастерская фактически снова осталась без художественного руководителя, а система руководства мастерскими, которые возглавлял профессиональный художник, ушла в прошлое (ГАРФ. Ф. А-643. Оп. 1. Д. 210).

Условия косторезного промысла ухудшились – отсутствие художественного руководства, прежде всего, препятствовало разработке новых сюжетов, что отражалось на качестве художественных изделий. Дала знать о себе и Великая Отечественная война – ослабили связи с «материком», а развитие художественного промысла больше не являлось насущной проблемой того времени. Соответственно, часть косторезов были вынуждены вернуться к зверобойному промыслу и оленеводству, чтобы обеспечивать свои семьи. Кроме того, в начале 1940-х гг. косторезов Уэлена и Наукана лишили мастерских, где у них была возможность коллективно работать, а Дежнёвскую мастерскую закрыли совсем.

Попытку изменить ситуацию предпринял Вячеслав Михайлович Леонтьев (Василевский 2010), который жил на Чукотке и работал председателем Оргбюро с 1935 г. В.М. Леонтьев совмещал обязанности секретаря райкома партии и председателя райисполкома, в сферу его обязанностей входило и курирование промыслов района, в том числе косторезного. Несколько лет Вячеслав Леонтьев заведовал факторией в Энурмино, а затем до окончания войны работал в торговой организации – «Чукотторге». В 1945 г. Вячеслав Михайлович организовал и возглавил Уэленский промкомбинат на базе уэленской косторезной мастерской, которой бессменно руководил Вуквутагин. Это предприятие снабжало мастеров сырьем и занималось сбытом готовых изделий. Однако промкомбинат оказался нерентабельным и был закрыт уже в 1948 г.

К счастью, с ликвидацией промкомбината косторезное дело полностью не угасло, и наиболее талантливые мастера – Вуквутагин, Гемауге, Онно, Ичель, Туккай, Эмкуль, Аромке, Хухутан, Кейнитегин, Емрыкаин, Сейгутегин и другие резчики и граверы, продолжали творить, используя опыт, который они получили еще в 1930-е гг. в горбунковских мастерских.

В 1955 г. на Чукотку приехал Игорь Петрович Лавров. Отмечу, что это была вторая поездка туда Лаврова, которая случилась через пятнадцать лет после его первого визита на Чукотский полуостров в 1939–1940 гг. С 1938 г. И.П. Лавров начал работать старшим художником в Научно-исследовательского института художественной промышленности (НИИХП), а также заведовал Отделением кости НИИХП. В круг его обязанностей входило посещение артелей народных художественных промыслов. Видимо, ввиду того что у Игоря Лаврова уже имелся опыт северных экспедиций (в 1935 г. он выезжал на Белое море, в Печору и Малоземельную тундру от Всесоюзного комитета художников), в 1939 г.

отдел культуры Главсевморпути подписал с ним договор, согласно которому Лавров был командирован на Чукотку для изучения художественного творчества чукчей и эскимосов. Тогда Лавров работал заведующим Дома народов Севера на Культбазе Главсевморпути в с. Лаврентия, а также преподавал рисование в местной школе-интернате, а до главного села чукотских косторезов – Уэлена, художнику удалось добраться только через многие годы.

В 1955 г. во многом благодаря стараниям И.П. Лаврова, «Главсеверторг» передал уэленским мастерам помещения двух типовых магазинов, из которых военнотружущие погранзаставы собрали одно просторное деревянное здание. Лавров возглавлял уэленскую косторезную мастерскую до 1959 г. и помог не только сохранить художественный промысел чукчей и эскимосов, но и привнес новые тенденции в развитие искусства резьбы по кости.

Если А.Л. Горбунков создал для косторезов «столлик для просмотра» – круг эталонных изделий и коллективно с мастерами обсуждал каждое изделие, то И.П. Лавров, опираясь на опыт работы в НИИХП, организовал первый художественный совет, в который входил он сам, Хухутан, Туккай, Эмкуль и Вуквутагин (Вуквутагин 1959). А.Л. Горбунков главный акцент делал на рисунке, повествовании и, соответственно, на развитии цветной гравировки. И.П. Лавров был более увлечен мелкой пластикой, а потому под его руководством чукотские мастера в основном перешли к созданию групповых композиций из нескольких фигур, которые изготавливали из одной цельной кости. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что в 1950-е гг. мастера обратились к механизации – активнейшим образом использовались фрезы, пилы-циркуляры, бормашины, а в самих мастерских появились специальные вытяжки для улавливания костяной пыли. Подчеркну, что этот вид творчества не был совершенно новым для чукотских косторезов – уже в 1930-е гг. в косторезных мастерских под руководством А.Л. Горбункова создавались экспериментальные клыки с многофигурными скульптурными композициями. Первым таким изделием была работа «Свадьба в кочевье».

Изделия-эталоны Лавров разрабатывал с мастерами, входившими в художественный совет, по образцу которых затем резали молодые, менее опытные мастера (рис. 4). В 1950-е гг., по сведениям художественного руководителя мастерской И.П. Лаврова, в ней работали 40–45 человек (ГАРФ. Ф. А-643. Оп. 2. Д. 183. Л. 64). Фактически резчики вытачивали сложнейшие многофигурные композиции, которые более выигрышно смотрелись у одиночных скульптур в художественном плане и были гораздо эффектней последних. Кроме того, именно в этот период уэленские мастера перешли к синтезу гравировки и резьбы – многофи-

гурные композиции размещались на подставках, которые «дублировали» сюжет скульптуры, только уже на плоскости путем гравирования конкретного сюжета. После отъезда Игоря Петровича Лаврова «на материк», чукотские косторезы снова остались без помощи профессионалов практически на десятилетие.

Рис. 4. На художестве. Слева направо: Ёмыкаин, Эмкуль, Сейгутегин, Тынатваль.
1960–1989. 6,0 × 4,0. Фото из собрания МЦ «Наследие Чукотки»

Только в 1967 г., когда Уэленская косторезная мастерская официально перешла в ведение Министерства местной промышленности РСФСР и руководить мастерской стало Управление художественных промыслов и производства сувениров, на Чукотку впервые были командированы специалисты НИИХП – художник Ирина Львовна Карахан и искусствовед Тамара Бенциановна Митлянская (ГАРФ. Ф. А-643. Оп. 2. Д. 183. Л. 68; АВМДИ. Ф. 643. Оп. 4. Д. 975; ГАРФ. Ф. А-643. Оп. 2. Д. 74) (рис. 5). На протяжении многих лет эти московские ученые приезжали на Чукотку с целью изучения, поддержания и развития чукотско-эскимосского косторезного промысла, выделки кож и меха. Примечательно, что в этот период специалисты НИИХП направляли наиболее талантливых молодых мастеров на обучение и практику в Абрамцевское училище. Так, например, в Абрамцево ездили Лев Никитин, Максим Эргиро, Александр Игнатовский, Юрий Вуквутагин, Владимир Татро (ПМА 2024: 66).

Все это время (с 1968 г.) вплоть до его смерти в 1972 г. бессменным руководителем Уэленской косторезной мастерской был Туккай, сын

Хальмо и старший брат Вуквола, после чего руководство мастерской перешло талантливейшему ученику Туккая – Ивану Ивановичу Сейгутегину, который возглавлял ее полтора десятилетия до 1987 г.

Рис. 5. Негатив на гибком носителе. Клык гравированный «Карахан и Митлянская в Уэлене» (фрагмент). Материалы из коллекции «Фототека НИИХП». 1975. 6,0 × 9,0.
Из собрания Всероссийского музея декоративного искусства

Прежде всего, для расширения творческих возможностей уэленских мастеров специалисты НИИХП создали серию фотоальбомов. Этому предшествовало изучение коллекций чукотско-эскимосского косторезного искусства в музеях Москвы, Ленинграда, Хабаровска, Владивостока, Магадана, а также материалов, собранных в ходе археологических экспедиций. Альбомы были посвящены не только косторезному искусству, но и традиционной культуре и этнографии чукчей и эскимосов, скульптуре народов древнего мира, первобытным наскальным росписям (например, «Скульптура эскимосов Канады», «Рельеф древнего мира», «Современная анималистическая скульптура» и др.), отдельно были скомплектованы альбомы-пособия по орнаментальному искусству для швей и косторезов (ГАРФ. Ф. А-643. Оп. 2. Д. 183. Л. 70).

Главным методом в работе с чукотскими мастерами стало проведение регулярных творческих семинаров как в с. Уэлен, так и на материке – в Ленинграде и Москве (ГАРФ. Ф. А-643. Оп. 2. Д. 201. Л. 12–14). Семинары, как отмечает И.Л. Карахан, были связаны между собой, но преследовали разные цели (АВМДИ. Ф. 643. Оп. 3. Д. 1109). К примеру, темой первого трехлетнего семинара, проведенного в 1968–1970 гг., было использование маленьких кусочков кости для изготовления украшений и других изделий малых форм. Здесь с косторезами рассматривались и обсуждались фотографии археологических находок, а также мастеров знакомили с фотографиями современных ювелирных изделий и украшений из кости, металла и камня. Целью специалистов НИИХП было сосредоточить внимание местных мастеров на разнообразии форм, особенностях конструктивных, пластических и графических решений, необходимости внимательного отношения как к древнеберингоморскому, так и современному орнаменту. Так, в ходе семинара были созданы брелоки, подвески, браслеты, лоточки (рис. 6).

Рис. 6. Эйнес Д.И. Негатив на гибком носителе. Украшения (серьги и кольцо).
Материалы из коллекции «Фототека НИИХП». 1975. 6,0 × 9,0. Из собрания ВМДИ

Второй экспериментальный семинар был посвящен росписи по коже, который продолжался три года. Здесь И.Л. Карахан и Т.Б. Митлянская демонстрировали различные предметы с росписью, выполненные представителями народов Севера, – бубны, одежду, ритуальные маски. По наблюдениям Карахан, мастера с энтузиазмом восприняли предложение поэкспериментировать. Сначала, как и в 30-е гг., рисовали на бумаге, учились создавать замкнутую композицию, строго вписанную в заданную форму, а затем переносили ее на материал. Несмотря на то что в этой работе для мастеров-граверов было много нового (мягкий материал, крупный масштаб изображений, плоская кожа вместо изогнутого клыка), они смогли создать изображения на традиционные сюжеты, отражающие животный мир Чукотки, занятия местных жителей, а также мотивы чукотских и эскимосских сказок. Наиболее популярными предметами среди мастериц стали панно различных размеров и форм, а также сувенирные яраны.

В 1974–1976 гг. состоялся семинар скульпторов по освоению нового для мастеров материала – скелетной кости кита и моржа. Использование

этих непривычных материалов было вызвано недостатком основного сырья – моржового клыка, а также целесообразностью расширения реализации творческих возможностей мастеров. Резчики и граверы осваивали новую технику гравировки бормашиной ввиду того, что пористая текстура скелетной кости требовала более глубокой прорезки. Мастеру было необходимо почувствовать верный масштаб, сохранив при этом лаконизм и острую выразительность, присущую чукотско-эскимосской пластике. В результате были сделаны несколько стаканов, панно, а также части ребер, покрытые гравировкой с раскраской. Важно понимать, что, если миниатюрная гравировка на моржовых клыках предназначен для рассматривания вблизи, то композиции на скелетной кости, в силу своего масштаба, воспринимались с определенного расстояния как декоративные панно.

Одной из последних тем экспериментальных семинаров стала работа над освоением и возвращением в арсенал уэленских мастеров древнеберингоморских орнаментов. Так, мастера пытались при помощи современных инструментов выполнить отдельные элементы этого орнамента.

Безусловно, Т.Б. Митлянская и И.Л. Карахан занимались не только внедрением новых направлений, но и уделяли внимание существующим и ранее направлениям народного искусства – скульптурной резьбе и гравировке. Согласно отчетам, которые после своих командировок сдавали сотрудники НИИХП, в 1970-е гг. в уэленской косторезной и пошивочной мастерской трудились до 30 человек (в то время как во времена Горбункова количество мастеров в береговых поселках насчитывало до 135 человек). В различных береговых поселках также работали отдельные надомные мастера, однако отсутствие у них контактов с другими мастерами отрицательно сказывалось на их творчестве. Кроме того, их работа затруднялась дефицитом сырья, так как в советские годы весь клык, в соответствии с решением облисполкома, передавался в Уэленскую косторезную мастерскую. Карахан и Митлянская отмечали, что резчики, работающие в мастерской, тиражируют те или иные образцы, варьируя делали в соответствии со своими творческими устремлениями. Граверы же варьируют сюжеты, связанные с жизнью тундры и моря, повторяют в авторском исполнении композиции на сюжеты народных сказок.

В середине – конце 1970-х гг. на Чукотке неоднократно бывала и Л.И. Чубарова, и Е.И. Ефимова, которая изучала традиционную одежду, орнаменты и меховую мозаику, проводила семинары для швей.

Примечательно, что в ходе интервью с сегодняшними уэленскими резчиками и граверами выяснилось, что некоторые из них помнят И.Л. Карахан, Л.И. Чубарову и Т.Б. Митлянскую. Так об одном из семинаров в нашем интервью вспоминает Зоя Гемауге, гравер УКМ: *«Они рассказывали нововведения, хотели, чтобы мы занимались. Вот то, что*

археологи раскапывали, они показывали орнаменты всякие. Они показывали нам фотографии, мы ездили с ними в Москву, в музей (Музей Востока. – О.Ш.). Ездили, смотрели. Они просили их (древнеберингоморские орнаменты. – О.Ш.) ввести как-то, как-то в изделия их внедрять. У кого стаканчики, у кого ножи или маленькие клычки» (ПМА 2024: 34).

Максим и Марина Эргиро также помнят московских искусствоведов, которые приезжали на Чукотку в 1960–1970-е гг.: «Они нас как бы отрывали от плановой работы, хотели, чтобы мы занимались творчеством. Вот тогда мы и отдыхали. Делали свое, как хотим. они говорили, какой сюжет нужно, тогда мы рисовали сначала. Они нам показывали, где-то дополняли, очень много подсказывали. Подсказывали, какой сюжет сделать и как лучше нарисовать» (ПМА 2024: 61–62).

Сергей Комиссаров, сын Татьяны Печетегиной, который в то время был еще совсем юным, начинающим мастером, рассказал, что «в основном она (Людмила Ивановна Чубарова. – О.Ш.) работала, я так понял, с кожей и мехом. Карахан работала только со старыми мастерами. Она показывала им (мастерам. – О.Ш.), привозила, какой-то материал, иллюстрации какие-то были. Мастера рисовали для неё и резали. Я так понял, она всё сделанное увозила с собой. Мама с ней работала. В основном она привозила какую-то иллюстрацию» (ПМА 2024: 45–46).

В 1987–2013 гг. директором Уэленской косторезной мастерской был Валерий Николаевич Ныпевги, в 2013–2020 гг. – Анатолий Александрович Оськин, затем меньше года на посту директора проработала Юлия Степанова, а с 2022 г. по сегодняшний день – директор УКМ Александра Валерьевна Ныпевги.

Интервью, проведенные со всеми работающими мастерами, показали, что сегодня основной метод, который практикуют косторезы и граверы, – это метод копий. Разница лишь в том, что столик для просмотров теперь не столик, а изделия из фондов музея.

Заведующий УКМ Вячеслав Онохов рассказал, что «если какую-то новую работу даешь человеку, да, он идет в музей, фотографирует и уже сам делает по эскизу. Ну, может, добавляет что-то свое» (ПМА 2024: 25). Сергей Комиссаров, гравер и резчик, также поделился, что сегодня мастера работают, как и в 1970–1980-е гг., во времена его детства: «У граверов была копия. Бумага такая, папиросная. Миллиметровка, или как она там называлась. Ну калька, вот эта вот, полупрозрачная. Её прикладывали на клык, копировали с клыка, потом этот рисунок переносили на другой чистый клык, и опять этот клык, ну рисунок, копировали. И там, если что-то не дорисовывалось, не перерисовывалось немножко, то там уже дорисовывали сами. В основном работали, знаете, был такой химический карандаш» (ПМА 2024: 46) (рис. 7, 8).

Рис. 7. Вуквол. Рисунок (эскиз для гравировки) «Лагерь Шмидта». 1934.
Бумага, карандаш. 6,5 × 12,8. Из собрания Сергиево-Посадского
историко-художественного музея-заповедника

Рис. 8. Репхыргин, Вуквол (автор рисунка), Ренвиль. Внутренняя часть портсигара.
Портсигар разъемный «Челюскинцы». 1934. Клык моржа, резьба, гравировка цветная.
8,5 × 5,9 × 3,0. Из собрания Всероссийского музея декоративного искусства

Зоя Гемауге, рассказывая о том, как училась гравировать, фактически лишь подтвердила актуальность метода копирования среди современных уэленских мастеров: *«Конечно, сначала начинали учить с рисунка, а уже позже давали инструмент. Я сначала рисую, а потом вот по рисунку провожу вот этим инструментом [коготком]. И цветные карандаши. Простой карандаш и цветные карандаши. Подготовительные рисунки у меня древние уже, но они у меня для того, чтобы не то, чтобы не забыть, а я вот, например, сделаю, потом возьму кальку, все это сниму, чтобы мне потом легче было и побыстрее, ну и чтобы не забыть, что за чем идет. Я хожу в музей смотреть старые работы. Особенно когда какое-то не очень понятное изделие закажут, надо пойти посмотреть, как это там было нарисовано, и все это перенести»* (ПМА 2024: 31–32). Максим и Марина Эргиро развили мысли, высказанные в других интервью: *«Начинали с рисунка. Иван Иванович (Суйгутегин. – О.Ш.) сначала смотрел, кто как рисует. Он со всеми работал, никого не выделял. Ну, наверное, потому что на кружок ходили только те, кто хотел с ним работать. У всех был свой интерес, все хотели этим заниматься, потому что приходили в музей, смотрели. Мы, дети, ходили и смотрели на работы более опытных старших мастеров. Это было очень интересно. Вообще ему с каждым по-разному приходилось работать. А потом начинали работать с мелочей: резать нерпочек, зайчиков. А потом посложнее: собачки. Сначала рисовали то, что планировали резать. Раньше мне говорили, что нужно сделать и чтоб точно было сделано, как там. Музей у нас был еще косторезный, не государственный еще, и поэтому мы могли взять оттуда, правда, под запись, так вот мы брали фигурку или целую композицию, и вот на нее смотрели и делали. То есть с нас требовали полностью повторить. Сейчас мастерская сначала изделия на выставки готовит. А покупатели уже потом после выставки, посмотрят и заказывают повторения»* (ПМА 2024: 56–57).

Сравнивая организацию работы мастерских на современном этапе с горбунковскими временами, обращает на себя внимание отсутствие при мастерской художественного руководителя или, например, худсовета, как было в поздние советские времена. В «косторезке», безусловно, есть директор, которая, по словам мастеров, *«бывает в Уэлене раз в год максимум от вертолета до вертолета»* (ПМА 2024: 45), т.е. бывает, что неделю, а бывает, что нет. Роль директора мастерской заключается не в помощи мастерам в художественном поиске, разработке новых изделий и сюжетов, а в реализации изделий «на материке». Соответственно, отсутствие помощи профессионалов и критики сказывается не самым лучшим образом на качестве косторезных изделий.

«Сейчас худсовета нет. Просто ребята сделали и все. Нет, можно сказать, что тут что-то не так, надо бы переделать. А раньше был

прямо художник, все собирались, сдавали, а если мастерам не нравилось – забраковывали и всё, люди переделывали» – так оценивает работу косторезной мастерской сегодня ее заведующий (ПМА 2024: 21). По воспоминаниям Зои Гемауге, Максима и Марины Эргиро, работавших в 1970-е гг., «худсоветы у нас в определенный день назначалось и все приносили свои работы. Это был определенный день в конце месяца». «На художестве внимательно смотрели и говорили, вот это не так сделала, тут надо доделать. Конечно, страшно было. Но переделывали, принимали» (ПМА 2024: 32, 59).

В последнее время мастера тяготеют к изготовлению бижутерии и мелких сувениров, а обращение к источникам и копирование образцов из Интернета приводит к отрыву от национальной культуры и способствует насыщению рынка малохудожественными вещами.

Интервью с косторезами из с. Уэлен в 2023–2024 гг. лишь подтвердили, что принципы работы, заложенные первым художественным руководителем, активно используются и сегодня. Так, во время беседы Сергей Комиссаров, один из нынешних мастеров, рассказывал следующее: *«Раньше у мастера, ну в основном у каждой мастерицы, потому что в основном гравера это были женщины, у каждой мастерицы был свой набор переводных калек. На этой кальке был нарисован сюжет от предыдущих клыков, которые лежат и лежат в музеях... Вот накладывался этот трафарет на клык и обводился вот этот рисунок на клык. Правда ну очень слабенько было видно, когда его переводишь... И вот так переводили сюжет из этой кальки на клык. А потом этот образ, который был там запечатлен прорисовывался хорошо простым карандашом. Потом брались коготок, такой, он имел название вороний клюв.*

Но в первые годы надо было, конечно, учиться тому, что делали уже предыдущие мастера, там смотреть, выбирать такой же размер клыка, это же рисунок переносить на свой... Но каждый раз, вот ты нарисовал сюжет простым карандашом – подходишь к учителю... И перед тем как этими инструментами работать, опять подходишь к учителю, а он тебе говорит, в какой цветовой гамме надо: камлейка, трава, море, олени...

Нас здесь наши мастера учили. Давали пластилин, давали задание, вылеплять, как вы будете видеть... Да, и сначала рисовали на бумаге, перед тем как что-то сделать. Даже если что придумал уже ты сам, то должен это сначала нарисовать, воплотить это в рисунок» (ПМА 2023: 76–77).

В сущности, искусство гравирования моржовых клыков – это не столько талант, сколько упорный ежедневный труд. Марина Эргиро, известная и один из искуснейших граверов УКМ, рассказала следующее: *«Ну я вообще рисовать не умела, я, конечно, рисовала на альбоме, она (Илькей Елена Туккаевна, учитель Марины. – О.Ш.) смотрела и...*

Я очень медленно клычок делала, прям она аж не поверила, что это я сделала. Она мне: “Ты делала?”, я ей: “Я”. “А, может, тебе кто помог?” “Да я сама!” Сама хотела научиться, а она не надеялась на меня вообще, что я научусь, а я научилась» (ПМА 2024: 59).

Интересным примером, что граверами не рождаются, а становятся, являются работы Галины Тынатваль, заслуженного художника СССР. Если сравнить «почерк» мастера в 1945 г., когда она была ученицей при УКМ, и зрелые работы 1970–1980-х гг., мы без труда отметим, что в начале пути рука гравера была очень неуверенной и нетвердой, гравировки были несколько грубоватыми, но со временем работы Галины приобрели мягкость, округлость, а штрихи стали уверенными и четкими.

Ещё один уэленский мастер, Максим Эргиро, лишь укрепляется в том, что методы работы, привитые А.Л. Горбунковым в 1930-е гг., живы и сегодня: *«Ну вот раньше мне говорили, что нужно сделать и чтоб точно было сделано, как там. Музей у нас был еще косторезный, не государственный еще, и поэтому мы могли взять оттуда, правда, под запись, так вот, мы брали фигурку или целую композицию, и вот на нее смотрели и делали. То есть с нас требовали полностью повторить» (ПМА 2024: 58).*

Из интервью одной из самых опытных уэленских граверов, Зои Гемауге, следует, что роль столика для просмотров сегодня выполняет музей, который работает при косторезной мастерской: *«Конечно, хожу в музей смотреть старые работы. Особенно когда какое-то не очень понятное изделие закажут, надо пойти посмотреть, как это там было нарисовано и все это перенести. Я сначала рисую, а потом вот по рисунку провожу вот этим инструментом (коготком. – О.Ш.). И цветные карандаши. Простой карандаш и цветные карандаши. Подготовительные рисунки у меня сейчас где-то далеко лежат. Они у меня древние уже, но они у меня для того, чтобы не то чтобы не забыть, а я вот, например, сделаю, потом возьму кальку, все это сниму, чтобы мне потом легче было и побыстрее, ну и чтобы не забыть, что за чем идет» (ПМА 2024: 32).*

Об актуальности метода копирования говорят и изделия, которые изготавливаются сегодня мастерами-косторезами и граверами Уэленской косторезной мастерской. К примеру, один из клыков, который гравировала летом 2024 г. Марина Александровна Эргиро, был посвящен именно теме «челюскинской эпопеи» (рис. 9, 10), которую она выполнила, опираясь на орнамент клыков, которые хранятся в Музее Уэленской косторезной мастерской.

Таким образом, на примере описанных методов работы в косторезных мастерских в 1930-е гг. прошлого века и материалов, собранных в экспедиции в с. Уэлен в 2023–2024-х гг., совершенно очевидной представляется ключевая роль художественного руководителя в организации косторезного промысла, в разработке новых сюжетов.

Рис. 9. Вуквол М. Клык «Челюскинцы». 1934. Клык моржа, гравировка цветная. 63,0 × 8,5 × 3,5. Из собрания Музея современной истории России

Рис. 10. Эргиро М.А. Клык «Челюскинцы». 2024. Клык моржа, гравировка цветная. 45,0 × 5,0 × 4,0 (ПМА 2024)

Очевидно и то, что система, разработанная первым художественным руководителем в 1930-е гг., оказалась наиболее оптимальной и сегодня не утрачивает своей актуальности. К сожалению, квалифицированное руководство чукотско-эскимосским косторезным искусством было эпизодичным, и, оценивая сегодняшнее состояние косторезного промысла Чукотки, без преувеличения можно сказать, что отсутствие художественного контроля и нетребовательность неискушенного покупателя оказываются губительными для качества косторезных изделий, подталкивают мастеров к невдумчивой, небрежной работе. Однако общение с художниками-профессионалами, посещение художественных музеев, знание древнего и современного искусства благоприятно влияют на творчество чукотско-эскимосских мастеров.

Список источников

- Архив Всероссийского музея декоративного искусства (АВМДИ). Ф. 643. Оп. 3. Д. 1109. – Карахан И. Оказание практической помощи Уэленской косторезной мастерской в восстановлении традиций национального искусства и расширении ассортимента изделий. 1968.
- АВМДИ. Ф. 643. Оп. 4. Д. 975. – Работы Н. И. Каплан, И. Л. Карахан, Т. Б. Митлянской, Е. С. Потаповой, Л. Н. Соловьевой, П. И. Уткина, Л. И. Чубаровой и Н. Якимчука о развитии народных промыслов в 1980-е гг.
- Богораз В.Г.* Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н.Л. Гондатти, находящихся в Этнографическом музее Императорской академии наук. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1901.
- Богораз В.Г.* Чукотские рисунки (с 24 таблицами рисунков в тексте) // Сборник в честь 70-летия профессора Д.Н. Анучина. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1913. С. 397–420.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-643. Оп. 1. Д. 210. Документы о состоянии и задачах развития художественных промыслов на Урале и в Сибири за 1943–1944 гг. (планы, отчеты, переписка).
- ГАРФ. Ф. А-643. Оп. 2. Д. 183. – Отчет по теме: «Изучение искусства малых народов Сибири и Дальнего Востока и проведение работы по дальнейшему развитию производства художественных изделий в этих районах». НИИХП, 1978.
- ГАРФ. Ф. А-643. Оп. 2. Д. 201. – Отчет по теме: «Развитие народного декоративного искусства в районах Севера». НИИХП, 1979.
- ГАРФ. Ф. А-643. Оп. 2. Д. 74. – Отчет по теме «Разработка средств механизации изготовления художественных изделий из кости». НИИХП, 1969.
- Диков Н.Н.* Наскальные загадки древней Чукотки: Петроглифы Пегтымеля. М.: Наука, 1971.
- Василенко В.М.* Северная резная кость: (Холмогоры, Тобольск, Чукотия). Под ред. проф. Николая Соболева. Упр. промысл. кооперации при Совете министров РСФСР. Научно-исследовательский институт художественной промышленности. М.: КОИЗ (Центр. тип. им. Ворошилова), 1947.
- Василевский Б.А.* Когда огурец пахнет корюшкой // Мир Севера. 2010. № 1. С. 23–29.
- Вуквутагин.* Каждое село пишет свою биографию. От примитивной резьбы к искусству // Советская Чукотка. № 85 (4640). 26 апреля 1959. С. 4.
- Иванов С.В.* Чукотско-эскимосская гравюра на кости // Советская этнография. 1949. № 4. С. 107–124.
- Иванов С.В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.: Сюжетный рис. и др. виды изображений на плоскости / отв. ред. А.П. Потапов. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954.
- ПМА 2023 – Полевые материалы автора, собранные во время экспедиции в Чукотский район ЧАО (с. Лаврентия, с. Лорино, с. Уэлен, с. Инчоун).
- ПМА 2024 – Полевые материалы автора, собранные во время экспедиции в Чукотский район ЧАО (с. Уэлен).
- Шульгина О.М.* А.Л. Горбунков и иконографические источники чукотско-эскимосского искусства резной кости первой трети XX века // Художественная культура. 2022а. № 3. С. 184–219.
- Шульгина О.М.* Творческий метод А.Л. Горбункова: из опыта работы профессионального художника с чукотско-эскимосскими косторезами первой трети XX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2022б. № 3. С. 35–52.
- Шульгина О.М.* От кустарного промысла к искусству: об организации первых косторезных мастерских на Чукотке // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024а. № 17 (7). С. 1386–1396.

- Шульгина О.М. «Французский акцент» чукотско-эскимосского косторезного искусства первой трети XX века // Вестник СПбГУ. Искусствознание. 2024б. № 4. С. 726–736.
- Шульгина О.М. «Хождение за четыре моря» А.Л. Горбункова: штрихи к портрету первого руководителя художественных мастерских Чукотки // Вестник славянских культур. 2024в. Т. 74, № 4. С. 290–309.
- Arutiunov S.A. The Eskimo Harpoon // *Gifts from the Ancestors: Ancient Ivories of Bering Strait*. Princeton: Princeton University Art Museum; New Haven; London: Yale University Press, 2009. P. 52–59.
- Bogoras W. The Eskimo of Siberia. The Jesup North Pacific Expedition. Vol. VIII, Part 3. Leiden; New-York, 1913. P. 417–456.
- Bronshtein M.M. Appendix 1: Variability in Ancient Eskimo Graphic Design: On the Problem of the Ethnic and Cultural History of the Bering Sea from the 1st Millenium BC to the 1st Millenium AD // *Alaska Journal of Anthropology*. 2006. Vol. 4, No. 1–2. P. 162–175.

References

- Arutiunov S.A. (2009) The Eskimo Harpoon. *Gifts from the Ancestors: Ancient Ivories of Bering Strait*. Princeton: Princeton University Art Museum; New Haven; London: Yale University Press, pp. 52–59.
- AVMDI (The Archive of The All-Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art). F. 643. Op. 3. D. 1109. Karakhan I. *Okazanie prakticheskoi pomoshchi Uelenskoj kostoreznoi masterskoi v vosstanovlenii traditsii national'nogo iskusstva i rasshirenii assortimenta izdelii* [Stock 643. Folder 3. Record 1109. Karakhan I. Providing Practical Assistance to the Uelen Ivory-Carving Workshop in Restoring the Traditions of National Art and Expanding the Range of Products]. 1968.
- AVMDI. F. 643. Op. 4. D. 975. Rabity N.I. Kaplan, I.L. Karakhan, T.B. Mitlianskoi, E.S. Potapovoi, L.N. Solov'evoi, P. . Utkina, L.I. Chubarovoi i N. Iakimchuka o razviii narodnykh promyslov v 80-e gody [Stock 643. Folder 4. Record 975. Works by N.I. Kaplan, I.L. Karakhan, T.B. Mitlyanskaya, E.S. Potapova, L.N. Solovieva, P.I. Utkin, L.I. Chubarova and N. Yakimchuk on the Development of Folk Crafts in the 1980s]. 1990.
- Bogoras W. (1913) *The Eskimo of Siberia*. The Jesup North Pacific Expedition. Vol. VIII, Part 3. Leiden; New-York, pp. 417–456.
- Bogoras W.G. (1901) *Ocherk material'nogo byta olennykh chulchei, sostavlennyi na osnovanii kolleksii N.L. Gondatti, nakhodiashchikhsia v Etnograficheskom muzeImperatorskoi akademii nauk* [An Essay on the Material Life of the Reindeer Chukchi, Compiled on the Basis of the Collections of N.L. Gondatti, Stored in the Ethnographic Museum of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences.
- Bogoras W.G. (1913) Chukotskie risunki (s 24 tablitsami risunkov v tekste) [Chukchi Pictures]. *Sbornik v chest' 70-letii prof. D. N. Anuchina* [Collection in the 70th Anniversary of Professor D. N. Anuchin]. Moscow: Printing House of I. N. Kushnerov and Ko. 397–420.
- Bronshtein M.M. (2006) Appendix 1: Variability in Ancient Eskimo Graphic Design: On the Problem of the Ethnic and Cultural History of the Bering Sea from the 1st Millenium BC to the 1st Millenium AD. *Alaska Journal of Anthropology*, vol. 4, 1–2, pp. 162–175.
- Dikov N.N. (1971) *Naskal'nye zagadki drevnei Chukotki: Petroglify Pegtymelia* [Rock Mysteries of Ancient Chukotka: Petroglyphs of Pegtymel]. Moscow: Nauka.
- GARF (The State Archive of the Russian Federation). F. A-643. Op. 1. D. 210. *Dokumenty o sostoianii i zadachakh razvitiia khudozhestvennykh promyslov na Urale i v Sibiri za 1943–1944 gody (plany, otchety, perepiska)* [Stock A-643. Folder 1. Record 210. Documents on the Development of Arts and Crafts in the Urals and Siberia in 1943–1944 (Plans, Reports, Correspondence)].
- GARF. F. A-643. Op. 2. D. 74. *Otchet po teme: «Razrabotka sredst mekhanixatsii izgotovleniia khudozhestvennykh izdelii iz kosti»* [Stock A-643. Folder 2. Record 74. Development of

- Means of Mechanisation of Manufacture of Artistic Products of Ivory]. Research Institute of Art Industry, 1969.
- GARF. F. A-643. Op. 2. D. 201. *Otchet po teme: «Razvitie narodnogo dekorativnogo iskusstva v raionakh Severa»* [Stock A-643.Folder 2. Record 201. Report on the Theme: “Development of Folk Decorative Art in the North Regions”]. Research Institute of Art Industry, 1979.
- GARF. F. A-643. Op. 2. D. 183. *Otchet po teme: «Izuchenie iskusstva malykh narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka i provedenie raboty po ikh dal'neishemu razvitiu proizvodstva khudozhestvennykh izdelii v etikh raionakh»* [Stock A-643.Folder 2. Record 183. Report on the Theme: “Study of the Art of Minor Peoples of Siberia and the Far East and Work on the Further Development of Art Production in these Areas”]. Research Institute of Art Industry, 1978.
- Ivanov S.V. (1954) *Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX – nachala XX v.: Siuszhetnyi risunok i drugie vidy izobrazhenii na ploskosti* [Materials on the Fine Arts of the Peoples of Siberia XIX – Early XX c.: Plot Drawing and Other Types of Images on the Plane]. Ed. by A.P. Potapov. Moscow, Leningrad: Printing House of the Imperial Academy of Sciences.
- Ivanov S.V. (1949) Chukotsko-eskimosskaia graviura na kosti [Chukchi and Asian Eskimo Ivory Engraving]. *Sovetskaia etnografiia*, 4, pp. 107–124.
- PMA 2023 – The author's field materials gathered during the expedition to the Chukotka District of the Chukotka Autonomous Okrug (Lavrentiya village, Lorino village, Uelen village, Inchoun village).
- PMA 2024 – The author's field materials gathered during the expedition to the Chukotka District of the Chukotka Autonomous Okrug (Uelen village).
- Shulgina O.M. (2022) A.L. Gorbunkov i ikonograficheskie istochniki chukotsko-eskimosskogo iskusstva reznoi kosti pervoi treti XX veka [A.L. Gorbunkov and Iconographic Sources of the Walrus Ivory Carving Art of the Chukchi and Asian Eskimos in the First Third of the 20th Century]. *Khudozhestvennaia kul'tura*, 3, pp. 184–219.
- Shulgina O.M. (2022) Tvorcheskii metod A.L. Gorbunkova: iz opyta raboty professional'nogo khudozhnika s chukotsko-eskimoskimi kostorezami pervoi treti XX veka [Alexander Gorbunkov's Creative Method: Experience of Co-Working of Professional Artist with Chukchi and Asian Eskimo Bone Carvers in the 1930s]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 3, pp. 35–52.
- Shulgina O.M. (2024) «Khozhdenie za chetyre moria» A.L. Gorbunkova: shtrikhi k portretu pervogo rukovoditeka khudozhestvennykh masterskikh Chukotki [Journey Across Four Seas of Alexander L. Gorbunkov: Touches to the Portrait of the First Head of Chukotka's Art Workshops]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 74, 4, pp. 290–309.
- Shulgina O.M. (2024) Frantsuzskii aktsent chukotsko-eskimosskogo kostoreznogo iskusstva pervoi treti XX veka [“French Accent” of Chukchi and Asian Eskimo Walrus Ivory Carving in the First Third of the 20th Century]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*, 4, pp. 726–736.
- Shulgina O.M. (2024) Ot kustarnogo promysla k iskusstvu: ob organizatsii pervykh kostoreznykh masterskikh na Chukotke [From Crafts to Art: on the Organization of the First Full-Year Ivory Carving Workshops in Chukotka]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 17 (7), pp. 1386–1396.
- Vasilenko V.M. (1947) *Severnaia reznaiia kost': (Kholmogory, Tobol'sk, Chukotiiia)* [Northern Bone Carving: (Kholmogory, Tobolsk, Chukotka)]. Ed. by N. Sobolev. Moscow: KOIZ.
- Vasilevskii B.A. (2010) *Kogda ogurets pakhnet koriushkoi* [When a Cucumber Smells Like Smelt]. *Mir Severa*, 1, pp. 23–29.
- Vukvutagin. (1959) *Kazhdoe selo pishet svoiu biografiu. Ot primitivnoi rez'by k iskusstvu* [Each Settlement Writes Its Own Biography. From Primitive Carving to Art]. *Sovetskaia Chukotka*, 85 (4640), pp. 4.

Сведения об авторе:

ШУЛЬГИНА Ольга Михайловна – младший научный сотрудник отдела этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: shulgina@kunstkamera.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Olga M. Shulgina, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: shulgina@kunstkamera.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 8 февраля 2025;
принята к публикации 25 февраля 2025.*

*The article was submitted 08.02.2025;
accepted for publication 25.02.2025.*

MISCELLANEA

Научная статья
УДК 902.64
doi: 10.17223/2312461X/47/8

Погребальные комплексы с кремированными останками человека на древней поверхности по материалам памятника Усть-Зелинда-2 (Северное Приангарье)

Петр Иванович Шульга¹
Артем Евгеньевич Гришин²
Жанна Валерьевна Марченко³
Юрий Николаевич Гаркуша⁴

^{1, 2, 3, 4} *Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия*
⁴ *garkusha_y@list.ru*

Аннотация. Представлены сведения по редкой разновидности погребальных комплексов Северного Приангарья – скоплениям остатков полной кремации человека и сопроводительного инвентаря на древней поверхности, происходящих с памятника Усть-Зелинда-2 (могилы группы 3). Вероятно, это следы разрушенных «воздушных» погребений кремированных останков. Сожжение проводилось вне исследованных границ памятника. Могилы являются комплексами открытого типа, их датирование возможно только по предметному комплексу. Первоначально комплексы группы 3 датировались исследователями памятника широко – со второй половины I тыс. до н.э. до конца I тыс. н.э. После раскопок могильника Пинчуга-6 в том же регионе (П.В. Мандрыка, П.О. Сенотрусова) появилось мнение о более узкой дате погребений группы 3 на Усть-Зелинде-2 в рамках второй четверти I тыс. н.э.

В статье предлагается датировать большую часть материалов из погребений группы 3 с Усть-Зелинды-2 эпохой раннего железа (V–III вв. до н.э.) на основании анализа предметного комплекса, в первую очередь бронзовых изделий. В целом группа 3 близка по времени к могилам с остатками полной кремации человека в небольших ямах на этом же памятнике (группа 2, опубликованная ранее). Эти погребения значительно отличаются сопроводительным инвентарем и, соответственно, датой бытования от комплексов с остатками полной кремации человека на древней поверхности на Пинчуге-6.

Фигурные («птицеголовые») поясные бляхи сбруйного типа, обнаруженные в непосредственной близости от скопления кремированных костей на Усть-Зелинде-2, предлагается также предварительно относить к комплексам группы 3 эпохи раннего железа. Вопрос о культурной принадлежности захоронений группы 3 и происхождении традиции полной кремации умерших для Северного Приангарья остается открытым.

Ключевые слова: Северное Приангарье, эпоха раннего железного века, кремация, погребения на древней поверхности, бронзовые бляхи сбруйного типа, «птицеголовые» бляхи

Благодарности: исследование проведено в рамках проекта FWZG-2025-0001 «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкции историко-культурного прошлого». Антропологические определения выполнены мл. науч. сотр. ИАЭТ СО РАН Е.А. Кербс (Казаковой).

Для цитирования: Шульга П.И., Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н. Погребальные комплексы с кремированными останками человека на древней поверхности по материалам памятника Усть-Зелинда-2 (Северное Приангарье) // Сибирские исторические исследования. 2025. № 1. С. 157–183. doi: 10.17223/2312461X/47/8

Original article

doi: 10.17223/2312461X/47/8

The Burials Complexes with Cremated Human Remains on the Level Ancient Soil Surface on the Ust'-Zelinda-2 Site's Materials (Northern Angara Area)

Petr I. Shulga¹, Artem E. Grishin²,
Zhanna V. Marchenko³, Yuri N. Garkusha⁴

^{1, 2, 3, 4} *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation*
⁴ *garkusha_y@list.ru*

Abstract. In the paper represented evidence of rare variant of burial complexes of the Northern Angara area are the collection remains of full human cremation and accompanying tools on the level ancient soil surface which are originated from the Ust-Zelinda-2 site (burials of the 3rd group). Possibly these are the traces of destroyed “open-air” burials with cremated remains. Cremation was done outside of the studied of site’s boundaries. Graves are complexes of “open” type and therefore their dated is possible only on the base of artifacts. Initially complexes of the 3rd group were dated by site’s researchers is wide – from second part of I thousand BC till end of I thousand AD. After excavation the Pinchuga-6 burial site in the same region (researchers P.V. Mandryka and P.O. Senotrusova) opinion had been appeared about more short date for burials of 3rd group on the Ust'-Zelinda-2 site in the range of the second quarter the I thousand AD.

We propose the main part of artifacts from burials the 3rd group of Ust-Zelinda-2 is dated by Early Iron Age (V–III cent. BC) based on items analysis, primarily bronze items. In general, the 3rd group is close in time to the graves with remains of full human cremation into small pits at the same archaeological site (the 2nd groupe, published earlier). Analyzed graves are significant difference on accompanying items and correspondingly on their time existence from the complexes with remains of full human cremation on the ancient soil surface on Pinchuga-6 burial site.

Figured (“bird-headed”-shaped) harness-type belt plaques which were found near from the collection of cremated bones on the Ust'-Zelinda-2 site has been preliminary attributed to the Early Iron Age complexes of the 3rd burial group. The problem of cultural attribution of the 3rd group burials as well as the origin of tradition the full human cremation for Northern Angara area are still open.

Keywords: Northern Angara area, Early Iron Age, cremation, burials on the level ancient soil surface, figured harness-type belt plaques, plaques in the shape of “birds-headed”

Acknowledgements: The study was done under the project FWZG-2025-0001 “Siberia and adjacent areas: research and reconstructions of the historical and cultural past”. Anthropological determinations made by junior scientific research of IAEt SB RAS E.A. Kerbs (Kazakova).

For citation: Shulga, P.I., Grishin, A.E., Marchenko, Z.V. & Garkusha Y.N. (2025) The Burials Complexes with Cremated Human Remains on the Level Ancient Soil Surface on the Ust'-Zelinda-2 Site's Materials (Northern Angara Area). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 157–183. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/47/8

Введение

Авторским коллективом с 2012 г. вводятся в научный оборот материалы погребений из различных культурно-хронологических групп могильника, располагавшегося на памятнике Усть-Зелинда-2 (далее – УЗ-2). Ожидается выход публикации комплексов раннего железного века с остатками полной кремации в небольших ямах, которых на памятнике было зафиксировано шесть (Шульга и др. 2025), а в рамках всего Северного Приангарья, по предварительным подсчетам П.В. Мандрыки, – 12 (2014: 208). По аналогии бронзовой поясной фурнитуры на более южных территориях без уточнения их культурной принадлежности нами было предложено соотносить подобные комплексы с периодом V–III вв. до н.э.

Еще меньше свидетельств о комплексах с останками полной кремации на древней поверхности, которые являются объектом данной статьи. По проведенным в свое время подсчетам П.В. Мандрыки, к такому типу погребений, отнесенных исследователем к эпохе раннего железа, могли быть отнесены семь погребений (2014: 208). В их числе и шесть комплексов из УЗ-2, объединенных в группу (гр.) 3 и предварительно отнесенных к широкому периоду эпохи железа (Марченко, Гаркуша, Гришин 2012: 455, 457). За прошедшее время число таких комплексов в Приангарье несколько увеличилось, но имевшаяся неопределённость в интерпретации культурно-хронологической позиции подобных погребений сохраняется. Так, исследователи могильника Пинчуга-6 на Нижней Ангаре датируют найденные там захоронения останков человека с кремацией на стороне второй четвертью I тыс. н.э. При этом авторы раскопок синхронизируют их с комплексами гр. 3 из УЗ-2 (Мандрыка, Сенотрусова, Дедик 2021: 121), хотя последние отличаются по погребальному обряду и инвентарю. Столь значительное расхождение в датировании погребений гр. 3 УЗ-2 в значительной степени обусловлено разнородностью наличного материала (Сенотрусова, Дедик, Мандрыка 2022: 304; Сенотрусова и др. 2024) и отсутствием достаточно надёжных хронологических реперов для инвентаря I тыс. до н.э. на Ангаре и в сопредельных регионах. Нельзя игнорировать и «открытый» тип «поверхностных» комплексов в гр. 3 на УЗ-2.

Из инвентаря особое внимание привлекли две фигурные бляхи с «птичьими головами», одна из которых, предположительно, может быть связана с погребением 1 из гр. 3 (Марченко и др. 2014). В указанной публикации были рассмотрены подобные изделия на территории Сибири, их морфология и назначение. Поскольку все ранее известные бляхи с «птичьими головами» обнаружены вне датированных комплексов, а хронология погребений гр. 3 нуждалась в уточнении, то время бытования блях определялось примерно в рамках второй половины I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Между тем привлечение не учтённых ранее материалов и новые находки вносят сейчас существенные коррективы в первоначальные представления о хронологии и культурной принадлежности блях с «птичьими головами». При этом происходит заметная поляризация взглядов. Авторы данного исследования склонны рассматривать их как бляхи сбруйного типа, использовавшиеся во второй половине I тыс. до н.э. населением сибирской тайги и прилегающей лесостепи как поясные накладки. По мнению Ю.В. Ширина, привлёкшего серию «птицеголовых поясных накладок» от Предуралья до Подкаменной Тунгуски, эти изделия бытовали примерно в 1-й половине I тыс. н.э., а «их сходство с портупейными бляхами» скифского времени «если и не случайно, то сложно объяснимо» (Ширин 2018: 260). Подтверждением этому, как будто, служит находка двух «фигурных птицеголовых накладок» на могильнике Пинчуга-6 (Нижняя Ангара), датированном примерно второй четвертью I тыс. н.э. (Мандрыка и др. 2021: 121).

Отметим, что образцов для проведения радиоуглеродного датирования, обладающих однозначным контекстом, при исследовании комплексов гр. 3 могильника УЗ-2 выявлено не было. Принадлежность органических обугленных остатков, сохранившихся на одной из фигурных блях сбруйного типа (№ 41), не является однозначной. Возможности стратиграфических наблюдений также были жестко ограничены следующими факторами: а) незначительной мощностью культурных слоев раннего железного века и средневековья на памятнике; б) выраженным склоном террасы на участке исследования; в) «открытым» характером погребений гр. 3. Следовательно, только анализ предметного комплекса может пока дать основу для датирования этих оригинальных погребений.

В целом, сохраняется актуальность культурно-хронологической диагностики подобных редких комплексов как в рамках древностей региона, так и в рамках отдельного памятника. В данной статье вводятся в научный оборот материалы этих своеобразных захоронений из УЗ-2 (гр. 3) и предлагается вариант их хронологической интерпретации.

Описание

Стоянка Усть-Зелинда-2 располагается в Усть-Илимском районе Иркутской области, в 6 км к северо-востоку от д. Кеуль, на правом берегу р. Ангара, в устье р. Зелинда (рис. 1, 1, 2).

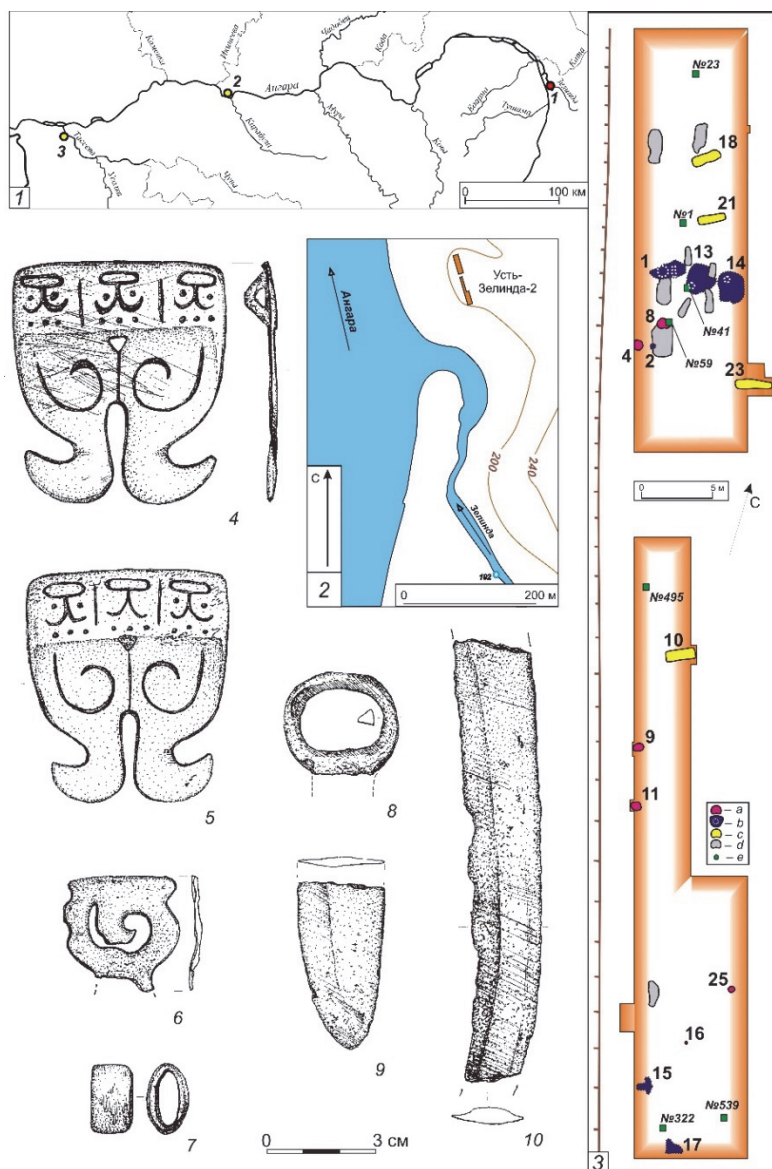

Рис. 1. Местоположение могильника Усть-Зелинда-2 и памятников, упомянутых в тексте, погребений в раскопе и бронзовых предметов, обнаруженных вне погребений:

1 – карта Северного Приангарья с памятниками, упомянутыми в статье (1 – Усть-Зелинда-2; 2 – Пинчуга-6; 3 – Усть-Тасеевский комплекс); 2 – положение раскопа 2012 г. на памятнике УЗ-2 в устье р. Зелинда; 3 – положение погребений гр. 2 (а), гр. 3 (б), гр. 1 (с), остальных могил (д) и бронзовых предметов вне погребений в границах раскопа 2012 г. (е) (белая прерывистая линия – область наибольшей концентрации обожженных костей). 4–10 – бронзовые предметы вне комплексов: 4, 5 – фигурные бляхи сбруйного типа (№ 1, 41); 6 – фрагмент поясной бляхи (№ 23); 7 – обойма (№ 59); 8–10 – фрагменты ножей (№ 322, 495, 539)

Памятник был выявлен Е.О. Роговским в 2011 г. Разрушаемая часть памятника исследовалась в 2012 г. (Марченко и др., 2012). Было обнаружено 25 захоронений, отнесенных к неолиту–средневековью. Из них 12 – с кремацией на стороне. В том числе шесть устраивались в небольших ямках и отнесены к раннему железному веку (гр. 2 – погр. 4, 8, 9, 11, 16 и 25 (Шульга и др. 2025)), а шесть обнаружены на древней поверхности (гр. 3 – погр. 1, 2, 13, 14, 15 и 17) (Марченко и др. 2012: 454–457). Группа 3 была выделена весьма условно, поскольку наборы предметов из этих погребений выглядели разнородно и предварительно отнесены к эпохе железа.

Все погребения находились на краю террасы, на участке выраженного склона (перепад высот до 1,5 м на 8 м дистанции). Четыре погребения гр. 3 располагались в основном скоплении разновременных захоронений в северной части раскопа (см. рис. 1, 3). При этом комплексы 1, 13 и 14 устроены в один ряд по линии 3–В и почти сливаются, как бы образуя одну площадку с примерными размерами 7 × 2 м. Погребение 2 обнаружено в 4 м к югу от этого «ряда». Ещё два погребения 15 и 17, располагались парой, в 3 м друг от друга в южной оконечности раскопа, на удалении в 50 м от остальных захоронений гр. 3. Отметим, что комплексы упомянутой гр. 2, отнесенной к раннему железу, расположены отчасти на тех же участках некрополя (рис. 1, 3).

Погребения гр. 3 фиксировались по рассеянным скоплениям фрагментов *кремированных человеческих останков на уровне древней поверхности и предметов (в том числе со следами огня)*. Глубина уровня находок от современной поверхности – 0,1–0,3 м. Следов стационарного горения на площади скоплений не зафиксировано. Такое расположение артефактов могло быть результатом разрушения захоронений на деревьях или в наземных конструкциях. Над площадками с артефактами отсутствовали перекрытия из камней или слои отличимого грунта, не зафиксировано и углублений для помещения останков. По этим причинам объекты воспринимались как «открытые комплексы, где сочетание артефактов внутри скоплений может быть случайным» (Марченко и др. 2012: 457). В рамках скоплений зафиксированы фрагментированные части керамических сосудов, предметы вооружения и поясной фурнитуры из бронзы, железа и кости. Многочисленны фрагменты обожженных костяных наконечников. Предположительно, с этими объектами можно связать две бронзовые бляхи сбруйного типа в виде «стилизированных изображений птиц, помещенных симметрично спиной друг к другу» (рис. 1, 4, 5; 5, 1). Приведем описание всех обнаруженных комплексов гр. 3, соблюдая их планиграфическую связь: сначала погребения 1, 13, 14, затем погребение 2 и пара погребений 15 и 17.

Погребение 1 – наиболее информативное в гр. 3, но и самое сложное в понимании его хронологической позиции. Оно располагалось ближе

всего к краю террасы и может считаться западным объектом в ряду однотипных погребений 1, 13 и 14. Представлено скоплением мелких кальцинированных костей, развалами двух сосудов с «обмазочными» валиками, комплексом бронзовых, железных и костяных предметов. Следов могильной ямы и надмогильных сооружений не зафиксировано. Артефакты располагались на площади $2,2 \times 1,2$ м по линии ЗЮЗ–ВСВ. Границы локализации объекта нечеткие, определялись по распространению разрозненных кальцинированных костей человека (рис. 2, 1).

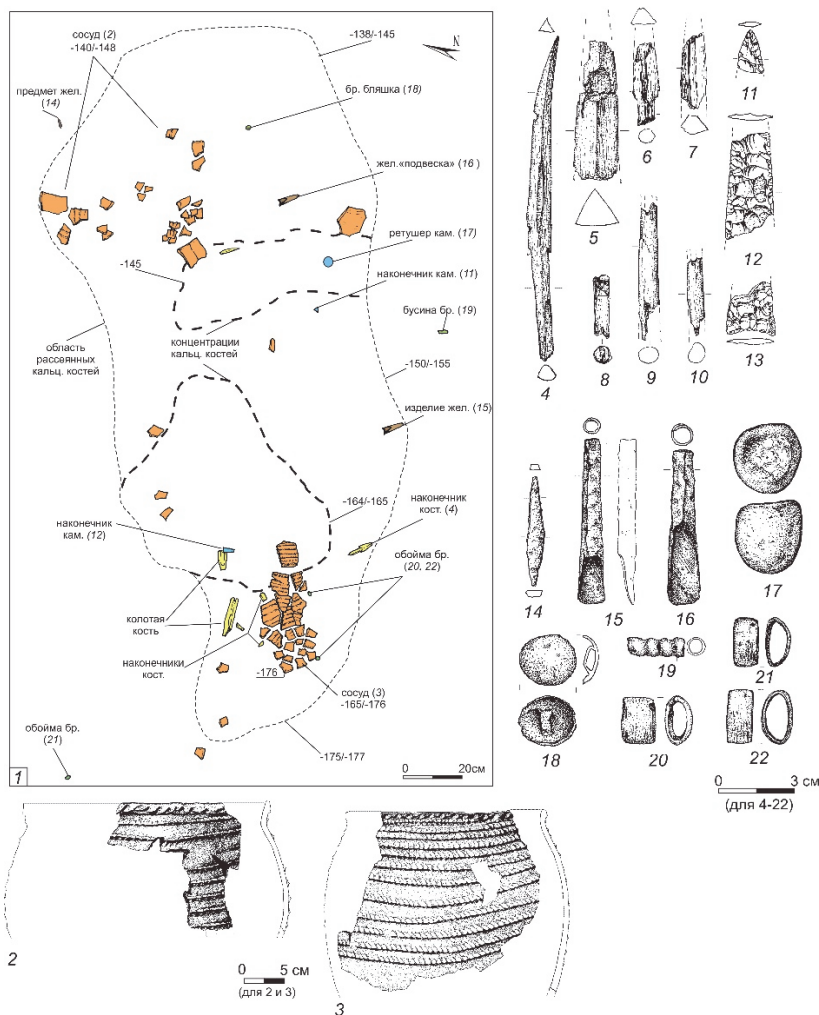

Рис. 2. План погребения 1 (1) и находки из него: 2, 3 – фрагмент керамических сосудов (№ 828, № 829); 4–7 – наконечники (кость) (№ 21, 3, 4, 2); 8–10 – переходники (рог) (№ 17, 799, 801); 11–13 – наконечник (камень) (№ 13, 12, 256); 14 – предмет (железо) (№ 19); 15, 16 – изделия (железо) (№ 10, 9); 17 – ретушер (камень); 18 – бляшка (бронза) (№ 11); 19 – бусина (бронза) (№ 6); 20–22 ободья (бронза) (№ 5, 7, 8)

По местоположению керамики объект можно разделить на две части – «восточную» (сосуд № 828 (см. рис. 2, 1, 2)) и «западную» (сосуд № 829 (рис. 2, 1, 3)). Скопления керамики залегали компактно, но отдельные её фрагменты находились на расстоянии 2–3 м севернее основной площади локализации погребения 1. Небольшие фрагменты сосуда № 828 были встречены в основном скоплении сосуда № 829 и наоборот. К скоплениям керамики были приурочены и кальцинированные кости. По заключению антрополога, все они могли принадлежать одному скелету взрослого человека (*Adultus-Maturus*).

Находки располагались среди кальцинированных костей. «Восточный» сосуд (№ 828) – закрытый баночный круглодонный сосуд со слегка отогнутым наружу краем венчика (рис. 2, 2). Диаметр по венчику – 31 см, высота – более 18 см. Орнаментирован горизонтальными плотными рядами «обмазочных» валиков, покрывающих верхние 2/3 сосуда. «Западный» сосуд (№ 829) – закрытый баночный сосуд, вероятнее всего, с круглым дном (рис. 2, 3). Диаметр по венчику – 25 см, высота – более 23 см. С внешней стороны края венчика подлеплялся нетолстый «валик-жгут», который проминался пальцевыми защипами. По краю венчика разрежено нанесены пары узких ямочных наколов. Ниже венчика 2/3 сосуда орнаментированы горизонтальными рядами тонких «обмазочных» валиков.

Кроме того, в «западной» части были обнаружены: три бронзовые полукруглые обоймы (две у развала сосуда, и одна в 40 см к СЗ от условной границы погребения) (рис. 2, 1, 20–22), фрагменты обожженных костяных наконечников стрел (рис. 2, 5–7), необожженный крупный наконечник длиной около 13 см (рис. 2, 1, 4), фрагмент каменного наконечника (рис. 2, 1, 12). В «восточной» части найдены: фрагмент обожженного до белого цвета рогового переходника для стрелы (рис. 2, 8), бронзовая пуговицевидная бляшка диаметром около 2 см с петлёй на обороте (рис. 2, 1, 18), железное трубчатое изделие длиной 6,8 см (рис. 2, 1, 16). К этому же комплексу условно отнесен вытянутый железный предмет с прямоугольным сечением и размерами 4,3 × 0,6 × 0,3 см (рис. 2, 1, 14). В «восточной» части среди кальцинированных костей найден круглый каменный предмет в виде гальки со следами забитости с одной стороны (ретушёр) (рис. 2, 1, 17) и маленький фрагмент части каменного наконечника с острием (рис. 2, 1, 11). Между западным и восточным скоплениями у южной границы погребения находилось второе железное трубчатое изделие длиной 6,2 см (рис. 2, 1, 15), а в 25 см за пределами границы – бронзовая «гофрированная» пронизка-бусина длиной 2,3 см (рис. 2, 1, 19).

Погребение 13 располагалось в одном ряду и между однотипными погребениям 1 и 14 (рис. 1, 3). Представляло собой скопление кальцинированных костей человека и предметов на площади 1,8 × 1,6 м. Наиболее компактно кости располагались в восточной части ареала на площади 30 × 30 см. Определимые останки представлены фрагментами лобной кости черепа и длинными костями конечностей индивидуума (*Juvenis-Maturus*).

Находки. Среди кальцинированных костей человека выявлены кости рыб, кости мелкого животного, скопления мелкого гравия, а также небольшие фрагменты костяных обожженных наконечников стрел. Скопление предметов содержало крупный фрагмент стенки сосуда с «обмазочными» валиками, а также фрагменты от венчиков других пяти сосудов, украшенных аналогичным орнаментом (см. рис. 4, 1). Помимо этого найдены: каменный наконечник (см. рис. 3, 13), большое количество фрагментов примерно от 20 обожженных в разной степени костяных наконечников (рис. 3, 8–12, 14–17), фрагменты других, неопределимых костяных изделий, сильно обожженный деревянный неопределимый предмет, бронзовая бляха сбруйного типа (№ 41 (см. рис. 1, 5)) с остатками обожженной органики на оборотной стороне. Бляха находилась в 0,15 м от западной части скопления костей, в одном горизонте с находками погребения 13.

Погребение 14 почти примыкало с востока к периферии ареала распространения предметов погребения 13, замыкая ряд из погребений 1, 13 и 14 (рис. 1, 3; 3, 1). Первоначально объект выявлен по скоплению фрагментов обожженных костяных наконечников. Примерные размеры площадки с находками и рассеянными кальцинированными костями $2,2 \times 1,8$ м. При разборе культурного слоя обнаружена небольшая концентрация (20×20 см) мелких кальцинированных костей скелета одного человека (*Juvenis-Maturus*). Расстояние между этим скоплением костяных наконечников и прахом – около 25 см.

Находки. В непосредственной близости от скопления костей обнаружен фрагмент бронзового трехлопастного наконечника стрелы (рис. 3, 1, 4), трубчатое ушко от сосуда-дымокура с шестью отверстиями для подвешивания, орнаментированное с двух сторон небольшими налпными валиками с насечками (рис. 3, 1, 7). Над фрагментом дымокура располагалась тонкая бронзовая овальная в плане пластинка размерами $3,2 \times 1,1$ см (рис. 3, 1). Рассеянное скопление остальных находок содержало фрагментированные обожженные до белого цвета костяные наконечники (первоначальное количество изделий определить невозможно (рис. 3, 1–3)), фрагменты костяного изделия, а также фрагменты трёх каменных наконечников (рис. 3, 5). Костяные наконечники в сечении ромбические и треугольные. Среди наконечников зафиксированы фрагменты рыбьих костей и компактные скопления мелкого гравия. На северо-западной периферии площадки выявлена бронзовая колоколовидная подвеска длиной 4 см (рис. 3, 1, 6).

Погребение 2 обнаружено над неолитическим погребением (см. рис. 1, 3), в 4,2 м к югу от погребения 1. Представляло собой компактное скопление мелких кальцинированных костей взрослого человека (*Adultus-Senilis*) на площади $0,45 \times 0,37$ м. Углубление и артефакты, которые можно было бы отнести к этому скоплению костей, отсутствовали.

Погребение 15 располагалось в 3 м к СЗ от погребения 17 (см. рис. 1, 3). Представляло собой рассеянное скопление мелких кальцинированных костей человека на площади $1,2 \times 0,5$ м мощностью 6–8 см. Останки принадлежали взрослому человеку. Среди костей отмечены мелкие углестые включения. Возможно, к погребению относилась концентрация керамики цэпаньского облика (об. 44) размером около $1,1 \times 0,35$ – $0,55$ м, частично совмещённая с областью распространения костей.

Находки. Непосредственно в границах скопления костей встречены каменные наконечники, круглая костяная подвеска диаметром 1,5 см с отверстием (рис. 3, 19), роговые переходники для наконечников стрел (рис. 3, 18), фрагменты костяных наконечников. Также выявлены мелкие фрагменты неопределимых пластинчатых костяных изделий. Возможно, это остатки костяных накладок на лук. Костяные и роговые предметы имеют следы термического воздействия.

В ходе раскопок было отмечено, что в некоторых случаях керамика объекта № 44 перекрывалась артефактами погребения 15. Между тем каменный наконечник стрелы и костяная подвеска из погребения находились на одном уровне с частью керамических фрагментов. Несколько большая глубина залегания фрагментов керамики в южной части скопления об. 44 может объясняться значительным наклоном поверхности у края террасы. Фрагменты керамики из об. 44 принадлежали не менее чем к двум сосудам цэпаньского облика (см. рис. 4, 2). Там же найдены: каменное орудие, наконечники, дебитаж, кости животных. По всем этим данным представляется наиболее вероятным, что погребение 15 и об. 44 являются одним комплексом.

Погребение 17 располагалось в 3 м к ЮЮВ от погребения 15 и также на наклонной поверхности (с м. р и с. 1, 3). Представлено двумя рассеянными концентрациями кальцинированных костей взрослого человека (южным и северным) мощностью 5–12 см на общей площадке около $1,2 \times 1,1$ м.

Находки. Среди костей меньшего, северного скопления обнаружен каменный скребок. В южном найдены фрагменты каменных и костяных наконечников (рис. 3, 21), роговой переходник для наконечника (рис. 3, 20), мелкие фрагменты неопределимых пластинчатых костяных изделий, возможно, от накладок на лук. Обнаружено более 100 фрагментов большей частью мелких фрагментов керамики, располагавшихся в скоплениях костей, между ними и к северо-востоку от них. Преобладали фрагменты от одного сосуда цэпаньского облика.

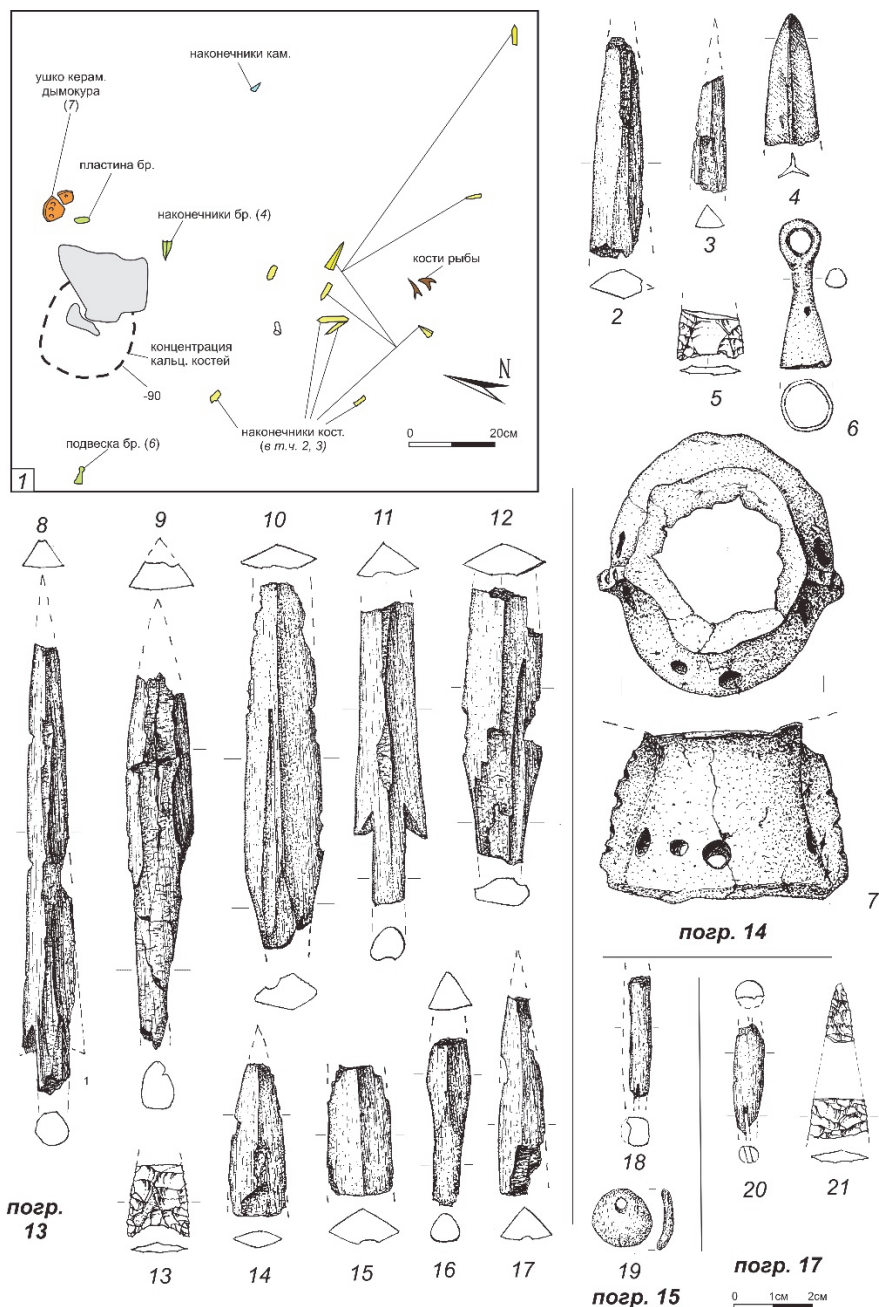

Рис. 3. План погребения 14 (1) и находки из могил гр. 3: 13 (8–17); 14 (2–7); 15 (18, 19); и 17 (20, 21); 2, 3, 8–12, 14–17 – фрагменты наконечников (кость) (№ 363, 364, 423, 327, 356, 422, 341, 332, 342, 329, 503); 4–7 – наконечник (бронза) (№ 362); 5, 13, 21 – наконечники (камень) (№ 722, 326, 374, 375); 6 – подвеска (бронза) (№ 421); 18, 20 – переходники (рог) (№ 797, 734); 19 – подвеска (кость) (№ 333)

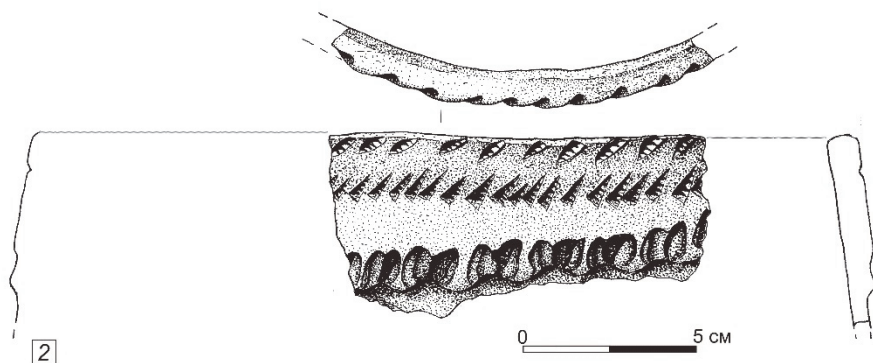

Рис. 4. Керамика из погребений 13 (1) и 15 (2)

Описание инвентаря

Инвентарь встречен во всех погребениях гр. 3, кроме погребения 2.

Бронзовые предметы обнаружены в трёх погребениях (1, 13 и 14): три полукруглых обоймы (пронизки), пуговицевидная бляшка и «гофрированная» пронизка в погребении 1, бляха сбруйного типа в погр. 13, а также трёхлопастной наконечник стрелы, колоколовидная подвеска и пластинка в погребении 14.

В погребении 1 найдено два железных трубчатых изделия, которые можно интерпретировать как вариант ложечковидных застёжек хуннского типа или как декоративные изделия, связанные с ритуальной атрибутикой (шумящие подвесы) (Марченко, Гаркуша, Гришин 2024: 183–186). Другим железным предметом в скоплении было остроугольное изделие типа шила (см. рис. 2, 14). Каменные и костяные наконечники стрел, а также роговые переходники для них обнаружены во всех погребениях, кроме безынвентарного погребения 2. Каменные наконечники представлены фрагментами бифасиальных, бесчерешковых, подтреугольных с вогнутым насадом экземпляров. Определимые фрагменты обожжённых костяных наконечников относятся к изделиям с пером листовидной или треугольной формы с ромбовидным или треугольным сечением, с выделенными шипами и черешком с круглым в основании сечением. Помимо этого в погребении 15 найдена костяная подвеска, а в погребениях 15 и 17 – предположительно, фрагменты костных накладок на лук.

Фрагменты керамики обнаружены во всех погребениях гр. 3, кроме безынвентарного погребения 2. Полные развалы сосудов отсутствовали, но скопления крупных фрагментов имелись почти во всех погребениях (1, 13, 15, 17), кроме погребения 14, где находились ушко и мелкие фрагменты дымокура. Как правило, в погребении находились фрагменты от одного-двух сосудов (погребения 1, 14, 15, 17). Однако в погребении 13 были части предположительно от пяти-шести сосудов. На площадке погребения 17 находилось более 100 (преимущественно мелких) фрагментов, в основном от одного сосуда. Фрагменты керамики принадлежат емкостям как цэпаньского облика (погребения 15, 17 (рис. 4, 2)), так и посуде, декорированной «обмазочными» валиками (погребения 1, 13 (рис. 2, 2, 3; 4, 1))

На раскопе за пределами погребений найдено ещё несколько значимых бронзовых изделий, достоверно не связанных с погребениями, но эпохально им близких: бронзовая фигурная бляха сбруйного типа № 1 к северу от погребения 1 и 13 (см. рис. 1, 4, 3), кольцевидное навершие от ножа (?) в центральной части раскопа (рис. 1, 3, 8), серповидный нож с утратами и часть от второго ножа в южной части раскопа (рис. 1, 3, 9, 10), овальная обойма (пронизка) в основном скоплении погребений (рис. 1, 3, 7), половинка бабочковидной бляшки в об. 3 на северной оконечности раскопа (рис. 1, 3, 6).

Датировка инвентаря и культурные особенности погребений

По причине сложности датирования открытых комплексов с небольшим количеством инвентаря погребения гр. 3 изначально рассматрива-

лись частью авторов как более поздние по отношению к гр. 2 и датировались широко, «в рамках второй половины I тыс. до н.э. – рубежа эр» (Марченко и др. 2014: 229), что не исключало принадлежности группы к скифскому времени (V–III вв. до н.э.). Впоследствии другими исследователями захоронения гр. 3 из УЗ-2 были синхронизированы с погребениями по обряду кремации на стороне из нижнеангарского могильника Пинчуга-6, где также были найдены две бронзовые «фигурные птичеголовые накладки». Одна из них обнаружена в погребении 12 в комплексе с «ажурной безъязычковой пряжкой» (Сенотрусова и др. 2024: 72, рис. 1, 4, 9). Помимо этого, керамический комплекс с «тонковаликовой» керамикой язаевского типа (Сенотрусова, Мандрыка, Бирюлева 2023) может быть сопоставлен с сосудами из погребения 1.

Погребения из Пинчуги-6 датированы «второй четвертью I тыс. н.э.» (Мандрыка и др. 2021: 122) или «первой половиной – серединой I тыс. н.э.» (Сенотрусова и др. 2022: 304). Происхождение безъязычковых пряжек авторы связывают «с кругом хуннских и постхуннских культур Южной Сибири» (Сенотрусова и др. 2024: 75). С накоплением материалов датировка могильника будет уточняться, но очевидно, что этот памятник сформировался значительно позже угасания скифской культуры. Из бронзового инвентаря аналогии в скифском времени имеют лишь пуговицевидные бляшки с перемычкой на обороте с широкими рамками бытования (Там же: рис. 2, 1, 2). Между тем значительная часть металлического инвентаря из погребений гр. 3 УЗ-2, как и гр. 2 (Шульга и др. 2025), по всем данным, относится к скифской эпохе. При ближайшем рассмотрении Пинчуга-6 и УЗ-2 различаются как по инвентарю, так и по погребальному обряду. Предположение о синхронности всех комплексов гр. 3 могильнику Пинчуга-6 (см.: Мандрыка и др. 2021: 121–122) не имеет под собой веских оснований, и обусловлено, прежде всего, недостатком опубликованной информации. Показательно, что, руководствуясь краткой публикацией (Марченко и др. 2012: 455, 457), на первом месте в перечне синхронных изделий авторы упоминают «железные наконечники стрел» (Мандрыка и др. 2021: 121). В то же время в погребениях гр. 3 в УЗ-2 нет железных наконечников, а найденные в раскопе плоские подтреугольные изделия без черешков (некоторые с округлыми отверстиями) не имеют ничего общего с разнообразными железными черешковыми трёхлопастными наконечниками стрел из Пинчуги-6 (Там же: рис. 2)¹.

Следует особо отметить, что почти все погребения с кремацией на стороне в Пинчуге-6 (13 из 16) производились в неглубоких ямках, подобно захоронениям гр. 2 из УЗ-2, относящихся к скифскому времени. Захоронения же на древней поверхности зафиксированы в Пинчуге-6 только в трёх случаях и только в комплексе с находящимися под ними погребениями в ямках (Сенотрусова и др. 2022: 299, 301, 304; Сенотрусова и др. 2023: 130)².

Рассмотрим хронологическую позицию погребений гр. 3 из УЗ-2 по инвентарю, обнаруженному на этом памятнике. Найденные в слое на раскопе двулезвийные изогнутые бронзовые ножи («серповидные кинжалы» или «кинжалы-бебуты») датируются в Приангарье в очень широких рамках – VII–II вв. до н.э. (Привалихин, Дроздов, Макулов 2015: 142). Узко не определено и время бытования бронзовых черешковых и «бесчерешковых» трёхлопастных наконечников (142). В.И. Привалихин полагал их использование на Ангаре примерно в рамках IV–II вв. до н.э. (2013: 88). Ещё шире хронологические рамки для керамических сосудов. Так, керамика цэпаньского облика из погребений гр. 2 (погр. 4, 9) и гр. 3 (погр. 15, 17), по В.И. Привалихину, могла производиться почти до конца I тыс. до н.э. начиная с VIII–VII вв. до н.э. (2011). Соответственно, керамические сосуды цэпаньского облика и бесчерешковые наконечники стрел пока не позволяют уточнить датировку захоронений. Каменные и костяные наконечники стрел также совместно использовались длительное время.

Отметим, что с раннего железного века в таежных районах Сибири получили распространение и продолжали бытовать в эпоху средневековья сосуды-дымокуры, к которым может быть отнесено ушко сосуда из погр. 14 (Леонтьев, Герман 2015: 94). В частности, на стоянке Взвоз, пункт 2, фрагменты дымокуров со схожими ушками, декорированными наклепными валиками с насечками, составляют единый комплекс с керамикой цэпаньского облика, который авторы публикации соотносят с завершающим этапом цэпаньской культуры (102).

Керамика же с «обмазочными» тонкими валиками, по первоначальному представлению П.В. Мандрыки, использовалась на Ангаре предположительно с середины I тыс. до н.э. до начала II тыс. н.э. (2008: 74), но в недавних публикациях исследователя с коллегами предложены более узкий период и верхняя граница бытования подобной посуды – 2-я четверть I тыс. н.э. (Сенотрусова и др. 2023: 132). Данная точка зрения заставляет нас оставить открытым вопрос о синхронности керамики из погребений 1, 13 и остального предметного комплекса, зафиксированного нами в рамках погребения 1. Возможно, со временем новые данные позволят скорректировать представления о типологии и хронологии «тонковаликовой» керамики и дифференцировать более поздние предметы в этом комплексе УЗ-2, а возможно, и в других объектах памятника.

Между тем, в погребениях с кремацией на стороне (гр. 2 и 3) в УЗ-2 имеются бронзовые изделия с устоявшимися датировками (Шульга и др. 2025). К ним относится большинство таких предметов: поясные бабочковидные накладные бляшки разных видов, крупные полукруглые пронизки (обоймы), пуговицевидная бляшка с петелькой на обороте, колоколовидная подвеска и двукольчатые блоки. Все они встречаются в поясных наборах в скифоидных культурах Южной Сибири в памятниках

второй половины VI–IV вв. до н.э. Наиболее узкую дату из указанных изделий имеют бабочковидные бляшки типа найденных в погребениях гр. 2 из УЗ-2 (см. рис. 1, 6, 5, 2, 3), обычно встречающиеся в захоронениях V–IV вв. до н.э. (Семёнов 1997: 19; Шульга 2015: рис. 77; Килуновская, Фролов 2020; Шульга 2023). Важно отметить специфическую «горшковидную» форму лопастей бабочковидных бляшек из УЗ-2, характеризующую местный ангарский тип, редко встречающийся на соседних территориях. Как бы мы не относились к хронологии своеобразных захоронений с кремацией на Ангаре, но погребения гр. 2 из УЗ-2, нет оснований датировать по инвентарю позже IV–III вв. до н.э. (Шульга и др. 2025).

Для понимания хронологической и культурной позиции погребений гр. 3 оправданно сравнить их с гр. 2, имеющей как отличительные, так и сходные черты.

Различия. В гр. 2 прах и инвентарь располагались в небольших (диаметр 30–60 см), мелких ямках глубиной 10–20 см от уровня фиксации, а в гр. 3 – на обширной площадке размерами до $2,2 \times 1,8$ м на уровне древней поверхности. Различие неполное, так как в части комплексов гр. 3 есть небольшие участки с повышенной концентрацией костей (погр. 2, 13 и 14). В гр. 2 встречено значительное количество поясных бабочковидных бляшек трёх типов, а в гр. 3 они отсутствуют. Впрочем, пока таких захоронений известно немного, выборка незначительная, и при увеличении их числа состав инвентаря и его соотношение могут существенно измениться.

Сходство. Значительно больше общих черт. Погребения характеризуются редким для Сибири второй половины I тыс. до н.э. обрядом – полным сожжением тела человека вместе с инвентарем вне погребального комплекса. Практически во всех погребениях обеих групп присутствуют одинаковые категории инвентаря: бронзовые детали поясной фурнитуры; фрагменты керамики; однотипные бронзовые «бесчерешковые», костяные и каменные наконечники стрел; костяные переходники для стрел; в небольшом количестве встречаются изделия из железа. Сходство имеется и в орнаментации керамики. Так, в гр. 2 в трёх погребениях (4, 9 и 25) найдены немногочисленные фрагменты керамики цэпаньского облика, и в одном из них (погребение 25) был фрагмент с «обмазочным» валиком. В гр. 3 керамика цэпанского облика присутствовала в двух погребениях (15, 17), и в двух (1, 13) найдена керамика с «обмазочными» валиками.

Среди находок в гр. 3 относительно поздние аналогии имеют только два железных изделия в виде конических трубочек с кососрезанной расширенной частью из погребения 1 (см. рис. 2, 15, 16). Вероятно, такие предметы в североангарских погребальных комплексах в целом были представлены чрезвычайно редко. Нам известно одно упоминание о «полых конусообразных стержнях», обнаруженных на площади поселения

Чадобец. Видимо, речь может идти о предметах, аналогичных «зелендинским». Привлекает внимание, что предметы находились в скоплении обожженных костей, размещенных в яме с нечеткими границами без каменной кладки (Дроздов и др. 1978)³.

Как было отмечено выше, это может быть вариантом изделий типа широко известных ложечковидных застёжек, характерных для культуры хунну. Их изготавливали со II в. до н.э. из бронзы с двумя перемычками на оборотной стороне (см. обзор: Кунгурова, Оборин 2013: 131–132). В поясной фурнитуре роговые застёжки (подвески) такого типа зафиксированы вместе с ремешками в Туве на могильнике Хайыракан в кург. 5, датируемом Вл.А. Семёновым II в. до н.э. (2003: 76–77, табл. 92, 1–4). Несомненно, во II–I вв. до н.э. многие подобные изделия из кости (рога) копировали хуннские образцы (табл. 109, 4). Между тем эта конструкция в виде конической трубочки с косо срезанным расширенным концом широко использовалась на Саяно-Алтае значительно раньше – в скифское время в уздечках и на поясах в качестве застёжки (подвески). Эти изделия происходят от роговых копытовидных застёжек VI в. до н.э. (Шульга 2003: 81, 110; Шульга 2015: 111). Важно отметить, что в предгорьях Алтая на могильнике каменной культуры Локоть-4а, датируемом не позже IV в. до н.э., найдено две разновидности поясных ложечковидных застёжек из железа и серебра (Шульга 2003: рис. 6, 31, 4). С другой стороны, рассматривая эти изделия как вариант трансформации ритуальной атрибутики (Марченко и др. 2024), вполне возможно допустить их местное, независимое от скифских изделий происхождение.

Несомненный интерес представляют две крупные бронзовые фигурные бляхи сбруйного типа. Одна из них (№ 41) находилась в узком промежутке между условными границами погр. 1 и 13 (в 12 см от границы погр. 13) в том же слое. Вторая бляха (№ 1) обнаружена в 2,5–3 м севернее указанных погребений (рис. 1, 3–5). В отдельной статье с подробным описанием этих и других аналогичных блях показано, что они характерны для культур лесной зоны, а прототипом им послужили сбруйные бляхи скифского времени, в наибольшем количестве представленные в пазырыкской культуре (Марченко и др. 2014). На основании анализа конструкции блях и следов сработанности сделано заключение о расположении их «планкой» вверх, как и у сбруйных блях. Вопрос о конкретных способах использования остаётся открытым (234). Согласно приведённому перечню находок, из 12 учтённых блях сбруйного типа шесть происходят с Ангары, две найдены на Енисее, четыре – на левобережье Енисея и в Айдашинской пещере (верховья р. Чулым в Красноярском крае), и по одной – на Средней Оби и Каме (229–230). Авторы принимали в расчёт отсутствие надежного археологического контекста, датирующего бляхи, а потому предварительно определяли период существования этих изделий «в рамках второй половины I тыс. до н.э. – конца

I тыс. н.э.». Происхождение их связывалось с культурами степной полосы Сибири (228), т.е. допускалось бытование блях сбруйного типа в интервале от скифского времени до раннего средневековья. Данная тема получила развитие в краткой публикации Ю.В. Ширина, указавшего на значительное количество подобных «птицеголовых» блях в составе случайных находок в западном ареале их распространения от Перми до Нижнего Приобья (2018: рис. 1, 1–7). По мнению автора, бляхи этого типа «вряд ли изготавливались позднее середины I тыс. н.э.». Наличие в комплексах скифского времени Южной Сибири конструктивно аналогичных «портупейных блях» (рис. 5, 18) исследователь посчитал явлением если не случайным, то сложнообъяснимым (260). Каких-либо обоснований этой точки зрения не приводилось.

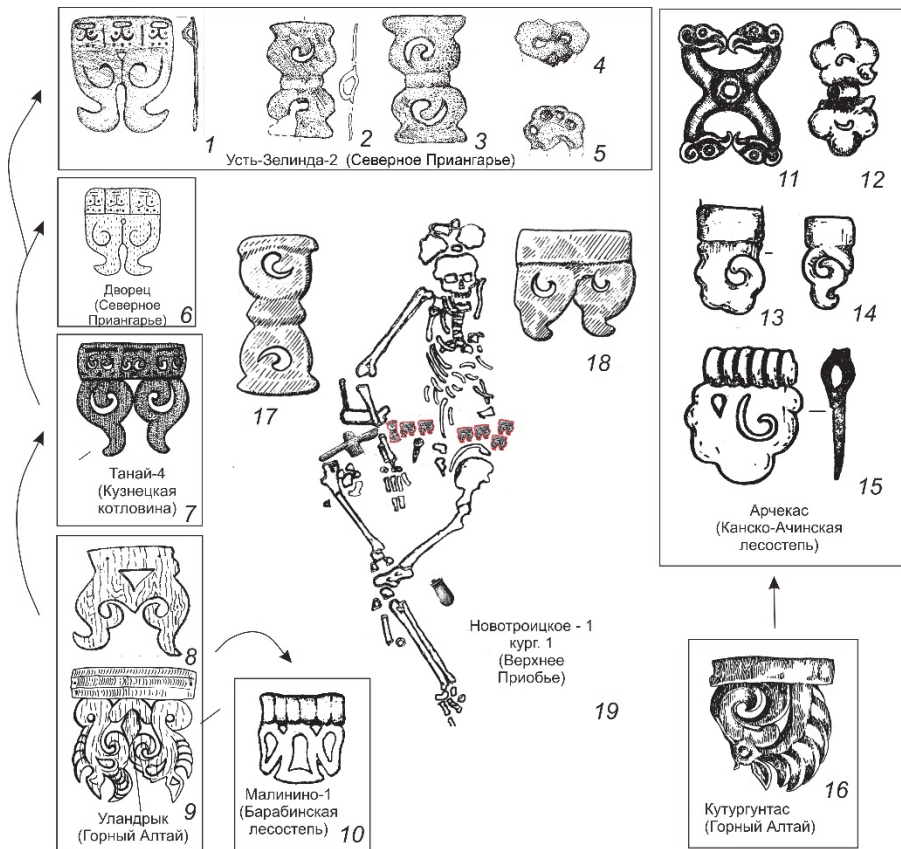

Рис. 5. Поясные бляхи сбруйного типа (1–17) и погребение из кургана 1 мог. Новотроицкое–1 (19) (сост по: (Кулемзин 1979; Кубарев 1987; Полосьмак 1994; Леонтьев, Дроздов 1996; Бобров, Жаронкин 1998; Молодин и др. 1999; Шульга и др. 2009; Шульга 2023) (1–7, 10–15, 17, 18 – бронза; 8, 9, 16 – дерево)

В ходе дополнительного изучения вопроса о датировке «птицеголовых» блях с привлечением материалов из лесостепной зоны и могильника Пинчуга-6 мы пришли почти к тому же первоначальному мнению – «таёжные» фигурные бляхи сбруйного типа могли использоваться в Сибири в скифское время и в раннем средневековье.

Наиболее представительным памятником, демонстрирующим самый ранний (и пока единственный) случай использования блях сбруйного типа в качестве поясных накладок, является непо потревоженное захоронение в кургане 15 на могильнике Новотроицкое-1 (Верхнее Приобье), датируемое V–IV вв. до н.э. На поясе воина, вооружённого чеканом и кинжалом, находилось шесть сбруйных бляшек с двумя скобками (петлями) на обороте и бабочковидная бляшка ангарского типа (рис. 5, 17–19) (Шульга, Уманский, Могильников 2009: рис. 20, 21, 2, 3), т.е. на одном поясе обнаружены вместе бляшки двух типов, которые представлены и в УЗ-2, но в разных типах погребений (см. рис. 5, 1–3). Аналогичная по устройству бляшка, но со «стилизированным изображением хищной птицы», найдена в кургане 1 могильника Малинино-1 в Барабинской лесостепи (рис. 5, 10) (Молодин и др. 1999: 441, рис. 1, 4), предметный комплекс из которого имеет аналогии в материалах саргатской и новочекинской культур⁴. Как видим, указанные сбруйные бляхи близкого дизайна в двух комплексах (Новотроицкое-1, Малинино-1) датируются в рамках V–III вв. до н.э., а в одном из них они оказались вместе с бабочковидными бляшками ангарского типа (Новотроицкое-1).

Особое место для хронологической атрибуции материалов погребений гр. 2 и 3 занимают погребальные комплексы с остатками кремаций из двух курганов могильника на горе Арчекас, исследованных в 1971 г. А.М. Кулемзиным под г. Мариинском (Кулемзин 1979). В расположенных в 20 м друг от друга курганах под земляной насыпью высотой около 0,5 м на уровне древней поверхности обнаружены обгоревшие брёвна обширных срубов, изначально имевших невысокие стенки, пол и потолок. В каждом срубе находились останки сожженных в срубе людей: пять в кургане 1 и девять в кургане 2. Умершие укладывались в ряд головами на восток и запад (курган 1) и юг (курган 2). В кургане 2 за пределами сруба в мелкой могиле находилось захоронение взрослого человека без следов кремации вытянуто, ничком головой на юг (89).

Предполагается, что сруб в кургане 1 во время сожжения стоял на земле⁵, но о наличии или отсутствии прокала земли под срубом в тексте нет информации. Остатки столбов зафиксированы под углами сруба в кург. 2. Прокал под срубом отсутствовал, из чего сделано заключение, что сожжение сруба происходило, когда он стоял не на земле, а на столбах (Кулемзин 1979: 89, рис. 47). В этом случае, как и в кургане 2, мощное кострище находилось в срубе, по его центру. В обоих курганах обнаружено 60 изделий из металла, кости и камня, а также 20 керамических

сосудов. Основная часть материала опубликована. Большинство бронзовых изделий датируются VI–IV вв. до н.э. Однако часть сосудов, по мнению А.М. Кулемзина, имеет позднетагарские и даже раннетагаштыкские аналогии (94). Железные изделия представлены тремя ножами в срубе кургана 2 и фрагментом стрелы в погребении по обряду ингумации. На тот момент исследователь не нашёл в Сибири аналогий арчекасским курганам, но предполагал, что подобными объектами могли быть недокументированные Степановский клад (Притомье) и курганы на Лысой Горе (юг Среднего Приобья) (98). Не останавливаясь на вопросах датирования курганов из Арчекаса, отметим большое количество там ранних бронзовых изделий, среди которых присутствуют поясные бляшки пяти типов: бляшка с двумя парами головок грифонов в кургане 1 (см. рис. 5, 11), найденные в кургане 2 шестисекционная и бабочковидная бляшки рис. 5, 12) и бляшки сбруйного типа с «шарнирными петлями» на обороте (рис. 5, 13–15). В этом кургане мы находим сходство как с погребением в кургане 15 могильника Новотроицкое-1 (коллективное погребение уложенных в ряд на спине умерших и сочетание бабочковидной бляшки с бляшками сбруйного типа), так и с погребениями в УЗ-2 (предполагаемое воздушное захоронение остатков кремации, сравнительно ранние бронзовые изделия, включающие бабочковидные бляшки и бляхи сбруйного типа).

Выводы

1. Комплексы с остатками полной кремации тела на древней поверхности по обряду сожжения на стороне (гр. 3) из могильника УЗ-2 по следам ритуальной практики и инвентарю близки к погребениям гр. 2, датируемым в рамках V–III вв. до н.э. Поскольку погребения гр. 3 представляют собой открытые комплексы с «условным» составом погребального инвентаря, не исключена вероятность, что в них могли попадать предметы из более поздних погребений и/или культурных слоёв. В связи с этим, до получения дополнительных материалов, погребения гр. 3 из УЗ-2 не следует полагать эталоном нового типа памятников с надёжно определённой хронологической позицией.

Вместе с тем нет оснований синхронизировать гр. 3 в полном составе с могильником Пинчуга-6, отличным как по погребальному обряду, так и по инвентарю. За исключением двух «птицеголовых» блях, в раскопе УЗ-2 отсутствовали изделия, подобные найденным в Пинчуге-6⁶.

2. Фигурная бляха сбруйного типа № 41 из УЗ-2, по всей видимости, относится к погребению 13, и, вместе со вторым аналогичным изделием № 1, может предварительно относиться к скифскому времени (V–III вв. до н.э.). В целом, они входят в группу различающихся по дизайну блях сбруйного облика, производных от собственно сбруйных блях. Бляхи

сбруйного типа производились в таёжной зоне до середины I тыс. н.э., и, по-видимому, использовались как накладные бляхи на поясах.

3. Зафиксированные на Ангаре варианты обрядов кремации на стороне вместе с инвентарём и жертвенники с побывавшим в огне инвентарём, включающим значительное количество поясной фурнитуры (Усть-Тасеевский комплекс), по-видимому, не были локальным явлением. На это указывают курганы из Арчекаса, содержавшие сожжённые срубы с останками людей, и богатый материал, включавший поясную фурнитуру с редким сочетанием блях сбруйного типа и бабочковидных бляшек. Между данными памятниками расстояние по прямой от 400 км (Арчекас – Усть-Тасеево) до 900 км (Арчекас – УЗ-2). На этом пространстве в Ачинско-Мариинской лесостепи протяжённостью примерно 300 км выделяется ареал лесостепной тагарской культуры (Мартынов 1979: рис. 2)⁷, носители которой с III в. до н.э. продвинулись до района г. Томска. В III в. до н.э. у тагарцев на указанной территории «появляется обряд сожжения погребальной камеры, а со II в. до н.э. полное сожжение погребальной камеры становится обязательным условием... в южносибирской степи» (138). При этом на позднем этапе у них существовал и обряд «сожжения трупов на стороне и погребение остатков в виде кучки мелких обломков обуглившихся костей» (132). Однако у лесостепных тагарцев в погребениях и на поселениях в междуречье Кии и Чулыма отсутствуют поясные бляшки и другая поясная фурнитура из бронзы, за исключением немногочисленных пряжек на позднем этапе. Возникают сомнения, что носители лесостепной тагарской культуры стали инициаторами появления захоронений с сожжением в лесостепной и таёжной зонах Сибири и образования памятников типа Арчекас, Степановский клад и шеломокской культуры Томского Приобья.

Примечания

¹ Мы намеренно опустили в статье информацию о плоских треугольных железных предметах («наконечниках»). Дело в том, что данный тип изделий уже рассматривался в контексте их принадлежности к средневековым комплексам УЗ-2 (Гришин, Марченко, Гаркуша 2013). Прямых аналогий таким предметам обнаружено не было, но можно отметить их сходство с предметами (без отверстий), обнаруженными при исследовании слоев поселения Берямба и названными без анализа их морфологии и контекста «наконечники стрел» (Гревцов, Лысенко 2013: 189, рис. 4; 5). Сходные по конфигурации и параметрам предметы, обнаруженные в культурном слое I памятника Скородумный Бык, также именуются наконечниками. Однако время их бытования оценивается весьма широко – от начала нашей эры до начала XX в. (Фокин 2015: 105–106, рис. 1, 13–20). Функционал «зелендинских» изделий мог различаться в зависимости от пропорций и наличия серии отверстий. Часть предметов была связана с погребальными комплексами, отнесение которых к раннему средневековью подтверждается радиоуглеродными датами (не ранее VI в. н.э.) (Гришин и др. 2013: 89). Данные изделия на УЗ-2 и других памятниках требуют дополнительного осмысления.

² Погребения с «двумя уровнями залегания материалов» (в яме и на поверхности) – 1, 8 и 16. Они обладают наибольшим разнообразием категорий и количеством инвентаря.

Только в них присутствуют скопления фрагментов керамических сосудов с «тонковаликовым декором». В последующей публикации указано 18 исследованных погребений в Пинчуге-6. Погребальный обряд этих двух захоронений не описан (Сенотурсова и др. 2024: 70).

³ По этому объекту имеется лишь краткая информация. Сообщается, что среди костей также находились бронзовые бляхи, пряжки, пуговицы, треугольные бляшки, железный однолезвийный нож. Инвентарь авторами сообщения не рассмотрен, культурно-хронологическая атрибуция объекта не предложена.

⁴ Сбруйная бляшка с таким же дизайном недавно обнаружена в «кладе» на Ангаре в составе однородного комплекса бронзовых изделий V–IV вв. до н.э., включавшего и бляшки ангарского типа. Авторы выражают признательность П.В. Мандрыке, любезно ознакомившего П.И. Шульгу с этой замечательной находкой.

⁵ В условных обозначениях к плану и разрезу кург. 1 указаны «следы от столбов» (Кулемзин 1979: рис. 42). Однако, в тексте и на плане такой информации нет. По всей видимости, эта ошибка произошла при перенесении условных обозначений из рисунка кург. 2, где столбы имелись (рис. 44).

⁶ Опубликованная «птицеголовая» бляха из Пинчуги-6 выглядит как сильно изношенная копия плохого качества, что может трактоваться как следствие угасания традиции и длительности использования самого предмета. Вопрос о сходстве найденной в погребении 1 керамики и сосудов из Пинчуги-6 требует отдельного рассмотрения. Судя по разнообразию керамики на Ангаре, многочисленным фактам длительного сохранения гончарных традиций, однородности памятников и сложности их датирования, определение существования того или иного типа керамики (в том числе с «обмазочными» валиками) в рамках нескольких веков не может считаться корректным.

⁷ Наиболее высокая концентрация «классических» хорошо изученных курганов этой культуры отмечается в междуречье Кии и Чулыма протяжённостью около 100 км в широтном направлении (Мартынов 1979: рис. 39).

Список источников

- Бобров В.В., Жаронкин В.Н. Новые материалы из раскопок поселения Танай-4А // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. Т. IV. 1998. С. 187–190.
- Грецов Ю.А., Лысенко Д.Н. Новые материалы о древнем металлургическом производстве в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сб. ст. / отв. ред. Л.Л. Карнаухова. Красноярск: КККМ, 2013. С. 187–196.
- Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н. Средневековые погребения могильника Усть-Зелинда 2 (Северное Приангарье): к проблеме культурной дифференциации и хронологии // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 2. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2013. С. 84–91.
- Дроздов Н.И., Королёва В.Н., Пашинов А.М., Привалихин В.И. Исследования в Северном Приангарье // Археологические открытия 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 226–227.
- Килуновская М.Е., Фролов Я.В. Сравнительный анализ поясных украшений скифского времени Барнаульского Приобья и Тувы // Вещь в контексте погребального обряда: сб. тр. конф. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2020. С. 126–138.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987.
- Кулемзин А.М. Арчекассские курганы // Археология Южной Сибири / отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1979. Вып. 10. С. 87–99.
- Кунгурова Н.Ю., Оборин Ю.В. Клад, обнаруженный на р. Уйбат (Минусинская котловина) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2. С. 126–136.
- Леонтьев С.В., Герман П.В. Керамический комплекс первого культурного горизонта стоянки Взвоз, пункт 2 (Северное Приангарье) // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: Сиб. федерал. ун-т, 2015. Вып. VII. С. 85–106.

- Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Неизвестные находки бронзовых изделий кулайского облика в таёжной зоне Средней Сибири // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. С. 157–160.
- Мандрыка П.В. Новая археологическая культура раннего железного века в южно-таежной зоне Средней Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3. С. 68–76.
- Мандрыка П.В. Проблемы раннего железного века Северного Приангарья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 2. Казань: Отечество, 2014. С. 207–210.
- Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О., Дедик А.В. Могильник Пинчуга-6 – новый памятник финала эпохи железа в Нижнем Приангарье // Теория и практика археологических исследований. 2021. № 3. С. 116–124. doi: 10.14258/tpai(2021)33(3).-07
- Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е. Исследования на могильнике Усть-Зеленда 2 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 455–460.
- Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н. Древнейшие шаманские атрибуты с Ангара // Stratum Plus. 2024. № 2. С. 175–191. doi: 10.55086/sp242175191
- Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Дудко А.А., Гаркуша Ю.Н. Редкий вид бронзовых фигурных блях эпохи железа Восточной и Западной Сибири: к проблеме трактовки орнамента, использования и датировки предметов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Истрия, филология. 2014. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. С. 228–239.
- Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979.
- Молодин В.И., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Жемерикин Р.В., Марченко Ж.В. К археологической карте Западной Барабы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. Т. V. С. 439–445.
- Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994.
- Привалихин В.И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества: сб. ст. / отв. сост. В. Ярошевская. Красноярск: КККМ, 2011. С. 161–183.
- Привалихин В.И. Исследование погребений стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангара и сопредельных территорий / отв. ред. Л.Л. Карнаухова. Красноярск: КККМ, 2013. С. 73–91.
- Привалихин В.И., Дроздов Н.И., Макулов В.И. Бронзовые серповидные кинжалы-бебуты цэпаньской культуры раннего железного века Северного Приангарья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 6 № 2. С. 139–144.
- Сенотрусова П.О., Дедик А.В., Мандрыка П.В. Погребальный обряд населения Нижнего течения Ангара в финале эпохи железа (по материалам могильника Пинчуга-6) // КСИА. 2022. Вып. 266. С. 297–307. doi: 10.25681/IARAS.0130-2620.266.297-307.
- Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Бирюлева К.В. Тонковаликовая керамика финала раннего железного века из могильника Пинчуга-6 (Нижнее Приангарье) // Нижне-волжский археологический вестник. 2023. Т. 22, № 1. С. 128–138. doi: 10.15688/nav.jvolstu.2023.1.9
- Сенотрусова П.О., Хаврин С.В., Эккердт А.А., Мандрыка П.В. Бронзовые предметы из могильника Пинчуга-6 в Нижнем Приангарье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 1 (64). С. 70–82. doi: 10.20874/2071-0437-2024-64-1-6.
- Семёнов Вл.А. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве 1994–1995 гг.). СПб.: б. и., 1997.
- Семёнов Вл.А. Суглук-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.

- Фокин С.М. Новый голоценовый памятник Нижнего Приангарья – поселение-могильник Скородумный Бык // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Иркутск: Оттиск, 2015. С. 102–109.
- Ширин Ю.В. Птицеголовые поясные накладки начала I тыс. в культурном пространстве от Урала до Ангары // XXI Уральское археологическое совещание: материалы тр. конф. / отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Самар. гос. социал.-пед. ун-т, 2018. С. 258–260.
- Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003.
- Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Ч. II (среднескифское время). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2015.
- Шульга П.И. Поясные бляшки староалейской культуры: происхождение и использование // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 3. С. 99–119. doi: 10.14258/nreur(2023)3-05
- Шульга П.И., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Марченко Ж.В. Погребения с ингумацией кремнированных останков на могильнике Усть-Зелинда-2 в Северном Приангарье: к проблеме типологии и хронологии инвентаря // Археология, этнография и антропология Евразии, 2025 (в печати).
- Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2009.

References

- Bobrov V.V., Zharonkin V.N. (1998) Novye materialy iz raskopok poseleniya Tanai-4A [New materials from the excavations of the settlement Tanai-4A]. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., Vol. 23, pp. 187–190.
- Grevtsov Yu.A., Lysenko D.N. (2013) Novye materialy o drevnem metallurgicheskom proizvodstve v Severnom Priangar'e [New materials on ancient metallurgical production in the Northern Angara region]. In *Arkheologicheskie issledovaniya drevnostei Nizhnei Angary i sopredel'nykh territorii* [Archaeological studies of the antiquities of the Lower Angara and adjacent territories] / Ed. by L.L. Karnaukhova. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii kraevoi kraevedcheskii muzei, pp. 187–196.
- Grishin A.E., Marchenko Zh.V., Garkusha Yu.N. (2013) Srednevekovye pogrebeniya mogil'nika Ust'-Zelinda 2 (Severnoe Priangar'e): k probleme kul'turnoi differentsiatsii i khronologii [Medieval burials of the Ust-Zelinda 2 burial ground (Northern Angara region): on the problem of cultural differentiation and chronology]. In: *Evrasiya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, cultures]. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, Is. 2, pp. 84–91.
- Drozdov N.I., Koroleva V.N., Pashinov A.M., Privalikhin V.I. (1978) Issledovaniya v Severnom Priangar'e [Research in the Northern Angara region]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1977 goda* [Archaeological discoveries of 1977]. Moscow: Nauka, pp. 226–227.
- Fokin S.M. (2015) Novyi golotsenovyi pamyatnik Nizhnego Priangar'ya – poselenie-mogil'nik Skorodumnyi Byk [The new Holocene monument of the Lower Angara region – the settlement-burial ground Skorodumnyi Byk]. In *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noi Azii* [Topical issues of archeology and ethnology of Central Asia] / Ed. by B.V. Bazarov, N.N. Kradin. Irkutsk: Ottisk, 2015. pp. 102–109.
- Kilunovskaya M.E. Frolov Ya.V. (2020) Sravnitel'nyi analiz pojasnykh ukrashenii skifskogo vremeni Barnaul'skogo Priob'ya i Tuvy [Comparative analysis of belt jewelry of the Scythian period of the Barnaul Ob region and Tuva]. In: *Veshch' v kontekste pogrebal'nogo obryada* [A thing in the context of a funeral rite]. Moscow: Rossiiskii gumanitarnyi gosudarstvennyi universitet, pp. 126–138.
- Kubarev V.D. (1987) *Kurgany Ulandryka* [The mounds of Ulandryk]. Novosibirsk: Nauka.

- Kulemzin A.M. (1979) Arheokasskie kurgany [Archeokassky mounds]. In: *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Ed. by A.I. Martynov. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, Is. 10, pp 87–99.
- Kungurova N.Yu., Oborin Yu.V. (2013) Klad, obnaryuzhennyi na r. Uibat (Minusinskaya kotlovina) [A treasure discovered on the Uybat River (Minusinsk basin)]. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, no. 2, pp. 126–136.
- Leont'ev S.V., German P.V. (2015) Keramicheskii kompleks pervogo kul'turnogo gorizonta stoyanki Vzvoz, punkt 2 (Severnoe Priangar'e) [Ceramic complex of the first cultural horizon of the Vzvoz parking lot, point 2 (Northern Angara region)]. In: *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri* [Antiquities of Yenisei Siberia]. Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet, Is. VII, pp. 85–106.
- Leont'ev V.P., Drozdov N.I. (1996) Neizvestnye nakhodki bronzovykh izdelii kulaiskogo oblika v taezhnoi zone Srednei Sibiri [Unknown finds of bronze products of the Kulai appearance in the taiga zone of Central Siberia]. In: *Noveishie arheologicheskie i etnograficheskie otkrytiya v Sibiri* [The latest archaeological and ethnographic discoveries in Siberia]. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., pp. 157–160.
- Mandryka P.V. (2008) Novaya arheologicheskaya kul'tura rannego zheleznogo veka v yuzhno-taezhnoi zone Srednei Sibiri [New archaeological culture of the Early Iron Age in the South Taiga zone of Central Siberia]. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, no. 3, pp. 68–76.
- Mandryka P.V. (2014) Problemy rannego zheleznogo veka Severnogo Priangar'ya [Problems of the Early Iron Age of the Northern Angara region]. In: *Trudy IV (XX) vserossiiskogo arheologicheskogo s"ezda* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress]. Kazan': Otechestvo, Vol. 2, pp. 207–210.
- Mandryka P.V., Senotrusova P.O., Dedik A.V. (2021) Mogil'nik Pinchuga-6 – novyi pamyatnik finala epokhi zheleza v Nizhnem Priangar'e [The Pinchuga-6 burial ground is a new monument of the finale of the Iron Age in the Lower Angara region]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy*, no. 3, pp. 116–124. doi: 10.14258/tpai(2021)33(3).-07.
- Marchenko Zh.V., Garkusha Yu.N., Grishin A.E. (2012) Issledovaniya na mogil'nike Ust'-Zelinda 2 v 2012 godu [Research at the Ust'-Zelinda 2 burial ground in 2012]. In: *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., Vol. XVIII, pp. 455–460.
- Marchenko Zh.V., Grishin A.E., Garkusha Yu.N. (2024) Drevneishie shamanskoe atributy s Angary [The most ancient shamanic attributes from Angara]. *Stratum Plus*, no. 2. pp. 175–191. doi: 10.55086/sp242175191.
- Marchenko Zh.V., Grishin A.E., Dudko A.A., Garkusha Yu.N. (2014) Redkii vid bronzovykh figurnykh blyakh epokhi zheleza Vostochnoi i Zapadnoi Sibiri: k probleme traktovki ornamenta, ispol'zovaniya i datirovki predmetov [A rare type of bronze figurative plates of the Iron Age of Eastern and Western Siberia: on the problem of interpretation of ornament, use and dating of objects]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 13, Is. 5: *Arkheologiya i etnografiya*, pp. 228–239.
- Martynov A.I. (1979) *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [Forest-steppe Tagarian culture]. Novosibirsk: Nauka.
- Molodin V.I., Garkusha Yu.N., Grishin A.E., Zhemerikin R.V., Marchenko Zh.V. (1999). K arheologicheskoi karte Zapadnoi Baraby [To the archaeological map of Western Baraba]. In: *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., Vol. V, pp. 439–445.
- Polos'mak N.V. (1994) «Stereushchie zoloto grify» (ak-alakhinskie kurgany) ["Vultures guarding gold" (Ak-Alakhin mounds)]. Novosibirsk: Nauka.
- Privalikhin V.I. (2011) Tsepan'skaya kul'tura rannego zheleznogo veka Severnogo Priangar'ya. Istoriya otkrytiya, rezul'taty i perspektivy issledovaniy [Tsepan culture of the Early Iron Age of the Northern Angara region. The history of discovery, results and prospects of research]. In: *Vtoroi vek podvizhnichestva* [The second century of asceticism] / Ed. by

- V. Yaroshevskaya. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii kraevoi kraevedcheskii muzei, pp. 161–183.
- Privalikhin V.I. (2013) Issledovanie pogrebenii stoyanki i mogil'nika Sergushkin-1, punkta «A» v Severnom Priangar'e [Investigation of the burials of the Sergushkin-1 parking lot and burial ground, point "A" in the Northern Angara region]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya drevnostei Nizhnei Angary i sopredel'nykh territorii* [Archaeological studies of the antiquities of the Lower Angara and adjacent territories] / Ed. by L.L. Karnaukhova. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii kraevoi kraevedcheskii muzei, pp. 73–91.
- Privalikhin V.I., Drozdov N.I., Makulov V.I. (2015) Bronzovye serpovidnye kinzhaly-bebuty tsepan'skoi kul'tury rannego zheleznoogo veka Severnogo Priangar'ya [Bronze crescent-shaped daggers-bebuts of the Tsepan culture of the Early Iron Age of the Northern Angara region]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, Vol. 6, pp. 139–144.
- Senotrusova P.O., Dedik A.V., Mandryka P.V. (2022) Pogrebal'nyi obryad naseleniya Nizhnego techeniya Angary v finale epokhi zheleza (po materialam mogil'nika Pinchuga-6) [The funeral rite of the population of the Lower Angara River in the final of the Iron Age (based on the materials of the Pinchuga-6 burial ground)]. *Kratkie soobshcheniya insituta arkheologii*, Is. 266, pp. 297–307. doi: 10.25681/IARAS.0130-2620.266.297-307.
- Senotrusova P.O., Mandryka P.V., Biryuleva K.V. (2023) Tonkovalikovaya keramika finala rannego zheleznoogo veka iz mogil'nika Pinchuga-6 (Nizhnee Priangar'e) [Fine-grained ceramics of the finale of the Early Iron Age from the Pinchuga-6 burial ground (Lower Angara region)]. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, Vol. 22, no. 1, pp. 128–138. doi: 10.15688/nav.jvolsu.2023.1.9.
- Senotrusova P.O., Khavrin S.V., Ekkerdt A.A., Mandryka P.V. (2024) Bronzovye predmety iz mogil'nika Pinchuga-6 v Nizhnem Priangar'e [Bronze objects from the Pinchuga-6 burial ground in the Lower Angara region]. *Vestnik arkheologii, etnografii i antropologii*, no. 1 (64), pp. 70–82. doi: 10.20874/2071-0437-2024-64-1-6.
- Semenov V.I.A. (1997) *Mongun-Taiga (arkheologicheskie issledovaniya v Tuve 1994–1995 gody)* [Mongun-Taiga (archaeological research in Tuva 1994–1995)]. St. Petersburg.
- Semenov V.I.A. (2003) *Sugluk-Khem i Khaiyrakan – mogil'niki skifskogo vremeni v Tsentral'no-tuvinskoi kotlovine* [Sugluk-Khem and Khaiyrakan are burial grounds of the Scythian period in the Central Tuvan basin]. St. Petersburg: «Peterburgskoe Vostokovedenie».
- Shirin Yu.V. (2018) Ptitsegolovye pojasnye nakladki nachala I tys. v kul'turnom prostranstve ot Urala do Angary [Bird-headed belt pads of the beginning of the I millennium in the cultural space from the Urals to Angara]. In: *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie* [XXI Ural Archaeological Meeting] / Ed. by A.A. Vybornov. Samara: Samarskii gosudarstvennyi sotsial'no-pedagogicheskii universitet, pp. 258–260.
- Shul'ga P.I. (2003) *Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot'-4a* [Burial ground of the Scythian period Lokot'-4a]. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta.
- Shul'ga P.I. (2015) *Snaryazhenie verkhovoi lozhadi v Gornom Altae i Verkhnem Priob'e. Chast' II (sredneskifskoe vremya)* [Riding horse equipment in the Altai Mountains and the Upper Ob region. Part II (Middle Scythian time)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Shul'ga P.I. (2023) Pojasnye blyashki staroaleiskoi kul'tury: proiskhozhdenie i ispol'zovanie [Belt plaques of the Staroaleiskoi culture: origin and use]. *Narody i religii Evrazii*. Vol. 28, no. 3, pp. 99–119. doi: 10.14258/nreur(2023)3-05.
- Shul'ga P.I., Garkusha Yu.N., Grishin A.E., Marchenko Zh.V. (2025) Pogrebeniya s ingumatsiei kremirovannykh ostankov na mogil'nike Ust'-Zelinda-2 v Severnom Priangar'e: k probleme tipologii i khronologii inventarya [Burials with inhumation of cremated remains at the Ust'-Zelinda-2 burial ground in the Northern Angara region: on the problem of typology and chronology of inventory]. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia* (in press).

Shul'ga P.I., Umanskii A.P., Mogil'nikov V.A. (2009) *Novotroitskii nekropol'* [Novotroitskiy necropolis]. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta.

Сведения об авторах:

ШУЛЬГА Петр Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: shulgapi55@yandex.ru

ГРИШИН Артем Евгеньевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: artem-grishin@mail.ru

МАРЧЕНКО Жанна Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: afrika_77@mail.ru

ГАРКУША Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: garkusha_y@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Petr I. Shulga, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: shulgapi55@yandex.ru

Artem E. Grishin, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: artem-grishin@mail.ru

Zhanna V. Marchenko, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: afrika_77@mail.ru

Yuri N. Garkusha, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: garkusha_y@list.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 8 мая 2024;
принята к публикации 14 октября 2024.*

*The article was submitted 08.05.2024;
accepted for publication 14.10.2024.*

Научная статья
УДК 159.955
doi: 10.17223/2312461X/47/9

Неэкспертная рациональность в эпоху постправды: критическое мышление как мышление разумного согласия

Анастасия Валерьевна Голубинская¹
Степан Сергеевич Грозов²

^{1, 2} *Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия*
¹ *golub@unn.ru*
² *grozov@imomi.unn.ru*

Аннотация. Большую часть интеллектуальной истории человечества вопрос о мышлении обычного человека (не-эксперта) не становился предметом такого интереса, который можно наблюдать сегодня. В современных обществах значение термина «обыватель» существенно изменилось, обычный человек может интересоваться сложными областями и оказываться перед лицом необходимости выносить суждения по темам, выходящим далеко за пределы его повседневного и профессионального опыта. В связи с этим актуальность получили исследования критического мышления, которое сегодня интерпретируется в том числе через идею автономного мышления, устойчивого перед мнениями авторитетов и способного самостоятельно проводить оценку истинности утверждений. В статье поднимается вопрос о том, насколько автономное мышление возможно в рамках «неэкспертной рациональности», способствует ли оно изначально заявленным целям критического мышления. Таким образом, статус автономии неэкспертного мышления является предметом данного исследования.

Показано, что концептуальное и действительное значение критического мышления неидентично: на уровне концепций оно практически приравнивает обывателя к эксперту, но в действительности социальные ожидания от критического мыслителя больше связаны с разумно обоснованным согласием. Мышление согласия в XXI в. имеет значительные отличия от более ранних интерпретаций данного понятия, оно перестаёт быть пассивной формой доверия и становится объектом рефлексивного контроля. Одним из основных результатов исследования является определение критического мышления как реакции общества на эпистемические конкуренции: показано, что дискурс о критическом мышлении возникает там, где сталкиваются конкурирующие объяснения, и тогда, когда выбор одного из них становится личным выбором человека. Это позволяет обнаружить новое свойство критического мышления как отражение глубинного стремления человека к эпистемическому согласию в условиях продолжающейся поляризации мнений и конфликтов.

Ключевые слова: критическое мышление, мышление согласия, автономное мышление, эпистемическое доверие, эпистемическая конкуренция, поляризация мнений, неэкспертная рациональность, эпистемическая оценка

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00809 «Critical thinking studies: фундаментальное исследование критического мышления как междисциплинарной проблемы»).

Для цитирования: Голубинская А.В., Грозов С.С. Неэкспертная рациональность в эпоху постправды: критическое мышление как мышление разумного согласия // Сибирские исторические исследования. 2025. № 1. С. 184–199. doi: 10.17223/2312461X/47/9

Original article

doi: 10.17223/2312461X/47/9

Non-Expert Rationality in the Post-Truth Age: Critical Thinking as Thinking of Reasonable Agreement

Anastasia V. Golubinskaya¹
Stepan S. Grozov²

^{1, 2} *Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation*
¹ *golub@unn.ru*
² *grozov@imomi.unn.ru*

Abstract. For most of intellectual history, the question of layman thinking strategies has not received the level of scholarly attention it commands today. In contemporary society the concept of the “layman” has undergone significant transformation: non-experts engage with complex subjects, often requiring to form judgments on matters far beyond their everyday and professional experience. This shift underscores the growing relevance of critical thinking, conceptualized as autonomous, authority-independent reasoning capable of evaluating the truth of statements. This article examines whether autonomous reasoning is achievable within the framework of “non-expert rationality” and whether it aligns with the foundational goals of critical thinking. The study focuses on the autonomy of lay reasoning as its primary subject.

The findings reveal a divergence between the conceptual and practical meanings of critical thinking. Conceptually, critical thinking positions the layman nearly on par with the expert, yet in practice, societal expectations lean toward reasonably informed agreement rather than independent expertise. In the 21st century, such “consent thinking” has evolved from a passive trust to a form of reflexive control. One of the study’s key contributions is defining critical thinking as a societal response to epistemic competition. The research shows that the discourse around critical thinking emerges where competing explanations intersect, requiring individuals to make personal, reflective choices. This perspective uncovers a novel dimension of critical thinking: it serves as a manifestation of the human desire for epistemic harmony amid increasing polarization and conflict.

Keywords: critical thinking, consensus thinking, autonomous thinking, epistemic trust, epistemic competition, polarization of opinions, non-expert rationality, epistemic assessment

Acknowledgements: The work was funded with a grant from the Russian Science Foundation (project № 24-28-00809 “Critical thinking studies: fundamental research on critical thinking as an interdisciplinary problem”).

For citation: Golubinskaya, A.V. & Grozov, S.S. (2025) Non-Expert Rationality in the Post-Truth Age: Critical Thinking as Thinking of Reasonable Agreement. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 184–199 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/47/9

Введение

С середины 2016 г. к существующим концептам описания непостоянства социума (неопределённость, турбулентность) добавился ещё один термин – общество охарактеризовали как постправдивое. Это слово пришло в социальные науки необычным образом, изначально являясь предметом обсуждения публицистических, научно-популярных изданий и реже – комментариев учёных на неформальных информационных площадках. Слово «постправда» впервые применил писатель Стив Тесич в статье «Государство лжи» в журнале «The Nation» 1992 г. Он писал: «Мы, как свободные люди, свободно решили, что мы хотим жить в постправдивом мире». С. Тесич имел в виду лёгкость, с которой люди принимают факт того, что предметом обсуждений в большей степени стали не реальные объекты и события, а условные, неоднозначные прогнозы и субъективные интерпретации. Мир отражается в зеркале языка, но наше представление о мире зависит от существительных, прилагательных и глаголов намного больше, чем от действительных процессов и явлений.

Использованное С. Тесичем описание постправды не совсем равнозначно тому, что в настоящее время подразумевается под этим термином как в публицистических, так и академических дискуссиях. В большинстве случаев актуальные дебаты о мире «после правды» обращены к определению термина «постправда» из оксфордского словаря. Его можно перевести так: постправда – это обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям. Это определение кажется не очень удачным, потому что после его прочтения возникают новые вопросы: обычно общественное мнение формируется под объективными фактами? Что вообще такое объективные факты, как возможны факты необъективные? Обязательно ли они должны быть противопоставлены призывам к эмоциям или личным убеждениям? Если постправда как термин предназначена для обозначения обобщенного безразличия к проверке информации и зависимости наших убеждений от эмоций, то выражение является неудачным, поскольку оно постулирует взаимное исключение между явлениями разного порядка: эмоциональное и рациональное в оценке информации являются двумя различными, но тесно связанными психическими процессами. Из такого их противопоставления как бы следует, что человек может либо только мыслить, либо только чувствовать, и второе уступает по значимости первому. Но всё же, чтобы факт получил какое-либо общественное мнение, люди

должны придать этому факту ценность, а чтобы придать ценность фактам, людям нужны эмоции (Frijda 2008). Оппозиция факта и мнения спорна ещё и потому, что факты являются предметом мнений, а не их противоположностью. В 2018 г. С. Фуллер также опубликовал интересное замечание относительно этого определения. Он обратил внимание на то, что ключевая фигура постправды «по-оксфордски» рисуется через обывателя, самостоятельно искажающего факты из-за неспособности совладать с эмоциями (Fuller 2018: 1). Такое определение было бы равнозначно определению воровства как «обстоятельств, при которых личные ценные вещи оказываются в досягаемости третьих лиц, официально не предупреждённых о наличии у данных вещей владельца». Иными словами, это определение игнорирует тот факт, что анализ достоверности информации в настоящее время является не слабостью обывателя, а фундаментальной культурной проблемой.

Противостоять этому на уровне обычного человека невозможно, однако некоторые распространённые сегодня понятия открыто указывают на то, что эпистемическая оценка информации является индивидуальной ответственностью. Способность обычных людей (не являющихся специалистами области) адекватно реагировать на экспертное знание в первую очередь связана с понятием критического мышления. Объединяя разные используемые сегодня определения, А.А. Гиринский, А.О. Лепетюхина и Т.В. Пашенко трактуют критическое мышление как сложный и вариативный набор знаний, навыков и диспозиций, возникающих в виде дисциплинированного и беспристрастного мышления, навыков работы с информацией и источниками, навыков применения методов рационального познания в решении задач (2023: 296). Основными аспектами такого мышления является самостоятельность, непредвзятость, независимость от авторитетов. Пересечения постправды и критического мышления в научной литературе не являются редкими (Levitin 2017; Braun 2019; Pukhta 2019; Wikforss 2019; Marchenko, Kretov, Kretova 2021; Jiménez-Aleixandre, Puig 2022; Sel 2022; Howat, Bruschke, Ocampo 2023). Отражённая в них связь между этими двумя понятиями однозначна: постправда – это «атака на институциональные основы критического мышления» (Braun 2019: 434), а критическое мышление – оружие, при помощи которого индивид может «отличать правду от постправды» (Jiménez-Aleixandre, Puig 2022: 3). В данной статье мы предлагаем посмотреть на эту связь по-другому. Во-первых, на наш взгляд, постправда является не препятствием, а необходимым условием критического мышления как черты обычного человека, т.е. не-эксперта. Во-вторых, мы предлагаем точку зрения, что самостоятельность, автономность критического мышления является своеобразной иллюзией, которая не препятствует, а способствует появлению нежелательных эффектов современной медиа-среды.

Краткая эволюция представлений о неэкспертной рациональности

В классических утопиях эпохи Возрождения учёные выступали в качестве элемента модели управления. По задумке Мора, сословие учёных должно производить политических и духовных лидеров, а Кампанелла видел в научной деятельности рекреационную функцию и предполагал, что свободное время рабочего должно быть направлено на науки. В изображённом Кампанеллой государстве все произведённые наукой знания были нанесены на внутреннюю сторону стен, окружающих город, чтобы люди любого возраста и рода деятельности имели доступ к научным фактам о различных металлах, тканях, растениях, животных и т.д. Эта зарисовка интересна тем, что в ней говорится об убеждениях обычных людей вне образовательного и профессионального контекста. Мышление философа и учёного всегда привлекало внимание других философов и учёных, мышление ученика и профессионала было и остаётся одним из главных интересов педагогики, но то, как и о чём мыслит обыватель в свободное от работы время, долгое время казалось не слишком важной проблемой. В утопии Кампанеллы, как и в его реалиях, мышление обычного человека – это мышление согласия с универсальным для всех людей эпистемическим авторитетом.

В XVI в. М. Монтень отмечает, что «несогласный обыватель» – источник опасности: «Простые умы, малолюбознательные и малоразвитые, становятся хорошими христианами из почтения и покорности; они бесхитростно веруют и подчиняются законам. В умах, обладающих средней степенью силы и средними способностями, рождаются ошибочные мнения. Они следуют за поверхностным здравым смыслом и имеют некоторое основание объяснять простотой и глупостью то, что мы придерживаемся старинного образа мыслей, имея в виду тех из нас, которые не просвещены наукой. Великие умы, более основательные и проникновенные»; простые умы, не способные смириться со своим неведением и стремящиеся к производству собственных объяснений реальности, «опасны, глупы и вредны: они-то и вносят в мир смуту» (Монтень 2020: 240–241). Похожий отрывок можно найти у Б. Паскаля: простым людям следует пребывать в неведении, естественном (от рождения) или философском (сократическом), те же, кто «тешатся крохами поверхностного знания и строя из себя умников <...> сбивают людей с толку и ложно судят обо всём» (Паскаль 2019: 113–114). Судя по этим отрывкам, мышление обычного человека правильно, когда тот не только соглашается с авторитетом, но ещё и поддерживает скромность, не претендуя на право производить собственные интерпретации.

В период просветительского поворота наука и философия становятся жанром популярной литературы. В конце XVII в. во Франции выходит

одна из первых книг, в которых предпринята попытка объяснения научных теорий Коперника и Декарта на доступном обычному грамотному гражданину французском языке, – «Беседы о множественности миров» Б. Фонтенеля. В 1712 г. английский поэт Р. Блэкмор включает ньютоновскую систему в стихи философской поэмы в семи книгах «Сотворении мира». Английский историк Р. Портер пишет, что к началу 1700-х гг. в лондонских кофейнях регулярно проводились чтения по этим популяризаторским книгам и ньютоновские лекции с остроумными практическими демонстрациями, а к середине века это проходило и в провинциальных городах (Porter 2001: 142–145). Критика «слепого согласия» возникает, например, у Ш. Монтескье в рассуждениях о небольших школах в маленьких городах, «куда ремесленники отправляют своих детей, чтобы научить их нескольким латинским словам» (Montesquieu 2014: 65), и по факту прививающих несистемные, индивидуально не востребуемые, ненужные знания. Такие ученики, хоть и ходят в школу, «содержатся в неведении», и «есть бесчеловечность в том, чтобы не хотеть их вылечить» (210). Образ мышления согласия, которое по своей сути всегда являлся антитезой философского познания, со временем трансформируется, но долгое время сохраняет статус образца мышления обывателя о науке. В отличие от мира Кампанеллы, где эпистемический авторитет только один и власть его безусловна, мир обывателя второй половины Нового времени обретает признаки эпистемической конкуренции между религией и наукой, а также внутри них между разными теориями и подходами. В отличие от наблюдений Монтеня, описывающего желательность принятия послушного мышления «простыми умами» во избежание ложных суждений, идеалы эпохи Просвещения обнаруживают связи между мышлением согласия с индивидуальным опытом ученика. Однако все эти соображения объединены общей чертой: невозможно представить, что в какой-либо из этих концепций на «простые умы» возлагается задача оценивать, корректировать получаемую информацию, отказываться от веры в неё.

Обыватель – это парадоксальный для XXI в. термин. В толковом словаре Ожегова этот термин означает человека, лишённого общественного кругозора и живущего только мелкими личными интересами. В обществе знания, обществе информации, в условиях глобального просвещения и популяризации науки такой человек становится не среднестатистическим жителем, а маргинальной личностью. Современный обыватель не физик, но может интересоваться квантовой механикой; он не социолог, но ссылается на теорию разбитых окон; он не психолог, но знает основные способы психологической поддержки и обращается к идее самовыражения, осознанности и т.д. Степень понимания и то, как именно эти знания влияют на жизнь человека, могут быть совершенно не похожими на то, как это происходит в экспертных кругах, и само наличие

таких интересов у индивида совершенно не гарантирует определённого уровня научной грамотности. Однако смысловые компоненты, которые мы привыкли приписывать слову «обыватель», всё-таки теряют описательную точность. Новый обыватель может владеть терминологией, которую применяют эксперты, иметь доступ к научным журналам, записям конференций и, таким образом, к научному знанию «из первых рук», может следовать принципам научного познания при решении повседневных задач, а потому единственное, что отличает его рациональность и в некоторых случаях ведёт его к альтернативным выводам, – это тот факт, что он не эксперт, т.е. не имеет последовательной, систематической подготовки и профессионального опыта в заданной области.

Получается, что дело не только и даже не столько в технологическом прогрессе и информационно-коммуникативной революции, а в изменении антропологического характера отношений человека и знания. Неэкспертная рациональность – это новое явление, не тождественное обывденной рациональности, поскольку обращено к объективным утверждениям о мире, но и не тождественное экспертной рациональности, поскольку оторвано от её составляющих. На эти обстоятельства можно посмотреть с двух сторон. С одной стороны, приведённый выше пример с кругозором обычного человека всё ещё можно описать через мышление согласия: если социологию и психологию индивид может как-то сопоставить с личными наблюдениями и тем самым сделать выбор в пользу истинности того или иного объяснения, то убеждения о квантовой механике для кого-то, не имеющего соответствующих знаний и пользующегося пересказами научной физики на доступном ему языке, могут появиться только в результате доверия. С другой стороны, современные концепции о человеке будущего обращены к совсем другим аспектам. В этих концепциях утверждается, что (1) чтобы преуспеть в век информации необходимо (2) ставить под сомнение поступающую информацию, невзирая на авторитеты вырабатывать свое мнение в контексте учебной программы, формулировать оценки и убеждения независимо от остальных, предлагать свой взгляд на известные проблемы без оглядки на устоявшиеся каноны. Элемент рассуждения, который связывает части (1) и (2), – это критическое мышление. Часть (1) – это поддержка из документов международного движения «Навыки XXI века», а отрывки из части (2) принадлежат современным исследователям образования и практикующим педагогам, осуществляющим структурный анализ понятия «критическое мышление» (Акрамова 2016: 145; Сеитова, Светоносова, Корчагина-Мокеева 2020: 1; Осин, Чараева 2021: 135; Оспанова 2022: 66).

Критическое мышление как мышление согласия: наука, политика и традиция

Критическое мышление – сложное понятие, опыту толкования которого посвящены сотни работ последнего десятилетия, а результаты этих опытов варьируются в зависимости от дисциплинарной принадлежности, теоретических предпочтений и даже идеологических соображений их авторов. Разные версии определения учитывают два аспекта, которые в иных контекстах выглядят стройно, но с позиций идеи о мышлении согласия выглядят крайне противоречиво. Первый аспект точно отражён в приведённых цитатах – это автономность эпистемической оценки, т.е. процедура определения истинности того или иного утверждения осуществляется индивидом самостоятельно. С этой точки зрения критическое мышление – это не мышление согласия, но оно всё же согласовано, т.е. построено не на доверии к тем или иным эпистемическим авторитетам, а на внутренней сопоставимости убеждений индивида. Второй аспект был лишь частично затронут в цитируемом тексте В.В. Осина и Д.Т. Чараевой, которые отмечают, что педагог позволяет сформировать и развить критически мыслящую личность через «представления объективности истины в суждениях» (Осин, Чараева 2021: 134). Это почти незаметное, но очень важное указание на конечный результат обучения критическому мышлению: как бы оно не складывалось, мы заранее можем сказать, что критический мыслитель, к примеру, считает, что земля имеет форму геоида, а не плоского диска, что лечение онкологических заболеваний лишайником невозможно, что теория эволюции является научной теорией, а не догмой и со временем может быть скорректирована новыми данными, но этот факт не снижает ни её статуса, ни объяснительного потенциала. Если по результатам обучения ученик выбрал противоположные утверждения, то вряд ли кто-то согласится считать, что задача обучения критическому мышлению выполнена, даже если эти убеждения были сформулированы учеником самостоятельно в результате анализа информации, без оглядки на авторитеты и устоявшиеся каноны. Е.В. Свечникова по этому поводу отмечает, что суть внедрения критического мышления в образовательный процесс определяется тем, что вытеснить магическое мышление уже у взрослого человека намного труднее, и итогом этого должно быть формирование у человека научной картины мира (Свечникова 2017: 58). Более детально эта мысль развита у И.Н. Грифцовой и Г.В. Сориной: востребованность критического мышления не случайно растёт вместе с количеством информации фейкового характера (Грифцова, Сорина 2022). Дезинформация, фейки, псевдо- и лженаука – сами по себе сложные концепты, но так или иначе они подразумевают, что есть истины кажущиеся и истина подлинная, а переход от первых ко второй можно обеспечить правильным (критическим)

мышлением. В конце концов, Д. Халперн как классик психологии критического мышления определяла его через вероятность получения желаемого конечного результата (Халперн 2000: 22). Получается, что результаты, к которым должно привести автономное рассуждение, как бы предопределены. Есть и другие компоненты критического мышления, такие как рефлексивность, готовность сменить точку зрения, принятие того факта, что другие люди могут обладать другими точками зрения, однако в данной статье мы сосредоточимся только на автономности и предопределённости.

Судя по всему, в своём исследовании критического мышления И.Н. Петракова опирается на идентичную точку зрения, когда отмечает, что многие обсуждаемые установки критического мышления попросту невозможны. Автономная эпистемическая оценка экспертного знания не-экспертным субъектом вряд ли может претендовать на надёжную познавательную стратегию. Учитывая узкую специализацию современной науки, дать адекватную оценку обоснованности тех или иных интерпретаций научных фактов не сможет даже эксперт из смежной области, поскольку затраты ресурсов на такую реконструкцию превышают все возможные выгоды (Петракова 2021: 193). Отмеченный ею парадокс заключается в том, как люди единогласно считают накопление базовых знаний без понимания бессмысленным, но сохраняют надежду, что можно обойтись пониманием без базовых знаний. Заучивание информации без понимания – это «артефакт» бихевиористской концепции в психологии обучения, для которой мыслительные процессы оставались «чёрным ящиком», а предметом исследования выступали вход и выход. Вход – это поступающая информация, выход – способность её воспроизвести, а желаемый результат обучения – наблюдаемое (например, речевое) поведение. Критическое мышление характерно для других концепций, когнитивистских и конструктивистских, в рамках которых одного только наблюдаемого поведения недостаточно, значение приобретают фоновые убеждения человека, его индивидуальный опыт, склонности и способности. Однако цель обучения остаётся практически неизменной: независимо от того, заучено знание факта или обработано критически, сам факт остаётся неизменным и никакая изысканная аргументация не послужит достаточной причиной, чтобы остаться при своём мнении, если это мнение расходится с экспертным знанием. Более того, именно такие попытки провести собственное исследование получают название «псевдонауки»: «...я провела собственное исследование о взаимосвязи даты рождения ребёнка и побочных эффектов от прививок», – пишет блогер-астролог и дальше предлагает читателям описание выборки, методов исследования, обнаруженных закономерностей, в конечном счёте ведущих к выводу о вреде медицинского вмешательства. Можно ли назвать этот пример случаем самостоятельного исследования? Вполне. Является ли

оно также случаем критического мышления? Скорее всего, большинство ответит на этот вопрос отрицательно. Но что именно нужно скорректировать, чтобы оно обрело признаки критического подхода? За исключением тех сценариев, что астрологические идеи каким-то образом окажутся встроены в научную картину мира, ответ на этот вопрос дать невозможно. В этом смысле критическое мышление не является ни свободным, ни автономным, и даже не в полной мере самостоятельным; автономной и самостоятельной становится только траектория между двумя заданными точками – текущая позиция по вопросу и позиция согласия с экспертной точкой зрения. Иными словами, критический мыслитель – это мыслитель послушный, согласный с действующими познавательными образцами, скептицизм которого поощряется до тех пор, пока он приходит к правильным выводам, а автономность неэкспертного мышления – это иллюзия, прикрывающая предопределённость результатов познавательного процесса обывателя.

Совершенно не обязательно ограничивать такие познавательные образцы только наукой. Как показало недавнее канадское исследование, коренные сообщества трактуют критическое мышление через согласие с традиционными взглядами, уважение опыта и мудрости других людей (Negahneewin Research Centre 2020), и похожие толкования возникают в исследованиях коренных народов других стран (Inoue 2005; Chirgwin, Huijser 2015; Nyeu 2020; García Franco, Ferrara Reyes, Gómez Galindo 2022). Значение категории критического мышления в традиционных эпистемологиях, как правило, не слишком высоко, и сам термин недостаточно широко представлен в дискурсе, за исключением тех случаев, когда разные эпистемологические идеалы сталкиваются в конкуренции. Например, Р. Сокбесон, которая исследует индейские племена северо-восточной территории США, оставляет такие пояснения: «...развитие критического мышления у детей вабанаки ведёт к пониманию ценностей истории и восприятию истории о сотворении мира не как мифа или легенды, а как объяснения нашего происхождения, сомнения в этих историях – свидетельство эпистемцида (Sockbeson 2017: 15). Эпистемцид – это насильственное подавление определённых способов познания или обоснования знаний, а критическое мышление – способ этому противостоять, и значение второго возникает только в ответ на проявление первого (не только у Сокбесон (Correa Muñoz, Saldarriaga Grisales 2014; Steger 2016; Christie, Asmar 2021)). Похожую структуру можно проследить в том, как осмысливается политический фон критического мышления: исследование Дж. МакГирка начинается со слов, что интерес к критическому мышлению – это чувство незащитности демократии перед крайностями правых и левых политиков. Он пишет: «...мыслить критически – это не мой долг перед самим собой, а мой долг перед теми другими, кто исключен доминирующими нарративами и репрезентациями

реальности, которые ложно претендуют на универсальный нормативный статус» (McGuirk 2021: 610), и выражение долга заключается в активном участии в перестройке несправедливых институтов и отказе от логики угнетения. Очевидно, что «борьба против всего плохого за всё хорошее» – это достаточно наивная позиция для критического мыслителя, но если ориентир борьбы с несправедливостью не идентичен для разных политических акторов, то и критическое мышление будет для них трактоваться иначе. То, какими конкретными смыслами наполняется этот призыв и понятие критического мышления, будет зависеть от того, с какой позиции мы его формулируем. В конце концов, в качестве третьего примера, вновь вернёмся к тому наблюдению, что призывы к критическому мышлению в равной степени используют как учёные, так и сторонники антинаучных движений, хоть и понимая под ним не совсем похожие вещи. Во всех этих примерах рассуждения о критическом мышлении сопровождаются указанием на другую сторону конфликта: индигенное против глобального, правое против левого, парадигмально нормальное против аномального.

Сказанное указывает на то, что критическое мышление как явление современности отражает наши попытки примирить право на свободу убеждений с властью монополий на производство знания. Это не означает, что критическое мышление служит поляризации мнений. Совсем наоборот, критическое мышление в таком контексте представляет собой реакцию на конфликт эпистемических авторитетов, существующих вокруг обывателя, которая выражает стремление к их примирению (возможно, от того, что даже в продвинутом обществе знаний мышление обывателя – это мышление понимающего согласия).

Заключение

Мышление согласия – это не обязательно то пассивное мышление, которое описывал Паскаль. Неподтверждённых утверждений бесконечно много, но человек конечен, а потому согласие и доверие оказываются единственными механизмами расширения кругозора и выхода из ожеговского образа обывателя. Философ образования Л. Раппл отмечает, что по отношению к случайным встречным доверие выстраивается как бы от нуля к единице, его нужно проверить или заслужить, но по отношению к потенциальным информаторам этот процесс идёт в обратном направлении. Когда учитель и ученик впервые приступают к уроку, они сначала принимают на себя доверительные отношения (ученик не спрашивает, на каких основаниях сказанное учителем можно воспринимать всерьёз), а затем проверяют и корректируют их, если доверие оказалось неоправданным (Rapple 2019). Когда мы говорим о критическом мышлении как о мышлении согласия, мы подразумеваем нечто похожее,

но, в отличие от быстрого доверия Л. Раппл, доверие является не фоновым процессом, а предметом рефлексии: критический мыслитель – это не тот, кто проводит собственное исследование для проверки всего, что говорят вокруг, а тот, кто отдаёт себе отчёт в том, с кем и почему он согласен. Разумеется, такой отчёт возможен только по отношению к конкурирующим объяснениям: критическое мышление не требуется, чтобы знать строение вакуоли, если строение вакуоли не является предметом общественных дебатов, но совсем наоборот обстоит дело с климатическими изменениями, эпидемиями, историческими фактами и этическими вопросами.

Если сложить все приведённые описания, то получается вполне реалистичная картина. В пространстве повседневной жизни человека существуют не просто множественные источники утверждений, а источники утверждений «об одном и том же», а потому их взаимоотношения начинают обретать конкурентный характер. В отличие от экспертного сообщества, обыватель ограничен во времени, которое может потратить на изучение вопроса, а его цель – с минимальными когнитивными затратами выбрать законченное объяснение из существующих. Критическое мышление возникает там, где эта цель перестаёт быть легко достигаемой.

В качестве общего вывода можно отметить, что с философской точки зрения популярные в педагогике интерпретации критического мышления как инструмента против постправды, проявляющегося в грамотном автономном рассуждении обывателя, пока больше похожи на классические утопии, чем на действительно социальные стратегии. Необоснованное сомнение и стремление к пониманию сложных идей без базовых знаний, скорее всего, принесут больше вреда, чем пользы, и укрепят существующие конфликты. Чтобы понять, какое сомнение обосновано, а какое нет, нам необходимы базовые знания, а чтобы получить базовые знания, нам необходимо хотя бы временно отказаться от сомнения в тех, кто ими обладает. Все эти замечания показывают, что критическое мышление является чуть более сложным понятием, чем перечень каких-либо навыков и склонностей человека, оно не является отдельной и независимой педагогической категорией, а попытка его анализа влечёт за собой серию социальных, эпистемологических и культурологических вопросов.

Список источников

- Акрамова Г.Р.* Развитие критического мышления как условие социализации учащихся // Педагогическое образование и наука. 2016. № 6. С. 144–146.
- Гирицкий А.А., Лепетюхина А.О., Пащенко Т.В.* Концепция критического мышления: генезис понятия и актуальные проблемы применения в образовании // Мир психологии. 2023. № 3. С. 286–300.
- Грифцова И.Н., Сорина Г.В.* Критическое мышление против псевдонауки // Человек. 2022. Т. 33, № 1. С. 7–30.
- Монтень М.* Опыты. М.: Изд-во АСТ, 2020.

- Осин В.В., Чараева Д.Т. Развитие креативности обучающихся в целях преодоления рисков технологии развития критического мышления // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика. 2021. С. 132–139.
- Паскаль Б. Мысли. М.: Изд-во АСТ, 2019.
- Петракова И.Н. К вопросу о самодостаточности критического мышления // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 188–197.
- Светоносова Л.Г., Корчагина-Мокеева А.Г. Методика организации и проведения семинаров-погружений по педагогике в контексте развития критического мышления обучающихся вуза // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/48PDMN220.pdf> (дата обращения: 22.02.2024).
- Свечникова Е.В. Формирование научного мировоззрения у молодёжи // Лженаука в современном мире: медиасфера, высшее образование, школа. СПб., 2017. С. 56–60.
- Сеитова Т.Ш., Оспанова Н.Б. Развитие критического мышления будущих учителей математики // Инновационное развитие науки и образования. 2022. С. 61–68.
- Халперн Д. Психология критического мышления. СПб.: Питер, 2000.
- Braun K. Unpacking post-truth // Critical Policy Studies. 2019. Vol. 13, № 4. P. 432–436.
- Chirgwin S.K., Huijser H. Cultural variance, critical thinking, and indigenous knowledges: Exploring a both-ways approach // The Palgrave handbook of critical thinking in higher education. New York: Palgrave Macmillan US, 2015. P. 335–350.
- Christie M., Asmar C. Indigenous knowers and knowledge in university teaching // University Teaching in Focus. Routledge, 2021. P. 260–284.
- Correa Muñoz M.E., Saldarriaga Grisales D.C. The Latin American Indian epistemicide: Some thoughts from decolonial critical thinking // Revista CES Derecho. 2014. Vol. 5, № 2. P. 154–164.
- Frijda N.H. The Psychologists' Point of View // Handbook of Emotions. New York: Guilford Press, 2008. P. 59–74.
- Fuller S. Post-Truth: Knowledge As A Power Game. Anthem Press, 2018.
- García Franco A., Ferrara Reyes L., Gómez Galindo A.A. Culturally relevant science education and critical thinking in indigenous people: bridging the gap between community and school science // Critical Thinking in Biology and Environmental Education: Facing Challenges in a Post-Truth World. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 55–72.
- Howat A., Bruschke J., Ocampo M. Critical thinking instruction for the post-truth era // Argumentation and Advocacy. 2023. Vol. 59. № 1–4. P. 17–35.
- Inoue Y. Critical Thinking and Diversity Experiences: A Connection. American Educational Research Association, 2005.
- Jiménez-Aleixandre M.P., Puig B. Educating critical citizens to face post-truth: The time is now // Critical Thinking in Biology and Environmental Education: Facing Challenges in a Post-Truth World. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 3–19.
- Levitin D. J. Weaponized lies: How to think critically in the post-truth era. Penguin, 2017.
- Marchenko O., Kretov P., Kretova O. Post-truth and critical thinking: ideological implications in education. Людинознавчі студії. Серія: Філософія. 2021. Vol. 43. С. 96–102.
- McGuirk J. Embedded rationality and the contextualisation of critical thinking // Journal of Philosophy of Education. 2021. Vol. 55, № 4–5. P. 606–620.
- Montesquieu C.L.S. My thoughts. Liberty Fund, 2014.
- Negahneewin Research Centre. An Indigenous Knowledge Mobilization Packsack: Utilizing Indigenous Learning Outcomes to Promote and Assess Critical Thinking and Global Citizenship. Toronto: Higher Education Quality Council of Ontario, 2020.
- Nyeu M. T. From Indigenous Elders' Stories to a Critical Thinking Curriculum: a Discussion-Based Literacy Intervention Using Indigenous Students' Cultural Narratives. Harvard Graduate School of Education, 2020.
- Porter R. Enlightenment: Britain and the Creation of the Modern World. London: Penguin, 2001.

- Pukhta I. Critical Thinking in the „Post-Truth” Era // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. 2019. Vol. 16, № 1. P. 67–76.
- Rapple L. Epistemic Trust in Online Higher Education: A Mixed Method Phenomenological Research Study. State University of New York at Albany, 2019.
- Sel B. Social media use of prospective teachers in the post-truth era: Confirmation, trust, critical thinking tendency // *Participatory Educational Research*. 2022. Vol. 9, № 2. P. 463–480.
- Sockbeson R. Indigenous research methodology: Gluskabe's encounters with epistemicide // *Postcolonial Directions in Education*. 2017. Vol. 6 (1). P. 1–27.
- Steger M.B. Reflections on “critical thinking” in global studies // *ProtoSociology*. 2016. Vol. 33. P. 19–40.
- Wikforss A. Critical thinking in the post-truth era // *Misinformation and fake news in education*. Charlotte, NC, 2019. P. 279–305.

References

- Akramova G.R. (2016) Razvitie kriticheskogo myshleniia kak uslovie sotsializatsii uchashchikhsia [Development of Critical Thinking as A Condition of Socialization of Students], *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*, 6, pp. 144–146.
- Girinskii A.A., Lepetiukhina A.O., Pashchenko T.V. (2023) Kontseptsii kriticheskogo myshleniia: genezis poniatii i aktual'nye problemy primeneniia v obrazovanii [The Concept of Critical Thinking: The Genesis of The Concept and Current Problems of Application in Education], *Mir psikhologii*, 3, pp. 286–300.
- Griftsova I.N., Sorina G.V. (2022) Kriticheskoe myshlenie protiv psevdonauki [Critical Thinking Against Pseudoscience], *Chelovek*, Vol. 33, no. 1, pp. 7–30.
- Montaigne M. (2020) *Opyty* [Essays]. Moscow: Izdatel'stvo AST. (in Russian)
- Osin V.V., Charaeva D.T. (2021) Razvitie kreativnosti obuchaiushchikhsia v tselakh preodoleniia riskov tekhnologii razvitiia kriticheskogo myshleniia []. In: *Aktual'nye voprosy gumanitarnykh nauk: teoriia, metodika, praktika* [Current Issues in The Humanities: Theory, Methodology, Practice]. pp. 132–139.
- Pascal B. (2019) *Mysli* [Pensées]. Moscow: Izdatel'stvo AST. (in Russian)
- Petrakova I.N. (2021) K voprosu o samodostatochnosti kriticheskogo myshleniia [To the Question of Self-Sufficiency Critical Thinking], *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2, pp. 188–197.
- Svetonosova L.G., Korchagina-Mokeeva A.G. (2020) Metodika organizatsii i provedeniia seminarov-pogruzhennii po pedagogike v kontekste razvitiia kriticheskogo myshleniia obuchaiushchikhsia vuza [Methods of organizing and conducting seminars-dives in pedagogy in the context of developing critical thinking of University students], *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/48PDMN220.pdf> (Accessed date 22 February 2024)
- Svechnikova E.V. (2017) Formirovanie nauchnogo mirovozzreniia u molodezhi [Formation of a scientific worldview among young people]. In: *Lzhenuka v sovremennom mire: mediasfera, vysshee obrazovanie, shkola* [Pseudoscience in the modern world: media sphere, higher education, school]. St. Petersburg: Piter. pp. 56–60.
- Seitova T.Sh., Ospanova N.B. (2022) Razvitie kriticheskogo myshleniia budushchikh uchitelei matematiki [Developing critical thinking in future mathematics teachers]. In: *Innovatsionnoe razvitie nauki i obrazovaniia* [Innovative development of science and education]. pp. 61–68.
- Halpern D. (2000) *Psikhologiya kriticheskogo myshleniia* [Thought and Knowledge: An Introduction to Critical Thinking]. St. Petersburg: Piter.
- Braun K. (2019) Unpacking post-truth, *Critical Policy Studies*, Vol. 13, no. 4, pp. 432–436.
- Chirgwin S.K., Huijser H. (2015) Cultural variance, critical thinking, and indigenous knowledges: Exploring a both-ways approach. In: *The Palgrave handbook of critical thinking in higher education*. New York: Palgrave Macmillan US, pp. 335–350.

- Christie M., Asmar C. (2021) Indigenous knowers and knowledge in university teaching. In: *University Teaching in Focus*. Routledge, pp. 260–284.
- Correa Muñoz M.E., Saldarriaga Grisales D.C. (2014) The Latin American Indian epistemicide: Some thoughts from decolonial critical thinking, *Revista CES Derecho*, Vol. 5, no 2, pp. 154–164.
- Frijda N.H. (2008) The Psychologists' Point of View. In: *Handbook of Emotions*. New York: Guilford Press, pp. 59–74.
- Fuller S. (2018) *Post-Truth: Knowledge As A Power Game*. Anthem Press.
- García Franco A., Ferrara Reyes L., Gómez Galindo A.A. (2022) Culturally relevant science education and critical thinking in indigenous people: bridging the gap between community and school science. In: *Critical Thinking in Biology and Environmental Education: Facing Challenges in a Post-Truth World*. Cham: Springer International Publishing, pp. 55–72.
- Howat A., Bruschke J., Ocampo M. (2023) Critical thinking instruction for the post-truth era, *Argumentation and Advocacy*, Vol. 59, no. 1–4, pp. 17–35.
- Inoue Y. (2005) *Critical Thinking and Diversity Experiences: A Connection*. American Educational Research Association.
- Jiménez-Aleixandre M.P., Puig B. (2022) Educating critical citizens to face post-truth: The time is now. In: *Critical Thinking in Biology and Environmental Education: Facing Challenges in a Post-Truth World*. Cham: Springer International Publishing, pp. 3–19.
- Levitin D.J. (2017) *Weaponized lies: How to think critically in the post-truth era*. Penguin.
- Marchenko O., Kretov P., Kretova O. (2021) Post-truth and critical thinking: ideological implications in education. *Liudinoznavchi studii. Seriya «Filosofia»*, 43, pp. 96–102.
- McGuirk J. (2021) Embedded rationality and the contextualisation of critical thinking, *Journal of Philosophy of Education*, Vol. 55, no 4–5, pp. 606–620.
- Montesquieu C.L.S. (2014) *My thoughts*. Liberty Fund.
- Negahneewin Research Centre. *An Indigenous Knowledge Mobilization Packsack: Utilizing Indigenous Learning Outcomes to Promote and Assess Critical Thinking and Global Citizenship*. Toronto: Higher Education Quality Council of Ontario, 2020.
- Nyeu M.T. (2020) *From Indigenous Elders' Stories to a Critical Thinking Curriculum: a Discussion-Based Literacy Intervention Using Indigenous Students' Cultural Narratives*. Harvard Graduate School of Education.
- Porter R. (2001) *Enlightenment: Britain and the Creation of the Modern World*. London: Penguin.
- Pukhta I. (2019) Critical Thinking in the „Post-Truth” Era, *Wschodni Rocznik Humanistyczny*, Vol. 16, no. 1, pp. 67–76.
- Rapple L. (2019) *Epistemic Trust in Online Higher Education: A Mixed Method Phenomenological Research Study*. State University of New York at Albany.
- Sel B. (2022) Social media use of prospective teachers in the post-truth era: Confirmation, trust, critical thinking tendency, *Participatory Educational Research*, Vol. 9, no. 2, pp. 463–480.
- Sockbeson R. (2017) Indigenous research methodology: Gluskabe's encounters with epistemicide, *Postcolonial Directions in Education*, 6(1), pp. 1–27.
- Steger M.B. (2016) Reflections on “critical thinking” in global studies, *ProtoSociology*, Vol. 33, pp. 19–40.
- Wikforss Å. (2019) Critical thinking in the post-truth era. In: *Misinformation and fake news in education*. Charlotte, NC, pp. 279–305.

Сведения об авторах:

ГОЛУБИНСКАЯ Анастасия Валерьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры киберпсихологии, старший научный сотрудник лаборатории социальной антропологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижегород, Россия). E-mail: golub@unn.ru

ГРОЗОВ Степан Сергеевич – аспирант, младший научный сотрудник лаборатории социальной антропологии, ассистент кафедры социальной безопасности и гуманитарных

технологий Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижегород, Россия). E-mail: grozov@imomi.unn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Anastasia V. Golubinskaya, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: golub@unn.ru

Stepan S. Grozov, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: grozov@imomi.unn.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 10 декабря 2024;
принята к публикации 30 января 2025.*

*The article was submitted 10.12.2024;
accepted for publication 30.01.2025.*

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 001.18
doi: 10.17223/2312461X/47/10

О мультимодальности в антропологии

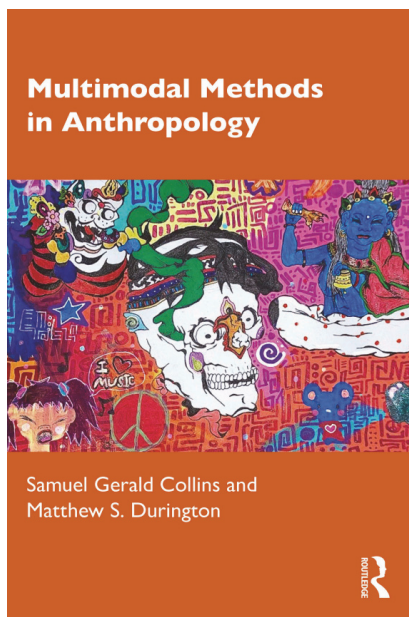
Collins S.G., Durington M.S. Multimodal Methods in Anthropology. New York & London: Routledge, 2024. vi, 164 pp.

ISBN: 978-1-032-36225-0 (hbk),

ISBN: 978-1-032-36224-3 (pbk),

ISBN: 978-1-003-33085-1 (ebk)

DOI: 10.4324/9781003330851

Для цитирования: Соколовский С.В. О мультимодальности в антропологии (Рец. на: Collins S.G., Durington M.S. *Multimodal Methods in Anthropology*. New York & London: Routledge, 2024. vi, 164 pp. ISBN: 978-1-032-36225-0 (hbk), ISBN: 978-1-032-36224-3 (pbk), ISBN: 978-1-003-33085-1 (ebk). DOI: 10.4324/9781003330851) // Сибирские исторические исследования. 2025. № 1. С. 200–207. doi: 10.17223/2312461X/47/10

For citation: Sokolovskiy, S.V. (2025) On Multimodality in Anthropology (Review of Collins S.G., Durington M.S. *Multimodal Methods in Anthropology*. New York & London: Routledge, 2024. vi, 164 pp. ISBN: 978-1-032-36225-0 (hbk), ISBN: 978-1-032-36224-3 (pbk), ISBN: 978-1-003-33085-1 (ebk). DOI: 10.4324/9781003330851). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 200–207 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/47/10

Современный антрополог, как и любой социальный ученый, практикующий полевые исследования, в техническом отношении оснащен намного лучше его предшественников, работавших каких-нибудь пол-

века назад. В эпоху цифровых технологий, трансформирующих все научные области и дисциплины и коренным образом изменяющих исследовательские методологии, небольшая по объему книга «Мультимодальные методы в антропологии» выглядит как весьма своевременный вклад в практику антропологических исследований. Опубликованное издательством *Routledge* в апреле 2024 г., это 164-страничное руководство увидело свет именно тогда, когда мультимодальность в антропологической практике, отчасти благодаря пандемии с ее шатдаунами, стала приобретать все большую популярность. Ее авторы, профессор университета Мэриленда, специалист по Корее и блогер (<https://tomorrowculture.blogspot.com>) Сэмюэль Дж. Коллинз и профессор университета Таусон в том же штате, африканист Мэтью С. Дьюрингтон анализируют в своей новой книге (это не первая их совместная работа) как раз те трансформации, благодаря которым новые технологии и мультимедийные подходы стали оказывать столь мощное воздействие на динамику полевых исследований, одновременно изменяя методы, с помощью которых сами антропологи получают новые знания, обучают студентов и взаимодействуют со своими читательскими и медиа-аудиториями. В книге рассматриваются как исторические прецеденты мультимодальности, так и современные технологические инновации, и ее авторы предлагают обстоятельный обзор соответствующих методов и технологий, способствующих пониманию и внедрению мультимодальности в полевые антропологические исследования и публикацию их результатов.

Концепция мультимодальности выходит за рамки принятых в наших дисциплинах традиционных текстоцентристских подходов и уже в силу этого представляет собой смену парадигмы, предлагая более обширный набор средств и инструментов, используемых как в ходе исследовательского процесса, так и при последующей репрезентации его результатов. Антрополог из Лейденского университета (Нидерланды) и специалист по визуальной антропологии Марк Уэстморленд в своем обстоятельном обзоре этой методологии замечает, что мультимодальность влечет за собой «изменение характера проведения исследований, разработки научных данных, методов обучения студентов и способов общения с разнообразной публикой» (Westmoreland 2022)¹. Смартфоны, социальные сети и цифровое программное обеспечение фундаментально изменяют динамику исследований и традиционные практики документирования и представления их результатов, все более вытесняемые различными медиа-форматами, объединяющими изображения, звуки, объекты и текст.

Рост популярности мультимодальности отмечается и членами Общества культурной антропологии (SCA), организовавшими Мультимодальную студию (*Multimodal Studio*) и отмечающими, что мультимодальность в антропологии продолжает набирать обороты, охватывая все – от

мультимедийных подходов к этнографическому представлению до совместных сценографических перформансов и художественных форм взаимодействия. Участники Студии SCA рассматривают эти трансформации как часть продолжающегося эксперимента, относясь к ним как к мастерской, где по мере того, как исследуются ее методы и режимы, реализуется переопределение самой антропологии (<https://culanth.org/fieldsights/multimodal-studio>). Все это подчеркивает природу мультимодальности как продолжающей бурное развитие инновационной методологической структуры.

Мультимодальная антропология охватывает исследования, реализуемые на различных медийных платформах, включая кино, видео, фотографию, театр, дизайн, подкасты, мобильные приложения, интерактивные игры, социальные сети, 360-градусный видеоохват и технологии дополненной реальности. Такой выход за пределы текстовой этнографии создает возможности для более богатых в отношении сенсорики и многомерных представлений человеческого опыта. Многоаспектность восприятия и многомерность представления результатов исследований бросают вызов сложившемуся дисциплинарному консенсусу относительно вопросов, чем именно является антропологическое знание и как оно должно документироваться и распространяться. Авторы рассматриваемой здесь книги пытаются преодолеть разрыв между энтузиазмом экспериментаторов и строгостью своей дисциплины, при этом они используют комплексный подход, преследующий, помимо анализа новых методов и технологий, несколько дополнительных целей. Каждая из восьми глав этого руководства знакомит читателей с конкретными методами и приемами, предоставляя им практические инструменты, которые они затем смогут включить в собственную исследовательскую практику. Такое прагматическое измерение делает это пособие особенно ценным для тех, кто стремится расширить свой методологический репертуар за пределы стандартных текстуальных приемов. Их книга является хорошим введением в мультимодальные методологии и окажется полезной как для студентов, так и для практикующих исследователей, предлагая конкретные примеры, взятые как из собственного опыта авторов, так и из других дисциплин.

Помимо учебной функции, книга затрагивает важные этические аспекты использования мультимодальных технологий. В частности, авторы анализируют как мультимодальность воспроизводит «цифровой разрыв» между различными группами населения, признавая, что технологические инновации могут либо преодолевать, либо усугублять существующее цифровое неравенство. Этическая проблематика, связанная с использованием новых технологий, отражает растущую обеспокоенность антропологов в отношении динамики власти и в исследованиях и

в способах репрезентаций их результатов. По мере того как такие технологии создают новые возможности для сотрудничества, они могут также создавать и риски эксплуатации исследуемых или опасность тиражирования ошибочных мнений.

Теоретический вклад книги не менее значителен, поскольку она предлагает пересмотр истории антропологии с позиций мультимодальности и переосмысление многих основных вопросов, включая сотрудничество с исследуемыми и доступ к информации. Переосмысливая историческое развитие дисциплины через призму мультимодальности, авторы предполагают, что сама мультимодальность представляет собой не недавнее технологическое новшество, но обозначает скорее возврат к мультисенсорным истокам антропологии. Такое переосмысление помогает легитимировать мультимодальные подходы, помещая их в широкую интеллектуальную традицию антропологических исследований. На протяжении всей книги авторы систематически совмещают и сравнивают исторические прецеденты со случаями использования современных инновационных технологий, демонстрируя и преемственность, и изменения антропологических методов. Такие сравнения позволяют преодолеть искушение рассматривать мультимодальность как нечто абсолютно новое и показывают, как она вырастает из традиционных этнографических практик, постепенно включая все новые технологические возможности.

Одним из наиболее ценных вкладов авторов является их вызов традиционному пониманию самой практики полевой этнографии. Вместо того чтобы рассматривать мультимодальность как простое включение визуальных и аудиоэлементов в текстоцентричное исследование, Коллинз и Дьюрингтон предлагают фундаментальный пересмотр того, как антропологи взаимодействуют со своим полем и собеседниками. В упомянутом выше обзоре Уэстморленда отмечается, что мультимодальные подходы избегают «сглаживания и упрощения этнографического наблюдения в логоцентрических практиках письма и разнообразят способы исследования для создания сверхтекстовой медиации сенсорного опыта исследователей» (Westmoreland 2022: 173). Рецензируемая книга развивает эту позицию, побуждая исследователей более внимательно относиться к роли, которую различные медиатехнологии и цифровые устройства играют в жизни всех участников исследований и рассматривая эти технологии не просто как инструменты документирования, но как культурные артефакты, достойные специального анализа. Такой двойной фокус – и на использовании нескольких медиаформатов, и на изучении влияния этих технологий на повседневность – представляет концептуальный вклад авторов в развитие дисциплины.

Авторы также вносят важный вклад, обращаясь к потенциалу мультимодальных методологий, реализующих сотрудничество между исследователями и исследуемыми. Они утверждают, что работа на нескольких

медиаплатформах может способствовать более равноправному партнерству и создавать новые возможности для совместного творчества антропологов и их собеседников. Акцент на сотрудничестве согласуется с более широким дисциплинарным сдвигом в сторону партиципаторных моделей полевых практик и отражает растущее признание того, что традиционный этнографический авторитет обычно воспроизводит динамику власти. Еще одна предлагаемая авторами ключевая идея касается того, как мультимодальные подходы бросают вызов устойчивым дихотомиям антропологического мышления, в частности противопоставлению текста и изображения, структурировавшего значительную часть дисциплинарного дискурса. Подчеркивая «калейдоскопические качества» мультимодальной антропологии, С.Дж. Коллинз и М.С. Дьюрингтон призывают читателей выйти за рамки этого бинарного мышления и принять более интегративное понимание того, как различные формы репрезентации могут работать совместно. Это переосмысление имеет существенные последствия для концептуализации исследовательских методов и стратегий репрезентации в наших дисциплинах.

«Мультимодальные методы в антропологии» написаны, как подтверждает издатель и сами авторы, в качестве «идеального текста для разнообразных курсов по антропологии и качественному исследованию на уровне бакалавриата и магистратуры» (цитата с обложки книги). Образовательный фокус очевиден и в структуре книги, где ряд глав (с третьей по седьмую) представляет отдельные методы (фотографию, картографирование исследуемого сообщества, игровые и профессиональные приложения и дизайн), одновременно обеспечивая для каждого из этих методов контекст в весьма широких методологических и теоретических рамках. Педагогический опыт авторов книги позволяет им излагать сложные концепции без чрезмерного упрощения, что в итоге дает возможность студентам, впервые знакомящимся с антропологическими методами, получить качественное введение как в традиционные, так и в новые подходы к этнографическим исследованиям. Представляя мультимодальность как неотъемлемый аспект антропологического исследования (а не как радикальный отход от классических практик), авторы помогают новичкам понять эволюцию дисциплинарной методологии. В то же время теоретическая сложность книги делает ее значимой и для аспирантов, стремящихся повысить актуальность своего исследования в контексте текущих методологических дискуссий. Преподаватели курсов по методам исследований найдут книгу особенно ценной за ее удачное соединение теоретических дискуссий с практическими приложениями. Как предполагают Коллинз и Дьюрингтон, «читатели уйдут с новыми идеями и новыми взглядами на устоявшиеся идеи, а также с инструментами, которые позволят воплотить эти идеи в практику» (2024: ii). Такая интеграция теории и практики решает распространенную проблему в методических курсах, где студенты испытывают трудности с соединением абстрактных принципов с конкретными исследовательскими стратегиями.

Книга также послужит хорошим источником информации и для опытных антропологов, заинтересованных в расширении своего методологического инструментария.

Ценность «Мультимодальных методов в антропологии» заключается в комплексном подходе к быстро развивающимся технологиям полевых исследований. Вместо того чтобы узко сфокусироваться на конкретных технологиях или платформах, Коллинз и Дьюрингтон предлагают такую концептуальную структуру, которая позволяет учитывать текущие технологические изменения. Их подход обеспечивает актуальность книги даже в тех случаях, когда конкретные цифровые инструменты устаревают, что особенно важно для работ, посвященных постоянно меняющимся цифровым методологиям. Еще одной сильной стороной этого руководства является отмеченное выше внимание авторов к этической стороне использования новых технологий и методов. Исследуя, как мультимодальные методы взаимодействуют с проблемами власти, репрезентации и доступа, авторы избегают технологического детерминизма и сохраняют фокус на человеческом измерении в полевой и публикационной практиках. Такая ориентация особенно ценна на фоне растущей обеспокоенности относительно существующего технологического неравенства, то и дело заявляющего о себе в различных исследовательских контекстах.

Недостатки этой книги парадоксальным образом связаны с избранным авторами текстовым форматом описания мультимодальных подходов. Мультимедийное издание в этом случае было бы более уместным. Авторы, разумеется, используют и визуальные элементы и ссылки на другие медиа, однако традиционный публикационный формат неизбежно ограничивает возможности яркой демонстрации мультимодальных методов в рамках их собственной репрезентационной практики. Очевидная ирония при использовании главным образом текстовых средств для отстаивания сверттекстовых подходов отражает широкие институциональные ограничения, продолжающие поддерживать текстуальные формы академических работ вопреки растущему признанию и спросу на уже хорошо разработанные альтернативные формы мультимедийных репрезентаций. Еще одно соображение касается позиции авторов книги в продолжающихся междисциплинарных дискуссиях о связи между визуальной антропологией и новыми мультимодальными подходами. Как отмечают сами авторы, мультимодальная антропология *дополняет* антропологию визуальную, а не *заменяет* ее (2024: 155). При этом, однако, остаются вопросы, как эти подходы соотносятся друг с другом и что отличает мультимодальность от, например, более ранних мультимедийных этнографических проектов. Терминология и концептуальный инструментарий дисциплины продолжают изменяться, что кроме прочего означает, что границы между альтернативными подходами будут все более проницаемыми и оспариваемыми.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что новое руководство вносит существенный вклад в продолжающиеся дискуссии о будущем антропологических исследований и формах и способах репрезентации результатов научных разысканий. Предоставляя как практическое руководство, так и теоретическое обоснование для мультимодальных подходов, авторы этой книги помогают осознать, что традиционные этнографические методы требуют постоянной адаптации к новым реальностям и переосмысления в свете ускоряющихся технологических перемен без утраты связи с основными методологическими и этическими принципами антропологических исследований. Акцент авторов на сотрудничестве с исследуемыми сообществами и доступности результатов исследований для членов этих сообществ соответствует общему движению социальных исследователей в сторону более справедливых и этичных практик. Такая этическая ориентация гарантирует, что технологические инновации будут служить ценностям антропологии как науки о человеке, а не ограничатся простым предложением новых форм объективации научных результатов. Книга приглашает читателей переосмыслить не только обстоятельства производства антропологического знания, но и проблемы его распространения в различных аудиториях. Мультимодальные подходы предлагают многообещающие пути для распространения антропологических идей за пределами традиционных академических контекстов. Для ученых, студентов и практиков, желающих хорошо ориентироваться в быстро меняющемся ландшафте современной антропологии, «Мультимодальные методы в антропологии» предлагают и дорожную карту, и своеобразный компас в виде практического руководства для решения конкретных методологических задач наряду с теоретической ориентацией в рамках более широких перемен в нашей дисциплине. Публикация этой книги представляет собой важную веху в продолжающейся методологической перестройке антропологии, помогая усвоению инновационных практик и методов и предлагая критическое осмысление этических последствий их использования в производстве и представлении антропологического знания.

Примечание

¹ Читатели, интересующиеся применением мультимодальных методов исследования в социальных и гуманитарных дисциплинах, обнаружат больше материалов в журнале издательства Sage *Multimodality & Society* (<https://journals.sagepub.com/home/masa>).

References

- Westmoreland M. (2022) Multimodality: Reshaping Anthropology, *Annual Review of Anthropology*, 51, pp. 173–194. Available at: <https://www.annualreviews.org/doi/pdf/10.1146/annurev-anthro-121319-071409>

Сергей Валерьевич Соколовский

Сведения об авторе:

СОКОЛОВСКИЙ Сергей Валерьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: SokolovskiSerg@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sergei V. Sokolovskiy, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: SokolovskiSerg@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 25 февраля 2025;
принята к публикации 10 марта 2025.*

*The article was submitted 25.02.2025;
accepted for publication 10.03.2025.*

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2025. № 1

Редактор Ю.П. Готфрид
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик А.П. Данилова

Подписано в печать 19.03.2025 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 15,3. Усл. печ. л. 19,9. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 6295. Цена свободная.

Дата выхода в свет 28.04.2025 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru